

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

БЕЗ ЦАРЯ ВО ГЛАВЕ

Отречение
или отрешение?

НЕ ВСЕ ПЕРЕМЕНЫ БЫВАЮТ К ЛУЧШЕМУ

И

СТОРИЯ ОТРЕЧЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА РОССИЙСКОЙ империи, Николая II, и сегодня вызывает немало споров. Почему вдруг? Почему именно так? Возможно ли было нашему историческому развитию пойти иначе? Роль личности в истории – это то, к чему мы всякий раз возвращаемся, на новом этапе развития, приглядываясь к очередной Личности, оказавшейся на вершине нашего отечественного олимпа, который, как известно, не любит толчей на самом пике. Разве что у трона.

Историки сегодня, к примеру, гадают, как бы пошло развитие, скажем, Великобритании, если бы в 1199 году на троне оказался монарх не чета Иоанну Безземельному, человеку слабому, одному из самых неудачливых, как теперь говорят, английских королей (недаром больше никто и никогда не взял себе имя Иоанна). Сколь велика оказалась роль этой его слабости в том, что именно он подписал Великую хартию вольностей, давшую начало всему западному, да и не только, парламентаризму? Применительно к Николаю II таких «если» можно насочинять сколько угодно. Наверное, это все же был не тот человек, с которым Россия должна была бы оказаться на том перекрестке истории, – и сползания в пропасть, весьма вероятно, удалось бы избежать. Но история с отречением поучительна (если история вообще может быть поучительной – все этого ей желают, но никто не хочет сам брать уроки) еще и тем, что она показывает, насколько велика бывает роль правящей, интеллектуальной, научной и прочей элиты. В 1917 году большинство ее повело себя прежде всего безответственно. Лозунг «Чем хуже – тем лучше!» вылился на улицы, словно печатью лег на лица благонамеренных буржуа, гулявших по весеннему Петербургу с алыми бантами на груди. Они так приветствовали революцию. Р-р-р-республику. Как сказали бы теперь – «движуху», показавшуюся на фоне выведен-

ных Николаем II (и повылезавших во множестве самих, удачливо выиграв в околодворцовых интригах) на первые роли бездарностей, казнокрадов, тупиц и прощельг. Они, собственно, его в результате и предали, подстали, оказавшись неспособными отличить сиюминутные радости политического триумфа от истинных интересов собственной отчизны. Почти всех из них по том «накажут» большевики: кого зарубят шашкой, кого расстреляют, кого сгноят в лагерях, кого отправят (этим еще повезет) в вечное изгнание.

Но накажут, к сожалению, их всех не за то, что они сделали. ⚡

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель правления фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российской общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ФЕДЮКИН И.И.

Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

РУССКИЙ МИР

- 06** Россия поможет молдавским литераторам
08 Мартовские церемонии
09 Эволюция БРИКС
10 Феномен духа

СИТУАЦИИ

- 14** «Театральная неотложка» спешит на помощь

38 Бритье головы

ИСТОРИЯ

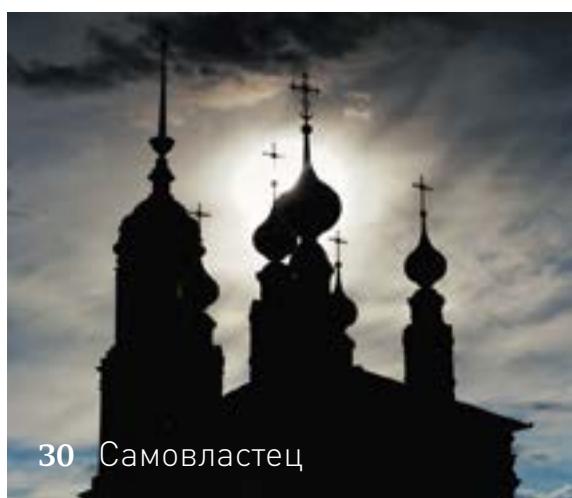

- 18** Царственная пышность
24 Самое дно

ИНТЕРВЬЮ

- 42** Невесомость Алексея Лосева

30 Самовластец

- 50** По следам Вавилова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 58** «Нет силы, способной их остановить»
64 Окольцованные блокадой

- 68** Валенки за Сталинград

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 72** Промысел
80 Окликующие весну
86 Брюсов. Блок. Бретань

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 92** Наперекор судьбе

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Ксения БОБРОВИЧ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Андрей КУЛЬБА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Юлия СЕМЕНОВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ
Милена ТЕДЕЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

РОССИЯ ПОМОЖЕТ МОЛДАВСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА [ФОТО АВТОРА]

В КАКИХ УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЕТСЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В МОЛДАВИИ? ГДЕ ПЕЧАТАТЬСЯ МЕСТНЫМ АВТОРАМ? КАК ОТНОСИТСЯ К НИМ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ? ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ОБСУЖДАЛИСЬ В КОНЦЕ ЯНВАРЯ НА ВСТРЕЧЕ ПОСЛА РФ В КИШИНЕВЕ ФАРИТА МУХАМЕТШИНА С ЧЛЕНАМИ АССОЦИАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ МОЛДАВИИ.

ЭТА АССОЦИАЦИЯ БЫЛА создана в 1998 году не от хорошей жизни. Ведь едва Молдавия стала независимой страной, республиканский Союз писателей избавился от некогда мощной и успешно работающей русской секции, и ее члены оказались за бортом многонациональной молдавской литературы. Ассоциация стала в каком-то смысле

выходом из положения: она объединила значительные творческие силы, поставив перед собой цели сохранения и распространения русской литературы в Молдавии. Но с каждым годом этой организации приходится все труднее. И в материальном смысле – меценатов в стране становится все меньше, и в моральном. Русских писателей официальные структуры не замечают

по-прежнему. Вот почему в начале 2013 года появилось открытое письмо членов ассоциации Министерству культуры. «Мы есть, – напоминают его авторы, – хотя вы и пытаетесь делать вид, что нас в природе не существует». «Стихи, проза, публицистика и переводы наших авторов постоянно публикуются на страницах солидных зарубежных изданий, в коллективных альманахах и сборниках, на международных сайтах, и только в своей республике русская литература пребывает в духовном подполье, никак не поддерживаемая государством!» – пишут они.

Между тем только в 2012 году и только члены ассоциации – а она объединяет далеко не всех русских литераторов Молдавии – стали лауреатами и дипломантами международных конкурсов. Прозаик Олег Краснов стал победителем «Литературной Вены». Татьяна Орлова попала в шорт-лист немецкого конкурса Za-Za. Наталья Новохатная получила диплом конкурса «Русский стиль» (Германия). Михаил Поторак вошел в лонг-лист российского конкурса «Согласование

времен». Его сын Леонид Пото- рак привез из Лондона титул «Ко- роля супертурнира поэтов русского зарубежья – 2012». Сергей Пагын победил в российском сетевом «Большом литературном конкур- се», а Валерий Шварц – в конкурсе «Поэзия без границ». Но никто из высоких чиновников не удосужил- ся даже поднять телефонную трубку и поздравить людей, которые сво- им творчеством продвигают имидж страны.

Да и на это письмо, обошедшее все русскоязычные СМИ Молдавии, никто не отреагировал.

По словам председателя ассоциа- ции Олеси Рудяниной, за пос- ледние двадцать лет государственные изда- тельства Молдавии выпустили только шесть книг местных авторов, пишущих на русском языке. Это притом, что произведения авторов, пишущих на молдавском язы- ке, печатаются сотнями. «Дело не в противопоставлении, – говорит Рудянина, – мы рады за молдав- ских коллег, но нас обижает такое отношение». Русским писателям, многие из которых и так едва сводят концы с концами, приходится выпускать книги за свой счет. Конечно, у них есть возможность публиковаться в других странах, но вопрос – почему такой возмож- ности нет в своей собственной? Другая проблема – выпуск литерату- рного журнала на русском языке.

Когда-то такой существовал. Журнал «Кодры» был довольно заметным явлением в литературной жизни СССР. Он выходил и после распада Союза. Но уже исключительно благо- даря энтузиазму его главного ре- дактора Юрия Грекова. И не ежеме- сячно, а от случая к случаю, когда находились деньги. После ухода из жизни Грекова умер и журнал.

В 2010 году Ассоциация русскоязычных писателей Молдавии вы- пустила первый номер журнала «Русское поле». Периодическим изда- нием его назвать нельзя, по- тому что в течение двух лет он вы- ходил, когда редакции удавалось найти деньги. Правда, надеется Рудянина, теперь положение мож- но исправить при финансовой под- держке российского посольства. В

Олеся
Рудянина

Олег Краснов
и поэт Юрий
Гудумак

этом году намечено выпустить че- тыре номера журнала с периодич- ностью раз в три месяца.

И это шаг вперед, считает писатель- ница Александра Юнко, ведь такой журнал нужен не только собратям по перу, которые имеют возможность публиковаться, но и читателям, ко- торые благодаря журналу не только знают о самом факте существования русской литературы в Молдавии, но и знакомятся с новыми именами, получают представление о литера- турном процессе в стране.

На встрече с главой российской дипмиссии молдавские писате- ли говорили и о других пробле- мах. Одна из них – отсутствие соб- ственного помещения – решилась моментально: теперь заседания ассоциации будут проходить в по- мещении Российского центра на-уки и культуры в Кишиневе. Реше- ние прочих (ну, например, открытие в РЦНК небольшой книжной лавки, где будут продаваться и книги мест- ных авторов, пишущих на русском языке) потребует времени.

Фарит Мухаметшин (кстати, член Союза писателей России) предло- жил коллегам наметить направле-ния, по которым в этом году будет проходить сотрудничество ассоциа-ции с российским посольством в Кишиневе и РЦНК. Это проведение при поддержке посольства большо- го конкурса русских писателей Мол- давии, в котором могли бы принять участие как мэтры, так и начинаю- щие поэты и прозаики. Это органи-зация и оживление работы литера- турных кружков в русских школах. Здесь РЦНК может помочь членам ассоциации с транспортом, ведь да- леко не все русские школы находят- ся в Кишиневе (правда, в районах их все меньше и меньше: они первыми попали под гильотину оптимизации, но это тема для другого разговора). Российский посол пообещал членам ассоциации наладить их связи с Со-юзом писателей России. Договори-лись о том, что дипмиссия поможет в организации мастер-классов с уча-стием российских писателей. Ну и, наконец, ассоциации помо- гут создать свой интернет-сайт, ко-торый сегодня делается на обще-ственных началах, а энтузиазм, как известно, со временем без подпит-ки иссякает.

МАРТОВСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

НЫНЕШНЕЙ ВЕСНОЙ ОТКРОЮТСЯ РУССКИЕ ЦЕНТРЫ И КАБИНЕТЫ РУССКОГО МИРА В АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ХОРВАТИИ, ЧЕХИИ, ПРИБАЛТИКЕ, НА УКРАИНЕ, В КОНГО, МЬЯНМЕ И ЮАР.

КАК ВИДНО ИЗ ПЯТИЛЕТней статистики, Русские центры и Кабинеты Русского мира оказались востребованы. Сейчас по всему миру действуют 92 центра и 117 Кабинетов, в планах фонда «Русский мир» открыть этой весной еще несколько. Представляем небольшой обзор событий с прогнозами, начиная с начала года.

В конце января в Финско-русской школе Хельсинки (Финляндия) открылся Русский центр. Точнее, его перевели из библиотеки Института России и Восточной Европы в общеобразовательную школу в связи с реорганизацией вуза. В школе русский язык изучают как обязательную дисциплину более 700 детей в возрасте от 6 до 19 лет, так что Русский центр станет им подспорьем в получении образования.

22 февраля новый центр появился в Миланском государственном университете, теперь в Италии их три. На торжественной церемонии

открытия от фонда «Русский мир» присутствовали исполнительный директор Петр Скороспелов, директор европейских программ фонда Алексей Громыко и руководитель управления Русских центров и Кабинетов Русского мира Николай Сергейчев. Также выступили ректор Миланского университета, Генеральный консул РФ в Милане, представители властей города различного уровня, видные лингвисты, руководители крупных фондов, занимающихся продвижением русской культуры в Италии. Звучали не только обычные приветственные речи. Участники обсудили историю, современное положение и перспективы русской культуры в Италии, провели круглый стол «Мир перевода» с участием профессиональных переводчиков литературы с русского языка на итальянский. «Своих партнеров в Милане мы будем постоянно поддерживать, в том числе материально, – говорит Алексей Громыко. – Материаль-

ную помошь мы гарантируем руководителям центров, также будем выделять средства на различные проекты. Рассчитываем на сотрудничество с коллегами из Миланского государственного университета и с оптимизмом смотрим на расширение деятельности фонда «Русский мир» в Италии». Говоря о расширении деятельности, Алексей Громыко имел в виду не только далекие стратегические планы. Четвертый Русский центр в Италии откроется этой весной в Неаполитанском Восточном университете. Что касается весенних планов открытия Русских центров в странах Европы, один из ближайших мы ожидаем в Великобритании, в Даренском университете (Англия). Это будет третий Русский центр в Англии. «Как вы понимаете, в Италии и Англии русская культура присутствует не одно столетие, поэтому там на наши центры – большой спрос, – отмечает Алексей Громыко. – А учитывая, что 2014 год будет перекрестным для России и Великобритании, развитие нашей деятельности в этой стране сейчас особенно важно. Не сомневаюсь в постепенном наращивании взаимовыгодного сотрудничества с этими странами, расширении там грантовой деятельности «Русского мира». В 2013 году фонд уделят более пристальное внимание Нидерландам в связи с перекрестным годом наших культур. К открытию центра готовится и Испания, это произойдет в Гранадском университете, который в последние годы является крупнейшим центром русистики в стране. Кабинеты Русского мира появятся в ближайшее время в Прибалтике, Чехии, Германии и Хорватии. Если говорить о странах СНГ, то два Кабинета образуются на Украине». А в Африке весной ожидается настоящий прорыв. Сейчас там действуют всего два Кабинета Русского мира, в Кении и Замбии. Весной, вероятно, заработают сразу два Кабинета и два первых центра. Со дня на день будет образован Кабинет в академии Конго. Руководитель региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая провел встречу с министром образования Конго, достиг необходимых договоренностей, программа работы Ка-

бинета уже утверждена правительством этой африканской страны. «Конго – одна из крупнейших и богатейших по природным ресурсам стран Африки, – объясняет выбор страны Георгий Толорая. – И к ней проявляют интерес множество государств, поскольку страна эта «спящая». Сейчас там активнее всех работают американцы и французы. России необходим в Конго Кабинет Русского мира как некое лобби для продвижения своих интересов».

Первые два Русских центра появятся в ЮАР и Мьянме. Соответствующие договоры подписал в конце января министр иностранных дел РФ Сергей Лавров во время своего официального визита. Открытие центра в ЮАР планируется приурочить к V саммиту БРИКС, который пройдет 26–27 марта. Дата торжественной церемонии в Мьянме уточняется. Хотя в целом все готово. Осуществление проектов находится под пристальным вниманием правительства как Мьянмы, так и ЮАР. «Мьянма, как известно, сейчас открывается миру, – говорит Георгий Толорая. – Там уже побывал с визитом Барак Обама, очень активно стараются продвигаться западные компании. В стране идут большие реформенные процессы, а страна большая, несколько миллионов человек, и в ней проживает много людей, получивших образование в СССР и России, а это – управленческая элита. Надо отметить, что это будет один из первых Русских центров в Мьянме, куда не проникли ни французы, ни немцы. Здесь мы стали первыми. Потребности в русском языке там большие». Тем не менее о дате открытия пока говорить рано: все дело – в африканском менталитете. «Очень сложно работать в Африке и Азии, – говорит Георгий Толорая. – Не знаю, пойдут ли наши центры в Африке или нет. Партнеры очень необязательные, капризные, ждут, что им в руки упадет манна с неба. Исключение составляют Китай, Корея и Япония. Еще мы ведем переговоры в Лаосе, но здесь наша работа – на начальном этапе». Каждый год на разных континентах открывается больше центров и Кабинетов, чем в предыдущем году. И в ближайшее время динамика вряд ли изменится.

ЭВОЛЮЦИЯ БРИКС

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

РУКОВОДИТЕЛИ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ПРИМУТ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ БИЗНЕС-ФОРУМЕ БРИКС, КОТОРЫЙ СОСТОИТСЯ 10 МАРТА В ЮАР И ГДЕ БУДУТ ОБСУЖДАТЬСЯ ДОЛГОСРОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН – УЧАСТНИКОВ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

26

–27 марта в Дурбане (ЮАР) состоится V саммит БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Главная тема этого международного форума – «Африка: партнерство во имя интеграции и индустриализации». Более 3 тысяч участников – глав государств, крупных политиков и ученых – обсудят вопросы содействия развитию инфраструктуры Африки, создания Банка развития и Делового совета БРИКС, обмена валютами для стимулирования торговли и т.п. ЮАР накануне саммита выступила с инициативой создания Консорциума экспертов стран БРИКС, который бы согласовывал позиции стран по тем или иным вопросам, осуществлял совместные проекты, координировал связь между национальными научными центрами. Такой консорциум, вероятно, будет образован за две недели до саммита, 10 марта, в Дурбане на Международном бизнес-форуме БРИКС. Мероприятие фактически станет подготовкой к саммиту 26–27 марта. В нем примут участие 600–700 представителей стран БРИКС: научная элита, политики, представители общественных организаций. Российской делегацию возглавит председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. В планах для обсуждения значатся следующие темы: БРИКС и глобальная экономика; реформирование институтов глобального управления; сотрудничество в Африке; обеспечение мира и безопасности; развитие образования и науки.

День проведения бизнес-форума войдет в историю еще и тем, что здесь впервые будут озвучены долгосрочные стратегии участия стран в БРИКС. Российская концепция была утверждена президентом РФ Владимиром Путиным 9 февраля. 4 марта ее озвучили в Москве на конференции «Концептуальные подходы участия России в БРИКС», которая прошла в Московском государственном университете. «Отдельным пунктом в этой концепции выделено, что правительство РФ будет оказывать всестороннее содействие Национальному комитету по исследованию БРИКС, созданному на базе нашего фонда», – сообщил руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир», исполнительный директор правления НКИ БРИКС Георгий Толорая. – Сейчас именно экспертные центры, такие как РАН, МГУ, Высшая школа экономики, МГИМО, разрабатывают пути развития России на десятилетия вперед».

Напомним, НКИ БРИКС был создан фондом «Русский мир» в 2011 году совместно с Российской академией наук при поддержке МИД РФ в соответствии с указом президента РФ Дмитрия Медведева. Главными задачами комитета являются формирование единого научно-информационного пространства стран БРИКС, выработка стратегий взаимодействия, реализация совместных научных проектов, продвижение позитивного образа России за рубежом.

«Межгосударственное объединение БРИКС, вопреки ожиданиям скептиков, набирает силу и становится все более весомым фактором международной жизни, – подчеркнул Георгий Толорая. – Наша страна относится к этому со всей серьезностью. Встают вопросы: в чем секрет успеха? Куда должен и может эволюционировать БРИКС? Что толкает страны разных континентов двигаться навстречу друг другу? Эта группировка [БРИКС. – **Прим. ред.**] временная и конъюнктурная или новый активный игрок, способный предложить свежие решения глобальных проблем? Не погубят ли его противоречия между странами-цивилизациями и их разнородность? Что Россия хочет от этого процесса? На эти и другие вопросы пытаются найти ответ ведущие эксперты сначала четырех, а теперь уже и пяти стран БРИКС».

ФЕНОМЕН ДУХА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВО, С КОТОРЫМ СРЕДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МОГУТ СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО УГОДНО, ИЛИ В НЕМ ИЗНАЧАЛЬНО ЗАЛОЖЕНА НЕКОТОРАЯ СИЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗЛУ? ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ВОЗМОЖНОСТЯХ БОРЬБЫ ЧЕЛОВЕКА ЗА СОБСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО И СВОБОДУ СОВЕСТИ? ЭТИ НЕПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ ЧАЩЕ ВСЕГО ЗВУЧАЛИ НА КОНФЕРЕНЦИИ «РАВНИНА РУССКАЯ. ОПЫТ ДУХОВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ».

Опыт насилия и несвободы, выпавший на долю России в XX веке, не должен быть забыт, как и имена тех, кто под жестоким давлением сохранил верность своей совести и свою веру, часто расплачиваясь за это собственной свободой или жизнью. Открывая конференцию, ректор Свято-Филаретовского института профессор-священник Георгий Кочетков отметил, что помимо долгой памяти перед ушедшими поколениями осмысление этого опыта необходимо еще и потому, что «сейчас наш народ нуждается в восстановлении духовности».

«Философ Семен Франк говорил, что история русских заблуждений и безумств изучена хорошо, но совсем не изучена история русского здравомыслия. Это наблюдение можно распространить и на свободу и несвободу. История рабства в России, тем более в советское время, изучена, описана и постоянно привлекает к себе внимание. Но совсем неизвестной и неописанной остается история свободы в России, вернее, история свободного человека, – считает поэт, прозаик, переводчик, кандидат филологических

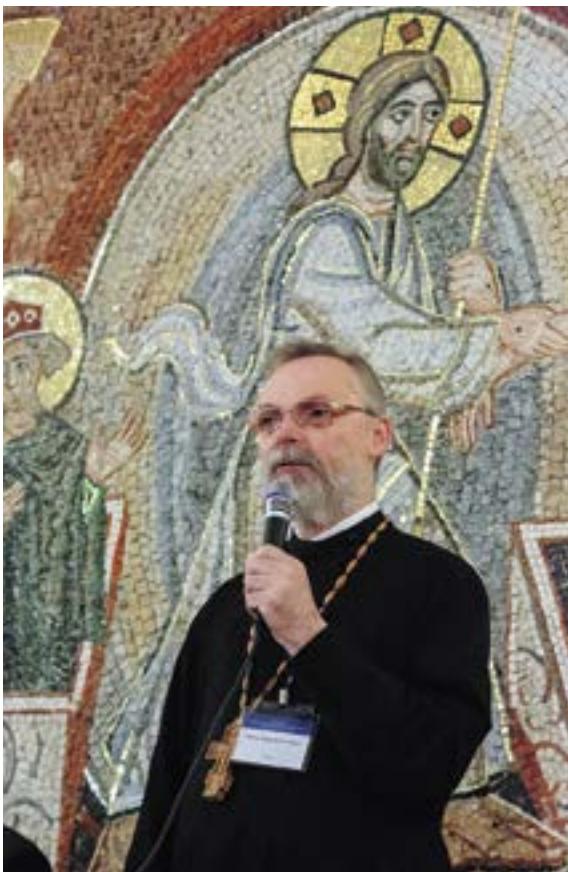
КОНФЕРЕНЦИЯ, КОТОРУЮ при поддержке Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества организовали Преображенское содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, филиал Российского государственного гуманитарного университета в Твери и Московский государственный об-

ластной социально-гуманитарный институт, прошла в начале февраля в Подмосковье. Три дня приехавшие на конференцию историки, философы, филологи, богословы, журналисты обсуждали весьма непростые вопросы, высушали десятки докладов, участвовали в круглых столах, посмотрели документальные фильмы, делились воспоминаниями и вели дискуссии в кулуарах.

наук Ольга Седакова, выступившая с докладом на конференции. – Случаюми, когда люди даже в ситуации катастрофы сохраняли собственное достоинство, – вот этой историей почти не занимались. Первым эту тему поднял Александр Солженицын – тему праведника, без которого село не стоит... Это он заметил и описал советский феномен таких людей – «невидимок».

Ольга Седакова напомнила о «террористической гипотезе», сформулированной основоположницей теории тоталитаризма Ханной Арендт, и вопросе, который она ставит: действительно ли человек может стать кем и чем угодно под давлением среды и обстоятельств? В чем человек черпает силы для противостояния тоталитаризму? «Ресурсом сопротивления тоталитаризму Ханна Арендт считает саму природу человека, – отметила Ольга Седакова. – Представление о природе человека – это представление Блаженного Августина: человек создан для того, чтобы было начало. То есть с каждым человеком рождается новое начало. Это вложено в его природу. Более того, в этом его задание. Мы созданы для того, чтобы было начало. Из этого исходит Ханна, и это объясняет, почему в каждом поколении происходят вспышки утраченного сокровища – сокровища свободы».

Вопросы о причинах и последствиях сопротивления человека ради

сохранения внутренней свободы в условиях несвободы внешней были поставлены и в докладе французского слависта, профессора Женевского университета Жоржа Нива (сам он приехать на конференцию не смог, так что его доклад был зачитан перед аудиторией. – **Прим. авт.**). «Мы можем преклоняться пе-

Ректор Свято-Филаретовского института профессор-священник Георгий Кочетков на открытии конференции

Поэт, прозаик, переводчик
Ольга Седакова

ред многими святыми и многими не святыми сопротивленцами, – считает Жорж Нива. – Это не значит, что любое сопротивление самооправданно. Может быть, кто-то скажет, что иногда примирение лучше, полезнее для будущего, чем продолжение сопротивления. Однако эти образцовые сопротивленцы для нас выглядят как прямой вызов: а мы могли бы так долго и стойко сопротивляться?»

Возможно, именно с этим тяжелым вопросом связано сложившееся отношение к памяти людей, показавших примеры сопротивления тоталитаризму. Они, по большей части, так и остались «невидимками». Только сегодня их имена и их дела постепенно начинают освобождаться из забвения. Но процесс этот очень длительный и тяжелый: ведь многое в такой истории «невидимок» связано с исторической памятью рода, семьи. А катаклизмы, пережитые Россией в XX веке, практически свели эту традицию на нет. Об этом говорил в своем выступлении директор Института генеалогических исследований Российской национальной библиотеки Игорь Сахаров. Он подчеркнул, что сегодня наблюдается рост интереса к генеалогии, что многие люди хотят восстановить свои родословные, однако далеко не всем удается помочь: иногда люди не знают даже, из какой губернии или деревни были их ближайшие предки, иногда архивные документы найти уже невозможно. Но работу эту продолжать необходимо, поскольку нет ничего важнее знания собственных корней. Иначе как можно по-настоящему понимать и любить свое прошлое? «Мы должны по краям собирать эти истории, понимать, что это – замечательные исключения, те самые щепки, которые летят, когда рубят лес, и которые потом никто не замечает», – считает Ольга Седакова.

Работа конференции продолжалась в рамках нескольких секций – «Исповедники веры: люди и судьбы», «Творчество и культура. Опыт духовного сопротивления», «Церковь и общество в XX веке: из истории гонений» и т.д. Также в ходе конференции был проведен вечер воспоминаний «Своими глазами», в котором

приняли участие профессор-священник Георгий Кочетков, протоиерей Павел Адельгейм, профессор Александр Копировский, поэт и прозаик Ольга Седакова, председатель правления правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» Арсений Рогинский.

Во время докладов и дискуссий были рассказаны десятки интересных историй отдельных людей, в том числе нередко выступающие рассказывали о своих предках, представляя реальные свидетельства и конкретные документы. Так, председатель общества «Пермский краевед», член Союза писателей России Владимир Гладышев поведал о своем дедушке – сельском священнике Стефане Гладышеве, пережившем несколько арестов... Говорилось также о том, что в России духовное сопротивление – это по большей части удел одиночек, хотя есть и исключения – например, старообрядцы или казачество. Редактор итальянского журнала «Новая Европа» Марта Карлости дель Аста в своем выступлении сообщила, что сегодня в Европе заметен рост интереса к трагиче-

Пленарное заседание конференции

ской истории Русской православной церкви в минувшем столетии, выходит немало книг, повествующих об опыта новомучеников и исповедников веры.

А директор Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Нина Попова проникновенно рассказывала о том, что Анна Андреевна, несмотря ни на что, решила спасти от забвения все известные ей имена, кото-

рые в советское время запрещено было даже упоминать. Поскольку была уверена, что забвение – это самое страшное зло.

Итоги конференции «Равнина русская» были подведены на круглом столе «Пути восстановления духовной стойкости и созидательной энергии нашего народа». По мнению священника Георгия Кочеткова, Россия сегодня переживает довольно опас-

ный исторический период: «старое уже прошло, а нового еще нет», мы продолжаем испытывать повсеместный греховный страх, и это становится причиной чудовищной индивидуализации и недоверия друг к другу. Но важно то, отметил отец Георгий Кочетков, что на конференции прозвучала тема необходимости покаяния. Писатель и телеведущий Феликс Разумовский призывал вспомнить

свои корни и сетовал на то, что сегодня энергия народа не носит со-зидательного характера: «Ощущение развала и катастрофического состояния Русского мира есть почти у всех. Воссоздавать его, поддерживать, отвечать за землю, на которой тысячу лет жили наши предки, сегодня не получается, потому что мы с вами переживаем колossal-ный кризис беспочвенности. Мы

С помощью вот такого солидного колокольчика директор филиала РГГУ в Твери, член Государствен-ного геральди-ческого совета при Президенте РФ Владимир Лавренов давал понять, что пора прервать дискуссии в кулуарах и вернуться к работе в рамках тематических секций

утеряли связь с той цивилизацией, с той культурой, которая является главным предметом деятельности нашего народа».

А Давид Гзэзян, член Межсоборного присутствия РПЦ, заметил, что нынешняя конференция – как раз доказательство возобновляемости созидательной энергии народа. «Наличие духовного сопротивления – это свидетельство неизбывности, неисчерпаемости таких ре-сурсов. Не один народ исчезал с этой земли во многом потому, что народ – это не онтологическое свойство. Как только он иденти-фицируется исключительно таким способом, он обречен. Напротив, народ имеет перспективы, если он существует как энергия воспроиз-ведения фундаментальных основ положительного существования. Жизнь в истории – это таинство движения человечества к фина-лу. Но финал – это не конец, это некий творческий итог. Без пони-мания этого наше бытие бессмыс-ленно, а мы на примере истории нашей страны знаем, что главное в жизни – борьба с бессмыс-ленностью».

«ТЕАТРАЛЬНАЯ НЕОТЛОЖКА» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

АВТОР

МИЛЕНА ТЕДЕЕВА

ФОТО

ФАТИМЫ АБАЕВОЙ

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ УЖЕ НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ПРИНИМАЕТ В ГОСТЯХ «ТЕАТРАЛЬНУЮ НЕОТЛОЖКУ». ВОТ И 11 ФЕВРАЛЯ В УЮТНОМ ХОЛЛЕ ЦЕНТРА СОБРАЛИСЬ МАЛЫШНЯ И РЕБЯТИШКИ ПОСТАРШЕ, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ, ПОПЕТЬ, ПОПЛЯСТЬ, А САМОЕ ГЛАВНОЕ – ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ НАСТОЯЩИМИ АРТИСТАМИ.

В

ЕДЬ «ТЕАТРАЛЬНАЯ неотложка» – проект инклюзивный и интерактивный, подразумевающий участие ребятишек в театральном действе и совместную игру здоровых детей и детей с ограниченными возможностями. Создан проект на базе Союза театральных деятелей Северной Осетии, возглавляемо-

го Казбеком Губиевым, а существует и развивается благодаря выигранному в марте минувшего года гранту на конкурсе социальных проектов Минэкономразвития республики. Надо сказать, что менеджером «Неотложки» является специалист из другого министерства – культуры и массовых коммуникаций. Таким, что два республиканских ведомства поддерживают благое начинание, кстати, первое такого рода в Северной Осетии.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Однажды Андрей Кокоев, молодой режиссер Северо-Осетинского драматического театра имени Владимира Тхапсаева, стал перечитывать любимые с детства сказки – «Любопытного слоненка» Р. Киплинга и народную американскую – «Джонни Яблочное Зернышко». Нет, Андрей, конечно, не впал в детство. Он искал сюжет для особой постановки – для детей, которым нелегко приходится в жизни, которые видят, слышат и чувствуют мир иначе. И которым нужна помочь тех, кто не обделен никакими возможностями и физически полноценен. Все складывалось у Андрея удачно: вышло так, что менеджером проекта «Театральная неотложка» стала Фатима Пагиева – спе-

циалист из Минкульта и актриса Северо-Осетинского театра. Она как раз тоже задумалась над созданием особого проекта. А подругой Фатимы оказалась детский психиатр, психолог и сурдолог Марина Абуталипова. Марина уже имела большой опыт работы со сложными подростками и с малышами, которым после рождения ставят сразу несколько плачевых диагнозов.

– Я была в отпуске по уходу за ребенком, когда мне позвонила Фатима и сказала, что они с Андреем решили создать инклюзивный театр... Знали бы вы, какая у меня была реакция! – рассказывает Марина. – Ведь я двенадцать лет мечтала о чем-то подобном. Всегда внимательно следила за тем, какие в других регионах появляются коррекционные центры, и тихо завидовала. В общем, я наняла няню и бросилась помогать Фатиме и Андрею. Работа запала...

Когда я спросила у Андрея, что для него – пусть молодого, но уже достаточно известного театрального деятеля – значит эта работа, он ответил: «Я бы хотел прежде всего донести до людей, что так и должно быть. Только так! Пусть никто не считает себя нормальным в сравнении с этими людьми. Еще надо посмотреть, кто нормальней. И зна-

ете, меня страшно раздражает, что их пытаются только жалеть. Этих малышей нужно просто любить. Любить! И это все. Они должны чувствовать, что они – нелишние, что им рады, что никто даже не думает, принимать их или нет. И чтобы все происходило естественно. Простите, если я эмоционален...»

ДЕТИ НАЧИНАЮТ ДРУЖИТЬ

Процесс интеграции детей с ограниченными возможностями в общество достаточно сложный: раньше об этом просто не задумывались, а сегодня приходится наверстывать упущенное. Причем сложность ситуации в том, что необходимо не только налаживать общественную инфраструктуру, комфортную для людей с ограниченными возможностями, но и приучать само общество иначе относиться к таким согражданам. И еще неизвестно, какая из этих задач сложнее. Увы, сегодня Россия стоит только в начале этого пути. Да, уже появилось инклюзивное образование. Это большой плюс для детей с ограниченными возможностями. И это очень важный шаг вперед. Но не стоит забывать и о том, что больше всего разных по своим возможностям и потенциалу детей сближает простое – вне стен учебных заведений – обще-

ние. Совместные игры, общие поводы для радости. И все это пытается дарить «Театральная неотложка». Разве не чудо, что в двух бесланских семьях с детьми, страдающими аутизмом, побывали в гостях соседские ребяташки? Впервые побывали, между прочим. Вместе со своими родителями. А раньше они или ничего не знали о своих соседях, или знали что-то едва ли не мистическое. Теперь ребята будут общаться, и их родители тоже. Ведь и «Театральная неотложка» еще не раз постучит в их двери. Но не всегда все происходит так – частным порядком. Основная цель «Театральной неотложки» – сплачивать малышей и детей старшего школьного возраста. И такой опыт у «Неотложки» уже есть. Например, в ноябре артисты дважды привозили детей из коррекционного центра в школу-интернат. «Через пятьдесят минут после начала представления сложно было уже ра-

Режиссер
и ведущий актер
«Театральной
неотложки»
Андрей Кокоев

зобрать, где какой ребенок, они смешались естественным образом. Эта общая радость и всплеск эмоций сделали их ближе», – рассказывает Марина Абуталипова.

СЛОНЕНКА ПОКОЛОТИМ, А У ДЖОННИ НАУЧИМСЯ «СТРЕЛЯТЬ» УЛЫБКОЙ

Маленьким детям, страдающим различными заболеваниями (ДЦП, аутизм, гиперактивность, нарушение слуха и речи), артисты «Неотложки» показывают спектакль «Любопытный слоненок». Слоненок – это большой голубой мячик с веселой рожицей и вставным «хоботом». Разговаривает слоненок голосом Андрея Кокоева, который помимо того, что режиссирует все представления, обычно еще и исполняет главные роли. Крокодил, который навсегда изменил жизнь слоненка, – это старый забавный чемодан с нарисованными на нем глазищами. Для придания большего сходства с хищником, он обшил внутри красным бар-

хатом, разрисованным огромными белыми клыками. А вот старый вязаный шарф в мгновение ока то превращается в мудрого удава, то вновь становится деталью театрального костюма артиста. Так что малыши не успевают испугаться, и их восприятие становится почти столь же пластичным, как и действия добрых волшебников-лицедеев.

Артистов в труппе немного. Помимо Андрея это Залина Цомартова, Аида Кадзаева и Аслан Рамонов – все начинающие актеры ТЮЗа. Ребята под руководством режиссера преображаются то в одного, то в другого персонажа – достаточно внятно и с необходимыми интервалами, чтобы юные зрители сумели воспринять историю. Гримом артисты почти не пользуются. Все они одеты в желтые, красные и синие маечки с надписью «Театральная неотложка». Марина Абуталипова специально поработала над внешним видом артистов: «Ни грим, ни цветовая

гамма – ничего не должно вызывать неприятности. Поэтому мы пошли минималистским путем. Реплики артистов продуманы, делается упор на особенные речевые упражнения, проговариваются они достаточно внятно, чтобы детишки с ослабленным слухом или не слышащие могли прочитать слова по губам. Громких интонаций тоже не используем, так можно напугать особо чувствительных детей с нарушениями нервной системы. У нас были случаи, когда детишки вдруг не сдерживали своих естественных потребностей, их воспитатели выводили, но те рвались обратно к нам. Поэтому мы учтываем все нюансы, работаем крайне осторожно».

Предлагают малышам и «гнев» свой выплеснуть – только в игровой форме. Если на кого-то обижен, можно и шарик поколотить.

В представлениях используются музыкальные инструменты – гитара, губная гармошка, триола. Тексты песен и мелодии сочиняет Андрей Кокоев. Вот уж точно – и жнец, и швец, и на дуде игрец!

Представления делятся 20–25 минут. За это время дети не успевают устать, но получают положи-

тельный заряд. Марина говорит, что их маленький коллектив дарит зрителям недолгую, быть может, сказку, но и после ухода артистов она живет и о ней помнят. А это – самое главное.

Для детей постарше Андрей выбрал сказку про Джонни Яблочное Зернышко. «Меня еще в детстве поразило, что в этих историях про Джонни все герои очень трудолюбивы, они прикладники, по сути, – делится режиссер. – Все время выдумывают разные разности. Меня привлекает такой подход к проблемам, даже к условным, сказочным. Ведь что такое сказка – быль, да в ней намек, не так ли? То есть выходит, что никакой печи, которая везет, куда прикажешь, или ковра-самолета нет и не будет. Есть твои две руки, две ноги и голова на плечах. Всем ребятам, а особенно тем, кому больше выпало испытаний в жизни уже с рождения, надо понимать, что принцип Мюнхгаузена – единственно верный: хватай себя за косичку и вытягивай из болота! А Джонни и другие придумывают очень оригинальные способы спасения – пусть менее фантастические, зато более реалистичные: улыбнись, вместо того чтобы

стрелять, пристыди злодея, вместо того чтобы причинять ему вред, если что пропало – прислушайся к себе... Ну и так далее. Главное – действуй сам!»

На полу расстелена карта с американскими штатами, и каждая глава сказки – это шагок из штата в другой. Тут еще и урок географии получается «по ходу пьесы», как говорится. А в конце, когда Джонни посадил-таки в каждом штате по зернышку и они «проросли», превратившись в деревья, и «дали плоды» – милые девушки Залина и Аида раздали всем участникам спектакля по яблоку.

Меня, журналиста городской газеты, приглашают на каждый спектакль, и, верите, я ни один не пропускаю – хотя уже изучила наизусть пока еще небольшой репертуар театра. И это потому, что я тоже получаю положительный заряд и укрепляю свою веру в сказку. Наверное, артисты «Театральной неотложки» в самом деле убедительны, иначе чем объяснить такое притяжение?.. А покидая очередной центр или интернат, я думаю: все-таки она есть – сказка – если есть такие люди, как Марина, Андрей, Фатима, Аида, Аслан и Залина...

Памятная
листовка в честь
300-летия дома
Романовых.
Неизвестный
художник

ЦАРСТВЕННАЯ ПЫШНОСТЬ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

1913 ГОД ВО ВСЕХ СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ БЫЛ ГОДОМ ОТСЧЕТА: ВОТ КАКИХ УСПЕХОВ ДОБИЛАСЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПО СРАВНЕНИЮ С ЦАРСКИМ САМОДЕРЖАВИЕМ. ЭТО БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ ГОД БОГАТОЙ, МИРНОЙ РОССИИ – ПОСЛЕДНИЙ ВЗЛЕТ ИМПЕРИИ, КОТОРАЯ СТРЕМИТЕЛЬНО ПОНЕСЛАСЬ ПОД ОТКОС. СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ИМПЕРИЯ ПРОВЕЛА В БЕСКОНЕЧНЫХ ПРАЗДНЕСТВАХ: ОТМЕЧАЛИ 300-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ.

«В

СЕ ЛИКОВАЛО, все пенилось, все чванилось, все грешило и обжиралось в этом 1913 году», – писал художник Владимир Милашевский. Пышные дамские наряды, пышные шляпы, даже шрифты газетных объявлений и реклам – и те затейливо-пышны. А каков стиль газетных официальных отчетов! Вот уж точно – «царственная пышность», над любовью к которой так горько смеялась Тэффи несколько лет спустя.

26 января «Правительственный вестник» официально сообщал: «Государю Императору, на все-подданнейшем докладе Обер-Прокурора Святейшего Синода о выражениях верноподданнических чувств, Всемилостивейше благоугодно было, 20-го декабря 1912 года, Собственно-ручно начертать:

«Прочел с удовольствием».

Дальше газета долго и со вкусом рассказывала, от кого поступили «означенные выражения верноподданнических чувств» и что хорошего изъявили оных чувств сделали по случаю юбилея: «По случаю приближающегося 300-летия юбилея Царствующего Дома» «в Троицкую церковь с. Сафоновки, Красноярского уезда, на средства красноярского мещанина Якова Шевелева и прихожан сей церкви» приобрели «икону Св. Иоасафа Белгородского, в киоте и с подсвечником, стоимостью в 425 р.», а «в церковь с. Кобы-Копров Тетюшского уезда» прихожане купили «колокола весом в 65 п. 3 ф., стоимостью в 1178 р.». Во всех уголках огромной империи началось движение: все воспылали желанием сделать что-то хорошее, общеполезное к таким большим торжествам. Задолго до юбилея пресса начала рассказывать о благотворительных инициативах. В селе Стяжкине Наровчатовского уезда Пензенской епархии учредили мужскую общину. «Варшавский магистрат постановил построить ремесленно-промышленное училище и два

дома для 32 городских училищ; ассигновано на это 850.000 р.». Гомельская городская дума постановила устроить Дом трудолюбия. Московское губернское земское собрание постановило «преобразовать рисовальные классы губернии в художественно-ремесленные мастерские сообразно местным промыслам» и выразило твердую решимость бороться со школьным алкоголизмом. Бахмутское экстренное земское собрание постановило открыть в уезде учительскую семинарию. Криворожское сельское общество «ассигновало 100.000 р. на открытие гимназии». Лифляндское дворянство учредило «фонд в 80.000 р. для признания сельских рабочих на случай болезни и старости», курляндское – фонд для неимущих дворян, московское – стипендии «в Козаковском доме признания дворян, в дворянском институте для девиц Имени Императора Александра III, в детском дворянском приюте Имени Наследника Цесаревича и Его Августейшей Невесты», а также одну койку при Марфо-Мариинской обители. Большинство учредителей хлопотали о том, чтобы их начинания – приюты, училища, гимназии – получили название Романовских.

В стране началось настоящее соревнование в человеколюбии. В Астрахани решили «сложить городские недоимки, учредить 16 стипендий в учебных заведениях, выдать пособия учащимся». Города, городки и села на перебой открывали библиотеки и музеи, строили церкви и лечебницы, учреждали стипендии для неимущих учащихся и бесплатные койки в городских больницах. Пермская городская дума решила учредить сельскохозяйственный институт, Перновская – ввести всеобщее обязательное бесплатное обучение в начальных школах, сложить с беднейших жителей 4000 недоимок, а также «в день юбилея выразить Государю Императору верноподданные чув-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Участники
празднования
300-летия дома
Романовых
у здания
Народного дома
императора
Николая II
в Санкт-
Петербурге.
1913 год

Храм-памятник
в честь
300-летия
царствования
дома
Романовых –
собор во имя
Феодоровской
иконы Божией
Матери

ства» и устроить угождение войскам. В Павловске соорудили городское училище и выделили деньги на психиатрическое отделение при городской больнице. В Опочке учредили реальное училище, в городе Келец «три кровати для неизлечимо-больных в местной больнице». При этом человеколюбие вполне разделяло эллинов и иудеев: две кровати предназначались для христиан, одна – для евреев. Чрезвычайное тульское уездное земское собрание решило «установить совершенно бесплатное врачевание больных в Тульском уезде, отменить взыскиваемую ныне плату за лечение в губернской земской больнице с жителей уезда и сложить все лечебные недоимки за прежнее время».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мощный толчок этому филантропическому движению дал царский манифест, опубликованный 21 февраля: «Желая достойно ознаменовать нынешний торжественный день и увековечить его в памяти народной, признали Мы за благо даровать милости подданным Нашим, о чём повелели Правительствующему Сенату Указом, сего числа данным, объявить всенародно». Среди милостей, которые объявлял многостраничный манифест, были не только награды отличившимся, но и прощение недоимок и непогашенных ссуд. Неимущим офицерам назначались льготы и выделялись пособия на образование детей. Вдовам, родителям и сиротам погибших офицеров назначены были пенсии. Военнослужащих, вступивших по день 21 февраля 1913 года в брак с нарушением «установленных на сей предмет специальных воинских правил», освобождали от ответственности.

Амнистия по должностным преступлениям. Уменьшение назначенных штрафов. Всем приговоренным к смертной казни и бессрочной каторге – замена ее каторгой на двадцать лет. У кого каторга была с установленным сроком – тем срок уменьшался на треть. Браконьерам – прощение. Кто под гласным надзором полиции – тому сократить сроки. И так далее, и так далее, и так далее.

По всей стране шел стихийный сбор денег на возведение в Петербурге храма-памятника; Феодоровский собор уже строился – и в марте на его главу был торжественно водружен золотой крест. Потом храм много лет стоял обезглавленным, с нелепо торчащими шеями барабанов, лишившимся куполов; здание его занимал молокозавод. К столетию храм восстановили; купола на местах, службы снова ведутся. История описала круг и вышла к той же царственной пышности, только уже без соревнований в человеколюбии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕНИЕ МОЛИТВ И ДЕКЛАМАЦИЯ

Газеты публиковали извещения о программе юбилейных торжеств. В Киеве, к примеру, были запланированы: панихида в Софийском соборе «по всем почившим Царям Дома Романовых». Затем молебен и парад. «Народу будут розданы бесплатно брошюры о царствовании Дома Романовых, изданныя киевским учебным округом», – сообщала пресса. А в городском театре «состоится торжественный акт всех киевских высших и средних учебных заведений. Во время акта будут исполнены: пение молитв, музыкальные номера, декламация и произнесены приветственные речи». И в разных частях города «от 2 до 5 часов дня будут играть военные оркестры».

Города украшались к юбилею: на улицах возводили киоски, налаживали праздничную иллюминацию. Планировали балы, народные гуляния и угощения. Городские думы выделяли средства «на приобретение издания «Россия под скипетром Романовых» для раздачи учащимся в земских и церковно-приходских школах, а также в дворянских учебных заведениях». А Костромская городская

дума взялась хлопотать, чтобы один из новых полков назвали Сусанинским. В Костроме, сыгравшей особую роль в истории романовской династии, была своя отдельная программа праздничных торжеств.

Сусанина вспоминали по всей стране. В оперных театрах с аншлагами шла «Жизнь за царя». Против Казанского собора в Петербурге возвели павильон, в котором выставили картину Порфирова «Иван Сусанин».

Газеты, приводя церемониал московских торжеств на 21 февраля, предписывали дамам являться в Успенский собор на литургию и «благодарственное молебствование» в городских платьях и шляпах, кавалерам – в парадной форме.

Накануне торжеств в Петропавловском соборе отслужили па-

Юбилейная выставка Костромского губернского земства. 1913 год

Крестный ход у Казанского собора в честь 300-летия царствующего дома. 21 февраля 1913 года

нихиду по усопшим царям из правящей династии. В Академии наук прошло торжественное собрание, на котором историки читали доклады для публики: академик Дьяконов, например, рассказывал об избрании Михаила Феодоровича на царство. Утро 21 февраля началось необыкновенно – с салюта.

«Правительственный вестник» сообщал в своем отчете: «21 февраля, в 8 ч. утра, двадцать один пушечный выстрел, раздавшийся со стен с.-петербургской крепости, возвестил населению столицы о имеющем состояться торжественном праздновании 300-летия Дома Романовых. Столица встретила этот знаменательный день в праздничном пышном наряде. Особенно праздничный вид имел Невский проспект, а также прилегающие к нему улицы, сплошь убранные гирляндами зелени, цветами, флагами, тысячами разноцветных электрических лампочек и художественно-декоративными украшениями. Всюду бюсты и портреты благополучно Царствующего Государя Императора и Государыни Императриц, первого Царя из рода Романовых Михаила Феодоровича; громадных размеров транспаранты, с изображением инициалов Их Величеств; надписи: «Боже, Царя храни», «1613–1913», звезды, бесконечные гирлянды и другия украшения. <...> специально выстроенные грандиозные сооружения – колонны, арки, обелиски, мачты, – убранные зеленью и цветами, преобразили эту часть Невского проспекта в роскошную картину».

Главные торжества начались с литургии в Казанском соборе, специально для такого случая укрупненном: «...главный подъезд представляет собой великолепный шатер, задрапированный малиновым сукном, с утра построили по обе стороны подъезда его, среди колоннад, монархическая организация со стягами, флагами, хоругвями и проч.». Под гул колоколов двинулся в путь крестный ход, несущий Почаевскую чудо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

творную икону Божьей Матери. Зрелище, должно быть, было величественное. Газетные отчеты, приводя длинные списки присутствовавших на литургии, не забыли сообщить: «Государыни Императрицы были в светлых туалетах и в Андреевских лентах, а Великие Княжны – в белых туалетах и в лентах ордена Св. великомученицы Екатерины». Газетные отчеты о торжествах – чтение длинное, церемонное, полное велеречивых формул и долгих перечислений всех гостей и верноподданно припадающих к стопам в точном соответствии с рангом, чином и неписанными правилами; усложненная условность, совершенно канувшая в Лету вместе с монархией и дворянством. Глядя на сложный ритуал недавней свадьбы в английском королевском семействе, многие, наверное, задумывались, как выплядела бы сейчас русская монархия, доживи до наших дней.

Следующая часть праздничного ритуала – принесение поздравлений. Оно продолжалось несколько дней. Около четырех часов пополудни «в Концертный зал изволили выйти Их Императорские Величества с Наследником Цесаревичем и Августейшими Дочерьми и все Особы Императорской Фамилии». Поздравления не уложились в один день: с поздравлениями явился дипломатический корпус, придворные, генералитет; на следующий день императорская чета принимала поздравления от губернских и уездных дворянств, земств, городских управ, «представителей инородческого населения». Александр Гершельман, камер-паж выпуска 1913 года и участник юбилейных торжеств при дворе, вспоминал: «Особенно страдал от этой церемонии Цесаревич Алексей Николаевич. Его живому нраву было невтерпеж сидеть на стуле и смотреть, как какие-то незнакомые люди длинной и скучной чередой подходят к Отцу и Матери, часто с полным отсутствием грации делают все те же движения и отходят, и так все то же в тече-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Посещение императорской семьи дома бояр Романовых на Варварке.

24 мая 1913 года

Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем в коляске на Красной площади. 1913 год

ние долгих часов. Я Ему искренне сочувствовал, этому красивому живому мальчику. Сначала Он сидел смирно, смотря на красивые мундиры и платья фрейлин. Когда же пошла Государственная Дума, то даже смотреть стало не на что. Он несколько раз оборачивался на сестер Ольгу Николаевну и Татьяну, стоявших сзади, рядом с Великой княгиней Ольгой Александровной. Цесаревич был в форме 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка, в малиновой рубашке и темно-зеленом кафтане, на плечной портупее висела соразмерная его росту шашка. И вдруг я вижу, что Он начинает шашкой играть шлейфом матери, оглядываясь при этом на сестер. Государыня ему сделала знак не играть. Но через несколько минут Он снова начал.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Наконец, Его маневры заметил Государь и, повернувшись к нему головой, строго приказал: «Алексей, прекрати!» Наследнику стало еще грустнее».

Еще одно торжественное мероприятие – опера «Жизнь за царя» в Мариинском театре. «Государь Император был в форме л.-гв. коннаго полка и Андреевской ленте, – сообщали газеты. – Когда поднялся занавес, находившиеся на сцене артисты Императорской оперы и оркестр Императорской оперы исполнили гимн, который по общему требованию был повторен несколько раз и встречен восторженными «ура». Их Величества поклонами отвечали на выражение патриотических чувств. Для приглашенных были сервированы открытия буфеты с чаем, фруктами, конфектами и питьем в фойе. Спектакль завершился редким проявлением высокопатриотических чувств со стороны публики и артистов». Все тот же Гершельман, вспоминая этот вечер в театре, рассказывал, как очарован он был великолепием публики в театральном зале: «Когда Царь вошел в ложу, весь театр встал и обернулся к нему лицом. Войдя в ложу за Великой княгиней Марией Александровной, я оторопел от красоты представшей передо мной картины, от этой игры красок, роскоши мундиров, изобилия золота, разнообразия уборов. Быть может, кто-нибудь меня спросит, для чего нужны были это изобилие золота, разнообразие красок, эта подчеркнутая роскошь? Как участник этой непередаваемой красоты, я отвечу: по моему глубокому убеждению, все это было нужно. Я всегда воспринимал Русскую монархию как какое-то земное воплощение духовной, почти что божественной красоты. Весь этот блеск мне представлялся лишь внешним проявлением этой единственной в своем роде, единственной в мире, неповторимой в своей внутренней красоте Идеи Русской Монархии».

НЕОБЫЧАЙНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ

Торжества тянулись долго. Цеха, дворянские собрания, профессиональные объединения собирались вместе, заседали и изъявили верноподданнические чувства. На торжественном заседании соединенных советов съездов представителей промышленности и торговли и представителей биржевой торговли и сельского хозяйства все собрание единогласно «обратилось к Министру Торговли и Промышленности с просьбой повернуть к стопам Его Императорского Величества чувства беспредельной любви и преданности». «Речь министра была покрыта долго несмолкаемыми кликами «ура» собрания, после чего заседание было объявлено закрытым».

Во всех городах страны – народные гулянья, в городских думах – рауты и балы, во всех соборах, приходских и домовых церквях – литургии и молебны с возглашением многолетия. Всюду крестные ходы. «Города всюду приняли праздничный вид и украшены флагами, зеленью и особо воздвигнутыми ко дню юбилея сооружениями». Всюду парады войск. В учебных заведениях страны проходят

«торжественные акты с произнесением речей», «с раздачею брошюр и картин, чтениями и туманными картинами», а также литературные и музыкальные утра. «Всюду городскими управлениями предоставлены бесплатные обеды беднейшему населению и устроены народные гулянья, бесплатные спектакли и концерты в народных домах и городских театрах», – сообщал «Правительственный вестник». Гимн «Боже, Царя храни» исполняют многократно и повсеместно, под звуки военных оркестров. «Вечером города были иллюминированы, сожжены фейерверки, везде царит необычайное оживление».

В Тифлисе «на улицах города был устроен народный карнавал. В шествиях участвовали различные народности края в национальных костюмах с туземною музыкой. Представлялись картины мрачного прошлого, когда Кавказ стонал под игом мусульманских государств, затем радостный контраст теперяшнего безопасного существования под скрипетром Российской Державы».

В Ярославле торжественно открыли мост через Волгу. На Мурмане «особым торже-

ственностью и многолюдством отличались празднества в народном доме, где по особой программе был устроен юбилейный литературно-вокальный вечер; учащимся и публике раздавались специальные картины, брошюры, портреты, а детям гостицы». В Петербургском дворянском собрании состоялся огромный бал – 3200 приглашенных! «В Царской ложе был сервирован чайный стол для Высочайших Особ; по галлереи с правой стороны и другим залам вдоль стен находились открытые буфеты с фруктами, конфектами, печеньем, чаем, шампанским и проч.». Губернский предводитель дворянства князь Салтыков поднес императорским особам хлеб-соль; была исполнена канцата на венчание Михаила Федоровича на царство. «По окончании ея исполнения раздались звуки полонеза. В первой паре проходил Государь Император с супругой с.-петербургского уездного предводителя дворянства г-жою Сомовой», во второй паре шла Мария Федоровна с губернским предводителем дворянства светл. князем Салтыковым, в третьей – Александра Федоровна с уездным предводителем дворянства Сомовым.

Д.Н. Кардовский.
Бал в Петербургском Дворянском собрании
23 февраля
1913 года

СЛЕЗЫ УМИЛЕНИЯ

Затем царская семья отправилась путешествовать по России. «В период времени между 16 и 27 мая 1913 года Государю Императору благоугодно было посетить вместе с августейшей семьей целый ряд местностей, в которых триста лет тому назад происходили события, связанные с воцарением царя Михаила Федоровича, и проследовать из Нижнего Новгорода в Москву тем историческим путем, которым шло в 1612 году ополчение Минина и князя Пожарского освобождать Москву и Русь от иноzemного засилия и смуты», – писала «Нива».

Поездка была длинная и утомительная. На поезде во Владимир, оттуда в Нижний Новгород. Прием депутатий, посещение банка, торжественный обед. На пароходе «Межень» царская семья отбыла в Кострому, где «празничная наряженная толпа народа сплошными массами спешила занять все пункты, с которых можно увидеть Императорскую флотилию». Семейство отправилось в Ипатьевский монастырь. «Погода ясная, прохладная. Раскинувшиеся изумрудным ковром луга, окружающие Царскую пристань, производят дивное впечатление», – делился репортер «Правительственно го вестника». Когда император с семьей двинулся к Зеленой башне монастыря, «могучее громовое ура» стало перекатываться с одного края поля на другое. Под «клики всеобщего восторга» августейшая фамилия встретила крестный ход, который пришел с Феодоровской иконой Божией Матери – той самой, которой инокиня Марфа благословила сына, Михаила Федоровича, на царство. Романовы приложились к кресту и к иконе. Прибывшие из сел крестьяне, лицезреля царя, впадали в состояние необыкновенного энтузиазма: «Переполнявшее народные массы сердечное умиление достигло высшего напряжения. Крестьяне осеняли себя крестным знаменем, многие плакали, не будучи в состоянии удержать

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Царский выход
с Красного
крыльца
в Кремле.
Май 1913 года

Празднования
в Ростове.
Николай II
с семьей
в Успенском
соборе слушают
колокольный звон
со старинной
колокольни.
22 мая 1913 года

юбилейную выставку». Монастырь. Открытие моста. Затем на поезде в Ростов, оттуда в Москву... Осенью в Крым, где тоже были торжества и всенародное ликование.

Удивительно, как стремительно это ликование уяло, как быстро угасли верноподданнические чувства. Кажется, еще раз в русской истории такими взрывами энтузиазма встречали разве что Сталина – с бесконечными овациями, со слезами радости на глазах. А потом энтузиазм безвозвратно кончился, а кредит доверия власти исчерпался. После Сталина всенародное обожание досталось, кажется, одному только Гагарину, но он был не правитель, а герой, это совсем другое.

И так странно глядеть из сегодняшнего дня в столетнюю глубину, отсюда зная, чем кончается эти иллюминации и многолетия. Отсюда, из нашего сегодня, фальшивыми кажутся все эти верноподданнические излияния и принесения к стопам. Смешны и напыщены, на наш взгляд, все эти ритуальные формулы, декламации и туманные картины. Но сквозь этот туман таким ясным и вечным соблазном светится сырый и роскошный 13-й год – год, когда все еще живы: «И Троя не пала, и жив Эабани»... ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

САМОЕ ДНО

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

96 ЛЕТ НАЗАД, 2 (15) МАРТА 1917 ГОДА, РОССИЮ ЛИШИЛИ КОРОНЫ. А ВМЕСТЕ С НЕЙ – МОНАРХИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА, ИМПЕРСКОГО СТАТУСА, ГРЯДУЩЕЙ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. У СТРАНЫ ОТНЯЛИ МИЛЛИОНЫ ПОДДАННЫХ, В ОДНОЧАСЬЕ ПРЕВРАТИВШИХСЯ В ГРАЖДАН-ТОВАРИЩЕЙ И ПОГИБШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ФЕВРАЛЬСКОГО И ПОСЛЕДОВАВШЕГО ЗА НИМ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА.

ПОСЛЕ 1917 ГОДА ДОБРЫХ СЕМЬ-ВОСЬМЬ десятков лет всех нас настойчиво убеждали в том, что царский режим стянул на корню, назрела революционная ситуация, вспыхнул порыв масс и так далее. Проще говоря, Февральская революция случилась сама собой, как что-то вроде стихийного бедствия. Точнее, произвели ее на свет, конечно, некоторые люди. Но они, эти люди, ситуацией вовсе не управляли, а шли у нее на поводу. Реагировали, так сказать, по факту. В процессе убеждения неизменно присутствовало: царь был плохой, и он отрекся. Сей посып в советских учебниках и исследованиях на тему – чистой

воды аксиома. И если к переворотам 1917 года отношение в освобождающемся от красной пропаганды российском обществе заметно изменилось, сдвинулось в сторону объективности, то Николай II как был отреченцем, так им и остался. Что там общество – многие авторитетные историки уверены, что все так и было: император отрекся, революция свершилась. Уверенность зиждется на тоннах научных изысканий, написанных в XX веке, на личных свидетельствах людей, находившихся тогда, в конце февраля – начале марта, рядом с императором, и… на одном-единственном документе – так называемом Манифесте об отречении, хранящемся в Государственном архиве РФ.

ОРГАНИЗОВАННАЯ СТИХИЯ

Но прежде, чем говорить о том, что же произошло с 28 февраля по 3 марта 1917 года на скромной станции Октябрьской железной дороги с символическим названием Дно и в Пскове, стоит присмотреться к «стихийному бедствию», именуемому Февральской буржуазной революцией. О случайности тех событий говорить не приходится.

Шла война, и народу было трудно. Но довольно нескольких цифр, чтобы понять, насколько труднее приходилось нашим основным противникам – немцам. Доля мобилизованных мужчин призывающего возраста в России составила 39 процентов, а в Германии – 81 процент. В 1917 году немцы начали испытывать тотальный дефицит. Это касалось не только людских ресурсов, но и материальных. Русская армия сохранила боеспособность и была вполне прилично оснащена. Забылся снарядный и винтовочный голод. Черчилль в своих мемуарах высоко оценивал военный потенциал России в этот период и уверенно заявлял, что, не случись у нас переворота, Антанта праздновала бы победу уже в 1917-м.

Итак, фронт стоял на позициях. Промышленность работала. Хлеб собирали.

О необходимости изменения политического устройства государства говорили не только малочисленные большевики. Об этом говорили все. В том числе и сам государь. Было широко известно, что после победы верховная власть планировала превратить Россию в конституционную монархию. Николай готовился к тому, чтобы передать трон наследнику-цесаревичу сразу после его совершеннолетия. Предполагалось, что Алексей Николаевич станет первым русским монархом, приносящим присягу на конституции.

В такой ситуации политические силы, уже давненько оппонировавшие царю, должны были торопиться. О необходимости поспешать откровенно писал в мемуарах один из лидеров оппозиции, Милюков. Сил этих имелось немало. Тут и правые либералы из Думы и финансово-промышленных кругов, ориентированные на западную модель управления. Тут и масоны, которых в царствование Николая расплодилось без меры. Тут и левый фронт. Тут и некоторая часть дома Романовых во главе с великим князем Николаем Николаевичем – младшим. К слову, государь был прекрасно осведомлен о существовании и планах этой раз-

номастной фронды. Просто не верил в ее способность к результативным действиям. Потому как твердо верил армии и генералитету. Эта вера и явилась фундаментом тех ошибок, которые были совершены царем в феврале–марте 1917 года.

Внутренняя оппозиция опиралась на помощь и технологии наших вечных западных доброжелателей. Если немцы сделали ставку на левые силы, то британцы и американцы (не столько политики, сколько представители трансатлантического капитала) – на правые.

Но и левые, и правые, и великие князья, и генерал-адъютанты понимали, что после победы авторитет Николая II в русском обществе поднимется на недосягаемую высоту. И все грядущие изменения в стране пойдут по пути, намеченному и контролируемому самим Николаем, и никем другим. Да, надо было торопиться. Тем более что многое уже было подготовлено. Одним скромным фактом можно подтвердить то, что в системе управления, в том числе и военного, происходили не спонтанные сбои, а натуральный саботаж. Не секрет, что столица была переполнена призывниками. Учебные роты гвардейских полков распустили в разы. Опытных кадровых офицеров не хватало. Понимая, что от запасных батальонов Петрограда зависит порядок в столице, Николай распорядился зачислять в учебные роты только представителей крестьянского сословия. Фабричную публику, куда менее дисциплинированную и куда более политически активную, превращать в солдат следовало в губерниях. Однако этот приказ выполнен не был. Я бы даже сказал, он был выполнен с точностью до наоборот.

Февральские волнения в Петрограде были спровоцированы. Все разыграли как по нотам. О чем точно высказался в свое время Ульянов–Ленин. И что самое важное – эта «музыка революции» была написана и исполнена в основном государственными людьми самого высокого ранга и самых внушительных возможностей. Председатель Совета министров «на час» князь Львов, думцы Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, великие князья Николай Николаевич, Николай Михайлович, Кирилл Владимирович с братьями, Дмитрий Павлович, генералы Алексеев, Рузский, Брусилов, Крымов, Мрозовский...

Столица поднялась. Пошли убийства офицеров и полицейских чинов. Первая жертва – убитый на Знаменской площади полицейский офицер Крылов. Начались грабежи. Одним из первых разгромили дом министра императорского двора графа Фредерикса. Но император еще оставался императором. Под его рукой находилась армия, и нахождение царя в столице, куда оперативно прибыли бы несколько регулярных боевых полков, свело бы все «революционные» усилия на нет. «Находившиеся в теме» заговорщики понимали это как никто. И боялись. Хотя некоторые генералы уже позволяли себе не выполнять царские приказы. Так, генерал Гурко лишь на третий раз подчинился приказу перевести с фронта в столицу Гвардейский флотский экипаж.

Солдатский
митинг
на фронте.
1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Владимирович
Рузский
(1854–1918),
генерал-
адъютант,
генерал
от инfanterии,
член Военного и
Государственного
советов. Участник
руско-турецкой
(1877–1878),
руско-японской
(1904–1905)
и Первой
мировой войн.
Активный
участник
Февральского
переворота

ДОРОГА В ЗАПАДНЮ

В последние дни царствования Николай II совершил две ключевые ошибки. Сначала он поддался на явно не мотивированную реальными обстоятельствами просьбу начальника штаба Ставки генерала Алексеева срочно покинуть Петроград и прибыть в Ставку в Могилев. Какой такой требующий личного присутствия царя вопрос сочинил Алексеев, истории неведомо. Но – сочинил! И 22 февраля (7 марта) царь выехал из столицы. И уже на следующий день в городе начались волнения. 27 февраля дрогнули распрапагандированные запасные батальоны: в лейб-гвардии Волынском полку унтер-офицер Кирпичников застрелил ротного командира штабс-капитана Лашкевича. Вот тут и выяснилось, что взять ситуацию в Петрограде под контроль из Могилева государь не может. А в самом Питере власть оказалась на это неспособной по своей слабости. Кто-то верно подметил, что в те годы Николай испытывал острый кризис кадров. Преданные люди в большинстве своем оказывались малокомпетентными и нерешительными. Генерал Хабалов, получивший приказ подавить беспорядки «к завтрему», только развел руками и спросил: «Как это?»

Вторая ошибка – путешествие из Могилева в Царское Село. В советской историографии эту поездку объясняли так: слабый, безвольный царь и не думал о восстании в Петрограде. Его, мол, беспокоила корь, свалившая его детей в Царскосельском дворце. И вообще – к семье ехал. На самом деле корь беспокоила. Но главная причина поездки домой крылась в другом: Николай собирался навести порядок в столице. Так как уже стало ясно: волнения приняли опасный характер. О понимании этого свидетельствуют приказы императора генералу Иванову о назначении его военным губернатором Петрограда и срочном переводе с фронта в столицу двух кавалерийских, двух пехотных полков и пулеметной команды. Не было в тот момент в Ставке вялого и подавленного 50-летнего мужчи-

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев и офицеры Генерального штаба

ны-фаталиста – образ, созданный историками-пропагандистами. В Ставке находился государь, решительный и целеустремленный человек, который понимал, что нужно делать. Другой вопрос – оставались ли у него возможности? Ведь в предательство генералов Николай Александрович не верил до последнего момента. И только после того, как командующий Северным фронтом генерал Рузский (по совместительству – активный член масонской ложи) заявил, что у него нет надежных частей для отправки в Петроград, государю стало ясно: думские правые лидеры и несколько высших генералов – заодно. Но прежде – 28 февраля (13 марта) – был выезд из Могилева. По странному стечению обстоятельств поезд с царским конвоем отправился вслед за собственно царским эшелоном спустя... 17 часов! Фактически российский император поехал в столицу из Белоруссии без всякой охраны. Едва началось путешествие, кончились информационная блокада и дезинформация, окружавшие царя в Ставке. Туда, в Могилев, ему сообщали из Петрограда откровенную ложь о положении в столице. Только Родзянко, глава временно распущенной 26 февраля Госу-

Император
Николай II
с семьей
на перроне
вокзала во время
прибытия
в Ставку.
Могилев.
Май 1916 года

дарственной думы, почувствовав неладное однажды из первых, на следующий день начал слать в Ставку истеричные телеграммы. В пути, благодаря общению с местной властью на станциях, император узнал многое.

Станция Дно – узловая. Отсюда расходились дороги в разные стороны. Одна из них – на Петроград. Другая – на Псков. Императорский литерный повернулся на другую. Как это случилось? Разве государь уже не отдавал приказы? Похоже, что так...

Этот маневр, в отличие от многих маневров на фронтах Первой мировой, генералам-заговорщикам удался на славу. Заманили в одну – могилевскую – ловушку, но едва царь из нее вырвался, устроили новую западню – псковскую. Если в Могилеве положение контролировал генерал Алексеев, то в Пскове – генерал Рузский.

Он-то и пошел в атаку, едва царский поезд был захвачен в тупик. Сам государственный переворот уже случился. Правительства не стало, Думы – тоже. Возник Временный комитет ГД и Петроградский совет рабочих депутатов. Осталась одна магистраль – обеспечить легитимность новой власти.

МАНИФЕСТ И КАРАНДАШ

Генерал Рузский, всей карьерой обязаный государю, миндальничать не стал. Началась мощная психологическая обработка с использованием самых низких приемов. Давили на чувство ответственности и любовь к России, которая пострадает в случае отказа подписать отречение. Пугали тем, что опасность нависла над семьей. Врали, что армия вся за республику. И даже Собственный Его Императорского Величества конвой, состоявший из кубанских и терских казаков, пошел выразить свое приятие новой власти к Таврическому дворцу. Наконец, инсинация с телеграммами, полученными от командующих фронтами и флотами в ответ на телеграмму генерала Алексеева, в которой запрашивалось мнение высших военачальников: отрекаться или нет? Текст Алексеева составил так, что всем стало ясно – альтернативы отречению нет. В то же время царя лишили возможности получать информацию об истинном положении дел. Даже свежие письма супруги от государя прятали.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), русский политический и общественный деятель, публицист. Депутат II, III и IV Государственной думы, принявший Манифест об отречении из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения

Александр Иванович Гучков (1862–1936), крупный русский капиталист, основатель и лидер партии октябристов, член Государственного совета, председатель III Государственной думы (1910–1911). Военный и морской министр Временного правительства

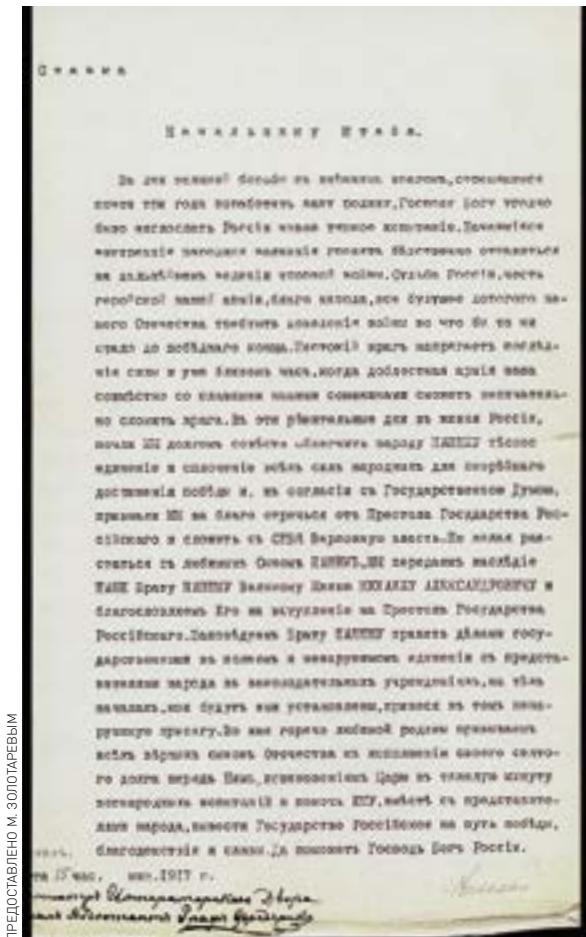
История с так называемым отречением описана подробно, чуть ли не по минутам. Понятно, что первоисточниками являются участники событий. То есть – заговорщики. Рузский, правда, воспоминания оставил не успел. В 1918 году в Пятигорске большевики зарубили его шашками. Но щедро делились нюансами бывшие думцы Гучков и Шульгин, генералы и офицеры, находившиеся 2 (15) марта в Пскове.

Наверное, было бы странным, если бы кто-то из соучастников процесса, заинтересованных в его однозначном результате, позже стал рассказывать что-то такое, что могло бы вызвать сомнения. Вот и рассказывали, как из Ставки прислали подготовленный дипломатом Базили и отредактированный генералом Алексеевым проект манифеста, как уговаривали государя подписать, как тот удалился на некоторое время в соседнюю комнату и вышел с поправленным и подписанным текстом, как уже за полночь эту бумагу визировал министр двора Фредерикс.

Но вот закавыка: даже единомышленники дают, как говорится, противоречивые показания. Понятно, что существует аберрация памяти. Но слишком очевидные вещи забыть или перепутать затруднительно. Например, Шульгин вспоминал, что проект манифеста прислали из Ставки на четырехлистках бумаги, в нескольких частях. В таком случае не ясно, каким образом четырехлистки превратились в лист стандартного размера, под которым и стоит царская подпись. Если Николай правил и подписывал документ в одиночестве, стало быть, сам и печатал на машинке – так, что ли?

Но это мелочь по сравнению с другими обстоятельствами. Несколько современных историков, в частности Разумов, Мультатули, Сафонов, Чечаничев, Савельев, Стариков, Сорокин, внимательно, если не сказать дотошно, изучили вопрос, и их выводы актуализируют тему подлога до предела.

Речь не о том, подписывал ли Николай II эту бумагу или нет. Хотя и тут имеется весьма любопытная версия, согласно которой текст был напечатан на готовом бланке с подписью императора. Лично мне эта версия не кажется убедительной. Поэтому – речь о том, какую бумагу подписывал царь. Начнем с того,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

что манифест – это официальный и очень важный государственный документ. Царский манифест – это обращение ко всем подданным с повелением. И это обращение всегда находится под «шапкой» и пишется в строгой канонической форме: «Божию милостью Мы, Николай Второй...» Равно как и в конце текста в обязательном порядке следовало: «На подлинном Собственном его Императорского Величества рукою подписано... Николай». Далее – автограф и личная печать. Посмотрим, что нам предлагает Манифест об отречении. Бумага адресована почему-то генералу Алексееву. Так и напечатано: «Ставка. Начальнику штаба». Уже странно, потому что официально должность Алексеева называлась «начальник штаба Верховного главнокомандующего». Армия – штука, немыслимая без точных формулировок, субординации и бюрократии. А государь был человеком с военным образованием и военными же привычками. Никаких «Божией милостью» и «Собственном рукою» в помине нет. Внизу листка только подпись – Николай. Исполнена карандашом! Вопрос изучен: государь никогда почти за два с лишним десятка лет на престоле не подписывал официальных документов карандашом. Думаю, в истории человечества вообще не найдется примеров, когда после изобретения чернил государственные деятели

Манифест
об отречении
Николая II

подписывали казенные бумаги карандашом. Да зачем было использовать обыкновенный листок, если в вагонном кабинете царя имелись в изобилии официальные бланки на все случаи жизни. И последнее по этой части. В левом углу стоит дата. Совершенно непонятно, по какой причине возник такой странный порядок: число, месяц, час, минуты, а потом – год? В то время как документы в империи датировались куда более логичным образом. Скажем, 1 марта 1917 года, 15 часов 00 минут.

Конечно, можно апеллировать к уникальности события. Не каждый день отрекаются от трона. Но почему спустя полтора года в аналогичной ситуации германский кайзер Вильгельм все сделал по традиционному канону? Что, вечное русское разгильдяйство? Это качество Николаю свойственно не было. Да и генерал Алексеев слыл за «бумажного червя». Тем более – кадровый генштабист!

Есть странности иного свойства. Бумага была подписана (если была!) 2 (15) марта, а в питерские газеты сообщение попало 1 (14)-го. Или – подписи под копиями абсолютно идентичны, будто сделаны не живой рукой, а с помощью факсимиле. Но существуют ли карандашные факсимиле? Может, проще было подпись подделать и перенести с помощью стекла на листки бумаги, как это делали школьники в дневниках? Уже упомянутый историк Разумов убежден, что подпись скопирована с приказа Николая II о вступлении в главнокомандование от 1915 года.

Официальные распоряжения царя в обязательном порядке визировал министр двора. В нашем случае – граф Фредерикс. Позднее, на следствии, почти 80-летнему старику задали вопрос: его ли подписи стоят под «отречением», и он ответил, что сомневается. И в самих подписях, и в том, что в принципе в каком угодно состоянии способен был завизировать такой странный документ. А состояние у Фредерикса в те дни было неважное. И так сильно больной старик узнал, что разорен его дом в Питере и исчезла семья.

Несколько слов о копиях. Зачем они понадобились? Гучков и Шульгин уверяли царя, что изображений безопасности. Мол, по дороге в Питер и в самой столице неспокойно. Очень странное объяснение. Ведь они собирались везти в Петербург МАНИФЕСТ ОБ ОТРЕЧЕНИИ. По городу, в котором уже свершился государственный переворот, разгуливали сотни тысяч людей с лозунгами, среди которых не последнее место занимал «Долой самодержавие!». Их с такой бумагой должны были нести до Таврического дворца на руках. А они боялись...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай II
и министр
императорского
двора граф
В.Б. Фредерикс.
1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай II
и цесаревич
Алексей
под арестом
в Царском Селе.
Апрель 1917 года

ОТРЕЧЕНИЕ ИЛИ ОТРЕШЕНИЕ?

Но все эти странности – ничто по сравнению с тем, имела ли данная бумага хоть какой-то законный характер. Законы Российской империи не предусматривали возможности добровольного отречения властелина от трона. Можно вспомнить историю с великим князем Константином, отказавшимся от права на престол в 1823 году. Но разница в том, что Константин Павлович не был на тот момент действующим императором, а являлся лишь августейшим наследником.

На этом, собственно, аргументацию можно и оборвать. Нельзя – значит нельзя. Но есть интересные нюансы, о которых грех не упомянуть. Ни при каких обстоятельствах царь не мог отречься в пользу младшего брата, так сказать, минуя собственного сына, явившегося наследником. В тексте Николай говорит о «некоем согласии с Государственной думой» по вопросу об отречении. Но как можно достичь согласия с организацией, которой уже нет. Повторюсь еще раз, к 2 (15) марта государственный переворот уже произошел, и власть перешла временным органам. Это лишний раз говорит о полной юридической недееспособности тех, кто составлял проект манифеста.

Наконец, в юриспруденции существует такое понятие, как добровольность принятия решения. Разумеется, непросто доказать, что царь пошел на этот акт по принуждению. Но еще труднее доказать обратное. Даже видимость публичности отречения отсутствовала полностью. Сам император никаких заявлений по этому поводу не делал. Царь в тот день ограничился единственной записью: «Кругом измена и трусость, и обман». Кто знает, какое значение вложил государь в эту фразу. Возможно, это не простая констатация происходившего с ним в те часы. О каком именно обмане шла речь? Может быть, о том, что вся история с от-

речением – это обман русского народа? И не пытался ли обмануть обстоятельства сам император? Николай II был прекрасно образован. Имел отличную юридическую подготовку. Наследнику полагалось учиться хорошо. Крайне сомнительно, что он не понимал всей юридической ничтожности предложенной ему на подпись бумаги. Потеряв все рычаги управления, не имея под рукой силы, способной энергичным образом защитить законную власть, подвергаясь шантажу и как государственный человек, и как отец семейства, царь шел на компромисс с ошелевшими от успеха заговорщиками. Чтобы выиграть время, чтобы вырваться из плена, чтобы найти союзников и помощников. И если б ему это удалось, подписанная бумажка не имела бы никакого значения. Разве такой тактический ход не мог прийти государю в голову? И тогда крылатое выражение Блоха «отрекся, как будто эскадрон сдал» тоже приобретает иное толкование. Не сдался император на милость заговорщиков, наоборот – боролся с ними до конца. Потому и вел себя сдержанно и спокойно.

Но – не оказалось времени. Не выбрался из ловушки. Не обрел надежных и удачливых товарищей. Среди прочих аргументов в пользу легитимного отречения приводится и такой: почему после марта 1917 года и вплоть до июля 1918-го Николай Александрович молчал, не сделал ни одной попытки дезавуировать результат псковских событий? А кому, спрашивается, говорить? Придворные разбежались. Иностранных представителей к нему не пускали. Новая власть на контакты не шла. Жаловаться солдатам в превращенном в тюрьму Александровском дворце, а позже – чекистам и красногвардейцам в Тобольске и Екатеринбурге? Кричать из окна в сторону случайных прохожих?

Хорошо, а почему ж тогда не уехал, ведь была возможность покинуть ополоумевшую страну и перебраться в Англию. А уж там, опираясь на британских царствующих родственников, развязать пиар-кампанию.

Личная переписка не требует кривляний и этикета. Если внимательно читать письма Николая II, станет пронзительно ясно, как этот человек относился и к России, и к своим обязательствам перед вверенной ему Богом страной. А Россия – воевала! И для государя покинуть страну в такое время означало одно – изменить всему для него святое: вере, долгу, чести. Он смог перенести измену других, но совершить измену самому для него было немыслимо.

Сдается мне, да и не мне одному, что операция заговорщиков «Отречение» куда больше похожа на операцию «Отрешение». Всего одна буква не совпадает, но как меняется смысл? Выходит, государя императора отрешили от власти в марте 1917-го? Но государем императором Николай Александрович Романов оставался до последнего своего земного дня.

САМОВЛАСТЕЦ

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БОРЬБА ЗА КИЕВСКИЙ СТОЛ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ В СЕРЕДИНЕ XII ВЕКА НАПОМИНАЛА ДАЖЕ НЕ ДРАКУ, А, СКОРЕЕ, СВАЛКУ, В КОТОРОЙ ПРОТИВНИКИ НЕ ОСОБО ЦЕРЕМОНИЛИСЬ В ВЫБОРЕ СРЕДСТВ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ.

Т

ОЛЬКО ОДИН ИЗ главных претендентов на Киев не проявлял интереса к столице.

Сын Долгорукого, владимирский князь Андрей Юрьевич, гнул собственную линию: укреплял свою землю, усмирял опасных соседей, наращивал экономическую мощь княжества. От местной знати – ростовских и сузdalских бояр – он постепенно дистанцировался: власть Андрей не собирался делить ни с кем...

Как описывают Андрея летописцы? Князь был набожный, образованный и начитанный человек, много жертвовал церкви и щедро раздавал милостыню. Он был весьма умен, проницателен и лукав, отличался огромной си-

лой воли и мужеством, был весьма энергичен и решителен... Политический курс Андрея был необычен для Руси: он первым из русских князей отказал Киеву в праве оставаться столицей государства. Он первый решил создать новую столицу – Владимир – и «переформатировал» Русь, перенеся политический центр с юга на северо-восток.

СПОР О ПОСТАХ

Андрей понимал, что один из главных аргументов в пользу «столичности» Владимира – наличие самостоятельной митрополии, не подчиняющейся киевскому митрополиту-греку. Схватка с византийской церковью обещала быть жаркой, но князь не дрогнул.

В 1158 году киевский митрополит направил на кафедру в Ростов нового епископа – грека Леона. Он не пришелся по нраву ни князю, ни пастве: его изгнало ростовское и сузdalское вече. Вскоре, правда, вернулся, но... В Ростове Леон служить не мог: в 1160 году в страшном пожаре сгорел кафедральный собор, а каменная церковь, заложенная Андреем на его месте, была еще не достроена. Леон обосновался в Суздале у вдовы Долгорукого, матери сводных младших братьев Андрея. Положение было двусмысленным: за время его отсутствия появился «нареченный» (выбранный на вече, но не утвержденный митрополитом. – Прим. авт.) епископ – русский священник Феодор. Судя по летописным описаниям, это был хорошо образованный, поднаторевший в богословских спорах проповедник, физически мощный и красивый человек. На своих современников он производил неизгладимое впечатление. Андрею оставалось лишь дождаться публичного столкновения Феодора и Леона...

В 1163 году Рождество пришлось на среду – постный день. Андрей устроил пир, на который собрал местное духовенство и знать. Вместе с мачехой и сводными братьями Андрея пришел и Леон. Увидев на столе скромные яства, он указал князю на то, что есть мясо в постный день недопустимо. Феодор тут же вступил в спор с Леоном и в словесной баталии разбил грека. Но Леона поддержали мачеха, братья Андрея, а также некоторые старые «передние мужи» (приближенная знать. – Прим. авт.) Долгорукого, отказавшиеся разделить с князем трапезу. Андрей вспылил и изгнал их. Вдова Долгорукого с сыновьями уехала в Константинополь.

Сегодня реконструкция облика Андрея Боголюбского по черепу князя, выполненная в 30-е годы профессором Герасимовым, вызывает сомнения у многих специалистов

А Леона Андрей отправил в еще не оправившийся после пожара Ростов. Затем вызвал Леона в Сузdal и вновь поинтересовался его мнением о постах. Леон держался прежней линии. Тогда Андрей изгнал и епископа грека.

Это сегодня нас может удивлять, какие страсти в XII веке кипели вокруг постов. А для Руси того времени это был один из живо-трепещущих вопросов: можно ли есть мясо, если церковные праздники совпадают с постными днями – средой и пятницей? Византийское духовенство твердо стояло на том, что нельзя. На Руси же многие, включая и некоторых греческих епископов, сообразуясь с местными обычаями и потребностями, придерживались противоположного мнения. Они считали, что строгие правила постов должны соблюдать монашествующие, но не миряне. Именно эту позицию отстаивал, например, Киево-Печерский монастырь. Но спор зашел в тупик, так что решили обратиться к «вышестоящим инстанциям». Весной 1163 года в Константинополь отправились Леон, Феодор и послы Киева, Переяславля, Суздаля и Чернигова. До Царьграда это разношерстное посольство не дошло: на Дунае они наткнулись на ставку византийского императора, находившегося в венгерском походе. Здесь были сам Мануил I Комнин, его двор и высшие иерархи церкви. Мануил считал себя сведущим в теологии и обожал богословские диспуты, а потому послы довольно быстро предстали перед очами императора. Леон получил слово первым. Против него выступал болгарский архиепископ Андриан, который пересорил грека. Леон обругал архиепископа и стоял на своем. Император стал объяснять Леону, что он заблуждается. Зарвавшийся Леон обругал и Мануила! От такой наглости император опешил. Зато придворные надавали Леону по шее, а затем выкупали его в Дунае, дабы охладить пыл епископа...

БЕЛЫЙ КЛОБУЧОК

А вот Феодор вручил патриарху послание от Андрея. Этот документ до нас не дошел, но сохранились фрагменты ответных грамот Луки Хрисоверга князю, которые были доставлены в Суздальскую землю гораздо позже. Из них ясно, что Андрей просил патриарха учредить во Владимире самостоятельную митрополию и поставить ее главой Феодора. Но получил отказ. Причем Лука Хрисоверг упирал на то, что Феодор – представитель белого духовенства, то есть женатый священник, и отрицание им преимуществ монашеского целомудрия при архиерействе – это дерзость. Справедливости ради заметим, что в то время женатые священники в Византии еще становились епископами, где немонашеское меньшинство епископата носило белые клобуки. Даже позже, в 1186 году, на соборе трех патриархов император Исаак Ангел критикует духовенство: некоторые все еще руководятся в епископы, не разводясь с женами (браки для епископов запретил Трульский собор в 691 году. – Прим. авт.).

Между тем вернувшийся в Суздальскую землю Феодор вел себя весьма самоуверенно. Летопись сообщает, что он стал носить белый клобук как «нареченный архиепископ». За это недоброжелатели дали ему обидное прозвище «Феодорец – белый клобучок», а киевский митрополит прислал письмо духовенству епархии с наказом не признавать Феодора епископом. Но Андрей поддерживал своего ставленника.

Противостояние Андрея с византийской церковью разделило русское общество на союзников и противников владимирского князя. Вторых, правда, было больше. И в их числе – «русский Златоуст», епископ Кирилл Туровский, написавший на злобу дня блестящий памфlet «Причта о слепце и хромце»: некий господин имел прекрасный фруктовый сад, который он стремился обезопасить от воров. Подозре-

вая, что обычная охрана может его обворовать, он нанял стражами слепца и хромца, посчитав, что калеки не смогут преодолеть ограду. Но хромец взобрался на плечи слепцу, вдвоем они перелезли через забор и ограбили тракти хозяина. За этим простым сюжетом просматривалась мораль: как бы Бог ни защищал свой сад – Церковь, всегда найдутся нечестивцы среди тех, кто призван ее охранять. Памфlet был направлен против «сановников и буев в иереях», не оставляя сомнений, что речь идет об Андрее (слепце) и Феодоре (хромце). К сожалению, не сохранились ответные письма Андрея епископу, а о том, что они были, сообщает «Житие» Кирилла Туровского...

То ли из-за алчности, то ли из-за сбора денег на взятку митрополиту Феодор установил в

епархии драконовские поборы, пытал и казнил тех, кто смел возражать ему. А тут еще Лука Христоверг потребовал, чтобы Андрей отправил Феодора в Киев рукополагаться в епископы у митрополита. Чем это грозило – понимали и Андрей, и Феодор. Понимал это и хитрый грек, пообещавший Андрею в случае неповиновения отлучение от церкви. С тяжелым сердцем князь приказал Феодору идти в Киев. Феодор не подчинился. Более того, ослепленный яростью, он приказал затворить все церкви во Владимире, забрал ключи и запретил богослужения. Это стало последней каплей. Видимо, под охраной Феодор был отправлен в Киев в 1168 году. Киевский митрополит снисхождения не проявил: Феодору отрезали язык, потом отрубили правую руку и выкололи глаза, а после обезглавили.

Белокаменную церковь Покрова на Нерли, которая ныне признана одной из жемчужин русского средневекового зодчества, Андрей Боголюбский построил в память о своем старшем сыне, Изяславе, скончавшемся после возвращения из военного похода в Волжскую Болгарию в 1164 году

«ГРЕХ НАШИХ РАДИ...»

К 1165 году Андрей перестроил Владимир, укрепил города, заложенные отцом, отстроил около 30 храмов, возвел Боголюбовский замок (после чего князя стали называть Боголюбским. – Прим. авт.), расширил крепостицу под названием Москва. Летописи сообщают, что на великое строительство во Владимир съехались мастера со всей земли, а Татищев указывает, что каменщики были присланы Андрею самим Фридрихом Барбароссой. Так ли это – неизвестно, но то, что работавшие у Андрея зодчие были хорошо знакомы с романским искусством – факт. Хотя прислал их Андрею, скорее, галицкий князь Ярослав Осмомысл, женатый на родной сестре Боголюбского – Ольге. Важно другое: Андрей привлекал масте-

ров не из Киева, явно уклоняясь от копирования южной столицы. На северо-востоке возникает свой стиль: иные пропорции, другая техника белокаменной кладки, новый подход к декорированию фасадов – фрески, вызолоченная медь, резной камень... Успенский собор во Владимире и храм Покрова на Нерли – лучшие творения зодчих Андрея.

На 60-е же годы приходится и наивысшая активность Андрея по утверждению идеи о самостоятельном религиозном центре на северо-востоке. До начала 70-х годов во Владимире создаются литературные шедевры – «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», «Проложная статья», «Слово на праздник Покрова» (ряд исследователей считают, что князь мог сам участвовать в их написании. – Прим. авт.). Все они так или иначе отстаивают идею богоизбранности и самостоятельности Владимира. При помощи Феодора Андрей устанавливает два новых церковных праздника: празднование Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице, а также праздник Покрова Божией Матери. В начале 60-х годов в Залесской земле появляются и свои святыне: при восстановлении сгоревшего кафедрального собора в Ростове были обретены мощи Ростовских угодников – святителей Исаии и Леонтия... Ко второй половине 60-х годов влияние Андрея было неоспоримо. Из Боголюбова, где князь проводил большую часть времени, он фактическиправлял всем и вся. Перечить ему решались немногие. Опасный сосед – Волжская Болгария только оправлялась после удара, нанесенного ей в 1164 году. Свободолюбивый Новгород кланялся Боголюбскому и просил у него сына на княжение. Традиционные недруги – муромцы и рязанцы – фактически стали вассалами. Старые враги – черниговцы – умоляли Андрея отдать дочь Ростиславу за своего

княжича. Не мог пожаловатьсь Андрей и на любимого сына Мстислава. Он – опора отцу во всем, храбр, неглуп и удачлив в бою... Но по-прежнему занозой сидит в сердце князя Киев – вечное яблоко раздора. Опять киевский князь Мстислав Изяславич (сын Изяслава Мстиславича – противника Долгорукого в борьбе за Киев. – Прим. авт.) то пытается вырвать богатый Новгород из сферы влияния Боголюбского, то вносит разлад в лагерь союзников Андрея. А это несложно – союзники-то они не по доброй воле, а из страха и слабости... Да и все еще сидит в Киеве митрополит, так жестоко расправившийся с соратником Андрея – Феодором...

И снова Андрей делает шаг, повергающий в смятение всю Русь. Он решается на разгром Киева. Но сам не идет на юг. Командование полками он доверяет сыну Мстиславу и своему воеводе – ростовскому боярину Борису Жидиславичу. На пути к Киеву к их дружинам по приказу Андрея присоединяются полки еще десяти князей и союзные половцы. Огромная рать обложила Киев, город был взят на третий день. Правда, Никоновский свод сообщает о том, что киевский боярин Петр Бориславич, дядя казненного священника Феодора, выдал осаждавшим слабые места обороны... Киев был разорен. Сам характер разгрома говорит о том, что это был в первую очередь удар по церковному престижу столицы: вывозили книги, церковную утварь, иконы, колокола, поджигали церкви и монастыри. Что не могли увезти, уничтожали. Ипатьевская летопись, описывающая разгром, завершает рассказ словами: «Все же это случилось грех наших ради»... Последним унижением стало то, что Андрей даже не приехал посмотреть на поверженный город, который больше не был столицей. Он даже не отдал Киев сыну Мстиславу, а посадил на киевский стол младшего брата – Глеба Юрьевича.

Дворцовые башня и переход сохранились со временем Андрея Боголюбского

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

Казалось, Андрей находился в апогее могущества и славы. Летописные статьи под 1169 годом, посвященные Боголюбскому, иначе как панегириками не назовешь: в них он именуется «царем», «рукой Бога», «Соломоном», «звездой», «самовластцем», «солнцем»... Но с 70-х годов началась черная полоса. Изгнав из Киева Мстислава Изяславича, Андрей в 1170 году двинул войска к Новгороду, где сидел сын киевского князя – Роман. Полки Андрея снова вели Мстислав Андреевич и Борис Жидиславич. Роман затворился в Новгороде и упорно отбивался. Мстислав четыре раза шел на штурм, и все безрезультатно... А тут еще началась эпидемия и конский падеж, кончились припасы. Войска стали отступать, люди умирали от голода. Новгородский поход провалился, но цели своей Андрей все равно добился: он блокировал подвоз хлеба к городу, и новгородцы сдались на ми-

лость Боголюбского, согласившись принять князем того, кого он пожелает.

В 1172 году Андрей отправляет Мстислава и Бориса Жидиславича во второй поход против Волжской Болгарии. Воины роптали: зима не располагала к походу, да и усталость сказывалась – за плечами броски к Киеву и Новгороду. Полки Жидиславича фактически саботировали поход, опоздав на встречу с Мстиславом. В итоге Мстислав сам вторгся в Волжскую Болгарию, захватил «сел шесть и семое город», взял полон и поспешил вернуться домой.

Но главный провал был впереди. В 1171 году в Киеве скончался Глеб Юрьевич. Видимо, он был отправлен киевскими боярами, как и Юрий Долгорукий. В 1173 году Андрей требует от Романа Ростиславича (внука Мстислава Великого. – Прим. авт.), которого сам посадил на киевский стол, выдать отправителей брата. Роман отказался. Взбешенный Андрей обвинил Романа с бра-

тьями Давидом и Мстиславом в убийстве Глеба. Он направил к Ростиславичам послы – мечники Михна с ультиматумом убираться из Киева, да и вообще из «Русской земли». Мстислав же схватил Михна, отсриг ему голову и бороду – страшное оскорбление по тем временам – и отправил к Боголюбскому со словами: «Делай что задумал – Бог все видит». Когда Андрей увидел посла, то, как пишут летописи, изменился в лице. В ярости он отдал приказ собирать войска. К Киеву двинулась объединенная рать 20 князей! Но осада Вышгорода, где засел Мстислав, окончилась провалом. В огромном войске не было единого центра, князья ссорились друг с другом, кое-кто перешел на сторону Ростиславичей... А на киевском столе вновь началась чехарда. Но как ни странно, Ростиславичи обратились к Андрею с просьбой разрешить княжить в Киеве Роману – поражение под Вышгородом не поколебало могущества Боголюбского!

Именно здесь, в Рождественском соборе, незадолго до гибели князь совершил свои одинокие всенощные молитвы

«ЕСЛИ Я ПОЙДУ И ДОЛИНОЮ СМЕРТНОЙ ТЕНИ...»

Даже если бы летописи не оставили описания душевного состояния Андрея незадолго до гибели, догадаться о том, что он находился в глубокой депрессии было бы несложно. В 1173 году умер сын Мстислав – его надежда и опора. Старший сын, Изяслав, скончался еще в 1165 году. Младший сын, Юрий, был еще слишком мал. В 1171 году отравили последнего родного брата – Глеба. Из сводных братьев в живых оставались лишь Михалка и Всеволод, которых он десять лет назад сам выгнал из Сузdalьчины... Гибель Феодора, поражения под Новгородом и Вышгородом... Напряженная борьба последних лет дорого далась Андрею. Его одолевали приступы ярости, гордыня толкала на необдуманные слова и действия – «исполнился высокоумья и разгордевся велми...» Незадолго до убийства Андрея покинули многие старые соратники... Немного-

численные слуги в Боголюбове все чаще наблюдали, как по ночам великий князь шел в дворцовый Рождественский собор, зажигал свечи и лампады и в одиночестве совершал всенощные молитвы. Как пишет Ипатьевская летопись, князь читал Псалмы Давида, «плача о грешах своих».

...Основными заговорщиками летописи называют приближенных слуг князя – Якима Кучковича, ключника Амбала Ясина, «Кучкова зятя» Петра и Ефрема Моизовича. А всего, говорят летописцы, в убийстве участвовали 20 человек. Накануне убийства – в пятницу 28 июня 1174 года – они срочно собрались в доме у Петра, где Яким Кучкович поведал о том, что Андрей казнил его брата, и предложил действовать незамедлительно. Амбалу Ясину, имевшему доступ в спальню Андрея, было поручено незаметно вынести оттуда меч святого Бориса. Дождавшись ночи и вооружившись, заговорщики подкрались

Этот путь ведет к месту убийства князя

к дворцовой башне, однако тут их обуял страх. Подбодриться они решили с помощью вина и отправились в княжескую медушу. Выпив, приступили к делу: обезоружили и связали стражей на первом этаже башни и любимого слугу Андрея – мальчика Прокопия. По каменной лестнице поднялись на второй этаж, прокрались по переходу к покоям дворца и по коридору подошли к двери в опочивальню. Один из убийц, подражая голосу Прокопия, позвал: «Господине!» Андрей спросил: «Кто есть?» – и услышал: «Прокопья!» «О, паробыче не Прокопья!» – ответил князь. Поняв, что уловка не удалась, заговорщики навалились на дверь и выломали ее. Андрей уже обнаружил, что из спальни пропал его меч, так что когда в спальню ввалились первые двое убийц, одного он сбил с ног, а со вторым схватился без оружия. Но в комнату рвались остальные, силы были не равны. Князь получил страшный сабельный удар и упал. Заговорщики продолжали наносить удары лежавшему Андрею. Решив, что князь мертв, они подняли своего товарища и ушли. А Андрей очнулся. Трудно представить, какой выдержкой и физической силой обладал князь,

Именно на этом месте 29 июня 1174 года был убит подлыми заговорщиками князь Андрей Юрьевич Боголюбский

если, несмотря на страшные раны, он смог подняться, спуститься по лестнице во двор и, пройдя несколько шагов вдоль стены, опуститься на землю. Его стоны услышали заговорщики. Они вернулись в спальню и, не найдя там князя, пришли в ужас. Зажгли свечи и пошли по кровавым следам... Первым нанес удар мечом Петр – «отня ему руку десную»... Все было кончено.

Заговорщики вернулись во дворец, убили Прокопия, разграбили казну. Тело Андрея бросили в огород. Там и нашел труп пришедший утром слуга Кузьма Кивелянин. Он заплакал над телом Андрея и умолял проходивше-

го мимо Амбала дать ему плащ, чтобы прикрыть князя. Убийцы даже не захотели открыть дворцовый собор, так что Кузьме пришлось положить князя в притворе.

В это время в окрестностях Владимира начались беспорядки. Лишь на третий день игумен владимирского монастыря Козьмы и Дамиана внес тело князя в Рождественский собор и отслужил панихиду. На пятый день священник Микула стал ходить по городу с иконой Богородицы, и беспорядки стали утихать. Только тогда по требованию горожан тело князя было перенесено в Успенский собор Владимира...

ЗАГАДКИ 830-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

С убийством Андрея связано несколько загадок. Пожалуй, самая удивительная из них заключается в том, что князь знал о существующем заговоре. По крайней мере, в самом начале рассказа об убийстве Боголюбского летопись говорит, что князь «вражное убийство слышав напереде до себе, духом разгореся божественным и ни во что же вмени». Почему, зная о заговоре, князь не предпринял достаточных мер для своей защиты? Почему казнил только одного из Кучковичей, оставив других заговорщиков на свободе? Может, покушение было намечено на более позднюю дату, которая была известна Андрею? Поэтому заговорщики срочно собрались у Петра и решили действовать немедленно? Тогда становится более или менее понятным, почему в ночь на 29 июня рядом с князем не было почти никакой охраны. Вторая загадка – присутствие в истории убийства Кучковичей, то есть детей Кучки. Что сразу приходит на память? Правильно. Легенда о том, как князь Юрий Долгорукий казнил сузdalского боярина Степана Кучку, которому ранее принадлежала Москва, женил своего сына Андрея на дочери этого боярина Улите, а двух сыновей отдал княжичу в услужение. Велико искушение связать заговор с желанием детей казненного боярина отомстить сыну убийцы отца, не так ли? Но, во-первых, сразу возникает вопрос: почему мстители так долго ждали? Во-вторых, есть проблема с этой легендой. Летописи ее не знают. Москва упоминается в первый раз в летописях в 1147 году, но исключительно как место, где Долгорукий принимал в гостях своего союзника, князя новгород-северского Святослава. Никакого Кучки там не обнаруживается. А вот легенда о казненном Кучке, оказывается, была впервые записана не ранее конца XVI – начала XVII века. Вернее, несколько версий этой легенды...

Третье. Некоторые более поздние летописные своды утверж-

Миниатюра из Радзивилловской летописи, изображающая убийство Андрея Боголюбского.

Кто эта загадочная женщина слева, держащая отрубленную левую руку князя?

дают, что в заговоре принимала участие княгиня – вторая жена Андрея, мать его младшего сына, Юрия. Одни исследователи считают, что она была из волжских болгар, другие – что она была осетинка. Последнее вполне вероятно. Ведь младший брат Андрея, Всеволод Большое Гнездо, был тоже женат на ясской (то есть осетинской) княжне, которая, кстати, приходилась сестрой супруге черниговского князя Мстислава. И тогда становится понятным, почему должность ключника, одна из самых важных при княжеском дворе, могла быть доверена осетину – Амбалу Ясину. Наконец, вызывает удивление факт, что самый близкий боярин Андрея, его бессменный и преданный воевода Борис Жидиславич, незадолго до убийства князя перебрался из Ростова в недружественную Боголюбскому Рязань. Почему на вече во Владимире сразу после похорон князя, решавшем, кому наследовать владимирский стол, оказались рязанские послы? Как будто они уже сидели во Владимире и ждали известных им событий? Почему меч святого Бориса и Владимирская икона Богородицы оказались в руках у рязанского кня-

зя Глеба? И именно Глеб в 1177 году пограбил и пожег Боголюбово, словно продолжая мстить Андрею за годы своего подчинения владимирскому князю. А ведь даже Татищев, не говоря уже о многих современных историках, подозревал, что главным вдохновителем заговора против Андрея был именно Глеб Рязанский: «убийство Андреево... учинилось по научению Глебову».

Ну а самой непонятной можно считать так называемую загадку руки. Дело в том, что все летописи сообщают о том, что Петр отрубил князю правую руку. Но при обследовании скелета Боголюбского было установлено, что у Андрея была перерублена не правая, а левая рука. Только один источник совпал с выводами современных врачей – миниатюра из Радзивилловской летописи. На ней древний художник, весьма точно отобразивший обстоятельства убийства князя, изобразил женщину в восточном тюрбане и платье с глубоким декольте, которая стоит рядом с убийцами и держит отрубленную левую руку Андрея...

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №2.

PHOTOEXPRESS

БРИТЬЕ ГОЛОВЫ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

АРМИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТРУД, ДИСЦИПЛИНА, ИСПЫТАНИЯ И ОПАСНОСТИ. АРМИЯ – ЭТО ЕЩЕ И ЗДОРОВЫЙ МУЖСКОЙ ЮМОР. СУДИТЕ САМИ: ДАЖЕ ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ У НАС НАЧИНАЕТСЯ... 1 АПРЕЛЯ. ОЦЕНИТЬ ШУТКУ В 2013 ГОДУ СМОГУТ ПРИМЕРНО ПОЛТОРЫ СОТНИ ТЫСЯЧ ПРИЗЫВНИКОВ.

3 А ГОДЫ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ Вооруженные силы сократили почти в три раза: с 2,8 миллиона человек до 920 тысяч по штатному расписанию. Радикально изменилась структура кадрового состава. Теперь количества офицерских должностей – 220 тысяч. То есть по одному офицеру на четыре-пять солдат и сержантов. Это – если считать огульно. Ведь состав армии предполагает и наличие курсантов, медиков, выведенных за штат должности и проще. А если считать конкретнее, как сделано на форуме МО РФ, «живых» офицеров служит примерно 160 тысяч. Опять-таки согласно штатному расписанию, 435 тысяч мест – для контрактников. Но

их пока несколько меньше, чем хотелось бы Министерству обороны. Точная статистика применительно к этому ведомству – штука не всегда доступная. В СМИ есть данные годичной давности. Из них следует, что по контракту весной 2012-го служили менее 200 тысяч.

Выходит, основная нагрузка по-прежнему ложится на призывников. Как ни крути, их в войсках почти половина: свыше 300 тысяч человек. Это при существенном недокомплекте в 20 процентов. А значит, слово «призыв» из нашего обихода в ближайшее время никуда не денется. Даже несмотря на то, что страна стоит на краю демографического обрыва. Сейчас в армию пойдут рожденные в 90-е. А в 90-е детей в России, едва начи-

навшей оправляться после развода СССР, рождалось немного. А как у нас обстояли дела с призывом раньше? Как комплектовалась победоносная русская регулярная армия? Всегда ли слово «призыв» вызывало у большинства новобранцев желание остановить время и так и остаться где-нибудь в середине марта?

РЕКРУТЫ ПЕТРА

Не стоит, наверное, забираться в дебри истории. До прихода Петра I на русский трон в стране и слово-то такое было не шибко в ходу – «армия». Говорили иначе: рать, войско. Это не означает, что не воевали и не побеждали. Навык имелся. Но все-таки армия в современном понятии родилась именно при Петре и благодаря Петру.

Тут никуда не деться от «потешных», впоследствии ставших первыми полками Русской императорской гвардии. Романтический ореол, витающий над преображенцами и семеновцами, создает иллюзию, что в эти части создаваемой царем регулярной армии шли исключительно по желанию. Ведомые, так сказать, зовом сердца. На самом деле было всякое. И романтики из ближнего царева круга имелись, и свободный люд всяческих придворных профессий, но и без призывников не обходилось. Пропорцию между вольными и невольны-

ми сегодня уже не вычислить. Но факт остается фактом: государь «руку набивал» на гвардейцах, комплектование этих полков привело к пониманию основного принципа устройства армии нового типа.

Первый рекрутский набор был осуществлен поздней осенью 1699 года. Аккурат после ре-пресий, направленных против стрельцов-бунтарей, и перед Северной войной с отлично организованной и натасканной шведской армией. В полки набирали и «охотников» из вольных людей, и рекрут из достаточного сословия. Проще говоря, помещичьих и монастырских крестьян. Норма поначалу была щадящей: помещики поставляли по одному человеку с 50 дворов, Москва – по одному всаднику с 100. Гражданские служащие – по рекруту с 30. Семьи тогда были большими, и ощущимых потерь в хозяйстве от новой подати в живой силе не несли. Другое дело, что прощались с уходившим на службу и хозяева, и родственники навсегда. Хозяева теряли всякое право на вчерашнего холопа, он превращался в государственного человека и становился лично свободным. Если можно назвать личной свободой тот уклад жизни, который предполагался в армии. Родственники же... Бессрочная служба не предполагала возвращения в семью. Разве что в исключительных случаях, когда сильноеувечье вычеркивало солдата из армейских списков и его отпускали в родную деревню. Еще один интересный аспект – кандидата в солдаты выбирала сельская община. Первоначально – из молодых людей 15–30 лет, позже возрастную планку подняли до 17–35. Не сказать, что и тогда, триста лет назад, отряженные на службу царю и отечеству радовались новому статусу. Большая часть смирялась, но и «уклонистов» или, как тогда говорили, «нетчиков» хватало. Поэтому при транспортировке к месту службы будущих солдат заковывали в колодки и всерьез охраняли. Лбы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

при Петре, правда, еще не брили. Этот способ выделить рекрута из числа других подданных изобрели позже – в середине XVIII века. Практиковали другой метод: на мягкой ткани левой руки иглой прочерчивали крест и затирали рисунок порохом. Метка держалась крепко и долго.

С 1705 года рекрутские наборы стали регулярными, как и сама армия. Постепенно выбыл из строя стрелецкий элемент, добровольцев много не было никогда, и принудительный набор стал основой комплектования полков, морских экипажей и артиллерийских рот. Не оставил в покое царь-батюшка и становое сословие – дворянство. Служба для его представителей стала лично обязательной. Поголовной. И пожизненной. Однако же дворянская молодежь хоть и начинала службу рядовыми, но преимущественно в гвардейских полках. Но чтобы высушиться в офицеры, большинству приходилось служить в нижних чинах по пять–шесть лет.

Призывающая реформа Петра Великого привела к тому, что к концу Северной войны Русская армия насчитывала свыше 200 тысяч солдат. То есть в строю находилось более 1,3 процента населения державы. В сравнительных цифрах – в два с лишним раза больше, чем сегодня.

Обучение рекрут в николаевское время.
Рисунок
А. Васильева
из книги
Н. Шильдера
«Николай I.
Его жизнь
и царствование»
(СПб., изд.
А.С. Суворина,
1903)

СОЛДАТЫ И МИЛИЦИОНЕРЫ

В течение XVIII века система призыва никаких существенных изменений не претерпела. Все так же уходили рекруты из деревень и городов в полную неизвестность. Вот только мудрая сельская община и хитрецы-помещики приспособились к этой системе по-своему. Все чаще в рекруты отдавали тех, кого менее других хотелось оставлять в хозяйстве. Набирал силу и фактор личных отношений. Самый простой способ избавиться от несимпатичного холопа – забрить ему лоб, верно? Получив Грамоту о вольности дворянства из рук императора Петра III, высшее сословие армию не покинуло. Дворяне также поступали в полки рядовыми и через два-три года получали офицерский патент. Вот только записывать солдатами дворянских детей начали с младенческого возраста. Особенно эта порочная практика расцвела в царствование Екатерины Великой. Зато круг сословий для настоящей солдатской службы заметно расширился. Во второй половине XVIII века в рекруты забирали не только крестьян, но и мастеровых, купцов, даже духовных лиц и иностранцев. Можно было и официально откупиться, но дозволялось это только купцам и мастеровым. Период Наполеоновских войн потребовал больших воинских ресурсов. В 1806 году в России решили впервые применить мобилизацию. Выглядело это несколько забавно, если учесть, что профессионально подготовленные солдаты были только в армии. А не в армии их в принципе быть не могло. Однако по мобилизационному плану собрали свыше 600 тысяч ополченцев. Суть процесса проста: каждый помещик выставлял сколько мог людей, способных носить оружие. Эффективность от такой военной силы ничтожна, но психологическая выгода есть: народ мобилизован и демонстрирует врагу огромный потенциал. Еще раз собрать милицию пришлось в грозном 1812 году. Тогда

под ружье встало 420 тысяч ополченцев. Хотя, как и в первом случае, в сугубо военном смысле толку от них было немного. В боевых порядках эти одетые в сермягу и с ополченческим крестом на крестьянской шапке появлялись редко. И все больше с носилками. Известно, что только десяток тысяч настолько прижились в действующей армии, что совершили с ней Заграничные походы 1813–1814 годов.

В отличие от солдат регулярной армии ополченцы после завершения военных кампаний возвращались к своему помещику. При Николае I начались первые поблажки для солдат. Самое главное – отменили бессрочную службу. Начиная с 1834 года рекрут мог надеяться вернуться домой через двадцать лет службы в бессрочный отпуск. Но в случае войны его могли вернуть в часть в любой момент. Наконец, в 1851 году срок службы получил верхнюю планку – пятнадцать лет.

Продолжилась и корректировка самих условий призыва. Так, от рекрутчины избавили некоторые территории. К свободным от принудительного призыва казакам присоединились жители некоторых пограничных губерний на западе страны и архангелогородцы. Появилась практика проведения частичных рекрутских наборов. То есть армейскую сеть забрасывали не по всей стране одновременно, а чередуя список губерний.

И пусть изменения происходили локально и медленно, становилось очевидно, что России необходима солдатская реформа. Окончательно ясно это стало после Восточной (Крымской) войны. Не ясно было другое – какой она должна быть?

К этому времени опыт разных стран показывал, что можно использовать несколько способов комплектования армии. Добровольческий, наемный, обязательно-принудительный и смешанные методы. Россия пошла по пути, который ей предложил новый военный министр, граф Миллютин.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Призыва
молодых солдат
(евреев). Начало
XX века

ПРИЗЫВНИКИ МИЛЮТИНА

Сразу признаемся, военная реформа прилично затянулась, что, видимо, для России, скорее, нормально. Министром гравя стал в 1861 году, а рекрутский набор перестал существовать только спустя двенадцать лет. В 1874 году страна перешла на принцип всеобщей воинской повинности. Обязанность защищать свое государство перестала быть игрой судьбы с человеком и превратилась в гражданскую обязанность.

Призывной возраст – 20 лет. Срок действительной военной службы в сухопутных частях – шесть лет, на флоте – семь, в запасе – еще девять и три соответственно. Впоследствии сроки стали еще короче. После 1905 года – три года в пехоте и артиллерии, четыре – в кавалерии. Согласитесь, совсем побожески.

Хуже обстояло дело с вопросом ограничений и полного освобождения от службы. Похоже, эта проблема также из разряда хронических для России. В германской армии, которая стала нашим главным противником в первой половине XX века, исключений для призываика было крайне мало, и правил

придерживались неукоснительно. У нас же за всеми правилами и уследить оказалось трудновато. Льготы и освобождения полагались по национальному, конфессиональному, профессиональному, медицинскому признаку, в связи с семейным положением и уровнем образования. Наконец, происхождением. Не служили единственные сыновья в семье. Кормильцы при нетрудоспособных родителях. Служители культа. Педагоги, ученые со степенями, врачи. Жители Средней Азии, Сибири и Казахстана нерусского происхождения. Мусульмане Закавказья и Северного Кавказа. Калмыки. Евреев из западных губерний, правда, в армию брали еще с 30-х годов XIX века. Но делалось это неохотно и неактивно. Финны служили только на территории Великого княжества Финляндского и только в национальных частях. Имелись льготы для учащихся абсолютно всех учебных заведений, исключая разве что церковно-приходские школы. Например, выпускник университета вместо шести-семи лет служил всего полгода. Расцвел пышным цветом институт вольноопределяющихся – для дворян. То есть

формально молодой человек служил рядовым, и все, что его отличало от товарищей, – это специальный кант по погону. Но по факту служба проходила мимо, а большую часть времени «вольнoper» проводил с господами офицерами, в число которых он попадал спустя год-другой.

В результате призыв охватывал не более трети военнообязанных. Львиная доля их находилась, разумеется, на крестьянство. В итоге это породило все те тяжелые последствия, с которыми армия столкнулась в русско-японской и особенно Первой мировой войнах. Речь не столько о стратегии и тактике, за которую отвечают прежде всего генералитет и офицерский корпус, сколько о качестве того «человеческого материала», что поступал по призыву.

Да, как и прежде, терпением, личным мужеством, спокойствием, неприхотливостью в быту русский солдат на стыке XIX–XX веков отличался от солдат других европейских армий. Но отличался также и низким уровнем образования, а то и полным его отсутствием. Равно как и отсутствием хоть какого-то внятной мотивации, объяснявшей ему необходимость служить не только как положено, но и с интересом. Как следствие – очень многое в подготовке такого солдата зависело от активной позиции офицера. Те командиры, что возились с солдатами не только на плацу, но и в полковых библиотеках, были, к сожалению, в изрядном меньшинстве.

Перед Первой мировой войной число грамотных в армии доходило до 60 процентов. И это был заметный прогресс по сравнению с последними рекрутскими наборами, в которых этот показатель не превышал 20 процентов. Но больше времени нам не отпустили.

Примечательно, что в советский период принципы комплектования армии, разработанные графом Миллютиным, особых изменений не претерпели.

ТОВАРИЩИ РЯДОВЫЕ И СЕРЖАНТЫ

Сразу после Октябрьского переворота 1917 года советская власть, находившаяся в младенческом состоянии и пребывавшая в иллюзиях, выбрала милицейскую форму комплектования вооруженной силы. Первые отряды Красной гвардии создавались на добровольной основе. Хотя для многих «охотников» запись в красногвардейцы носила сугубо прагматический смысл. В разрушенной стране немного имелось мест, особенно в городах, где можно было не думать о хлебе насущном. Результат не заставил себя ждать: думы об этом хлебе не способствовали появлению желания воевать как следует. Да и навыков у рабочих гвардейцев не всегда хватало. По этим причинам мобилизации в Красную армию начались уже поздней весной 1918 года. Решено было также не уничтожать полки царской армии, сохранившие остатки боеспособности. Всего было мобилизовано свыше 1,3 миллиона солдат и офицеров, прошедших Первую мировую войну. В 1925 году был принят первый советский закон об обязательной военной службе. Служили по нему, как ни странно, всего два года. Но служили не все. Помимо понятных ограничений медицинского характера в армию не брали тех, кто происхождением не вышел: из семей дворян, офицеров, купцов, буржуа, казаков, кулаков и священников. Спустя десять лет для молодых людей из казаков ограничение сняли. В 1939-м стали брать всех подряд. После Великой Отечественной войны призывов несколько лет не было вовсе. Солдат и так хватало. Очередной закон о всеобщей воинской обязанности был принят в 1949-м. Вновь увеличился срок службы. Но в 1968-м нормы вернули: в сухопутных войсках – два года, на флоте – три. Появилось и такое нововведение: выпускники высшей школы, где не было военной кафедры, призывались на год. А тех,

где была, получали лейтенантские погоны после коротких летних лагерей. И таких лейтенантов у нас до сих пор пруд пруди. В 1990-е годы, уже в Российской Федерации начались мучительные дебаты: как быть с новобранцами? Итогом стал указ о переводе армии на контрактную (добровольную) основу. Почему-то возобладало мнение, что контрактник – это профессионал в обязательном порядке. Раз уже отслужил срочную, значит, все умеет. Практика показывает, что так оно далеко не всегда. Тем более теперь, когда срок службы сокращен до одного года. Сдается, превращение солдата-призывника в солдата-профессионала происходит как раз после того, как кончается срок призывной службы и начинается контрактная работа.

Платят за нее сейчас, по разным данным, от минимальных 17 400 рублей до 25 тысяч. Для сравнения, рядовой-контрактник в Германии может рассчитывать на сумму до 4 тысяч евро. В США примерно 1,5–2 тысячи долларов. В Великобритании на начальном уровне – 1100 фунтов стерлингов. Индийский контрактник получает пока чуть меньше, чем российский. Но – незначительно меньше.

Впрочем, тот указ так и остался на бумаге. Прошло почти двадцать лет, а дефицит контрактников в войсках – более 50 процентов личного состава. А как оно там случится в этом году с призывниками – призыв и покажет. Но вот ответит ли он на вечные вопросы: почему вот уже триста лет русский человек так не любит идти в солдаты и почему вот уже триста лет наших солдат справедливо считают одними из лучших в мире?

Армия – это не только дисциплина и труд. Армия – это еще и юмор. Золотые слова сказал один офицер перед строем призывников:

– Главное преимущество военной службы в том, что отслуживший срочную уже не будет жить в постоянном страхе, что его призовут служить... ❶

НЕВЕСОМОСТЬ АЛЕКСЕЯ ЛОСЕВА

БЕСЕДОВАЛ

АНДРЕЙ КУЛЬБА

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 120 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО
УЧЕНОГО АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛОСЕВА.
И ОДНОВРЕМЕННО – 25 ЛЕТ СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ.
О ТОМ, ЧТО ФИЛОСОФ СЧИТАЛ ЦЕЛЬЮ СВОЕЙ
ЖИЗНИ И ПОЧЕМУ ЗА ПОЛГОДА ДО СМЕРТИ
ОБРОНИЛ: «ЖИЗНЬ ПОГИБЛА», РАССКАЗЫВАЕТ
ПРОФЕССОР МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, ДОКТОР
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, КУРАТОР НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ «ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА»
ЕЛЕНА ТАХО-ГОДИ.

– Н

А МНОГИХ ФОТОГРАФИЯХ АЛЕКСЕЯ Федоровича можно увидеть вас рядом с ним – в том числе и совсем еще маленькой девочкой.

Можете рассказать о своих первых воспоминаниях о нем?

– Надо сказать, что я не жила постоянно в одном доме с Алексеем Федоровичем, я только приезжала к нему. Первое знакомство я не помню, мне было 2 года, и воспоминаний об этой поре у меня не сохранилось. Но другое дело, что он умер, когда мне был уже почти 21 год. К тому времени я видела Алексея Федоровича в разных ситуациях: дома, на Арбате; во время летних каникул на даче в поселке Отдых;

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЕЛЕНЫ ТАХО-ГОДИ

на юбилейной конференции, когда ему исполнилось 90 лет... Алексей Федорович был человеком живым, страстным, горячим, полным юмора, сарказма. О нем, с одной стороны, можно вспоминать бесконечно, с другой стороны, очень сложно рассказывать. Недавно «Дом А.Ф. Лосева» издал воспоминания о Лосеве Галине Даниловны Беловой, бывшего редактора издательства «Искусство», где Алексей Федорович долгие годы печатался. В этих мемуарах Лосев предстает совершенно живым человеком – таким, каким его знали люди, общавшиеся с ним в разных ситуациях. Галине Даниловне удалось воскресить очень разного Алексея Федоровича: веселого и грустного, строгого и умеющего поддержать людей – близких и даже иногда далеких, но интуитивно ощущающих в нем духовного руководителя, почти старца. Галина Даниловна долго писала и долго не публиковала свой текст, потому что не была уверена, нужны ли кому-то ее фрагментарные, до машние или околодомашние воспоминания. А они нужны, потому что для нынешних читателей Лосев – или незыблемый авторитет, или даже если фигура, с которой спорят, то фигура уже абстрактная, лишенная во многом плоти и крови.

– За свою жизнь Алексей Лосев проделал гигантский объем работы, при этом будучи не совсем здоровым, как я понимаю, человеком...

– У Алексея Федоровича было замечательное, можно сказать, завидное здоровье, унаследованное им от его предков. Мы на сайте «Дома А.Ф. Лосева» в минувшем году разместили генеалогическую таблицу, родословную Алексея Федоровича, – попытались восстановить его казачьи корни. По данным, которые у нас есть, начиная с конца XVIII

века, предки его были очень воинственные, участвовали в сражениях, отличались храбростью. И Алексей Федорович унаследовал не только казачий боевой дух, но и чисто физическую силу. Он был человеком очень мощным, высоким, за метр девяносто ростом – уже в старости. Когда позднее я читала его лагерные письма 30-х годов – в 2005 году они вышли отдельной книгой под названием «Радость на веки», – на меня произвело впечатление то, как он – абсолютно здоровый, физически сильный человек – за несколько месяцев работы на беломорском лесоповале практически стал инвалидом. Именно там и началась потеря зрения, которая постепенно прогрессировала. К 50-м годам он уже не мог самостоятельно читать и писать. Когда я появилась на Арбате, он уже ничего практически не видел, только отличал свет от тьмы.

– И все-таки, несмотря на почти полную слепоту, написал огромное количество трудов. Как проходил его день? Как строилась его работа? Может быть, он как-то специально развивал память?

– Никаких специальных рекомендаций, как организовывать свой день, труд, я от Алексея Федоровича никогда не слышала. В конце 1910-х годов, когда он был молодым человеком и преподавал в гимназии, психология и методы воспитания его очень волновали. Может быть, тогда он пришел к мысли о том, что воспитывать человека можно только своим примером? Иногда ведь достаточно одной фразы.

Расскажу такой эпизод. Я была уже студенткой и начинала писать первую курсовую работу о тогда совершенно всеми забытом поэте Константине Случевском. Я рассказывала Алексею Федоро-

А.Ф. Лосев
в своем
кабинете.
Кадр из
документального
фильма
В. Косаковского
«Лосев»

Профессор
МГУ им. М.В.
Ломоносова,
доктор
филологических
наук, куратор
научной
деятельности
Библиотеки
истории русской
философии
и культуры «Дом
А.Ф. Лосева»
Елена Тахо-Годи

вичу о своих «открытиях». Он с живым интересом слушал мои повествования о связях Случевского с Владимиром Соловьевым – он тогда писал большую книгу о Соловьеве, где в том числе шла речь о связях Соловьева с русской литературой. Тогда мне попалась какая-то параллель между поэзией Случевского и философией Шопенгауэра – параллель, не лишенная оснований, если мы вспомним, к примеру, интерес к Шопенгауэру старшего современника Случевского и тоже поэта – Афанасия Фета. И я решила пойти легким путем: немного почитав кое-что о Шопенгауэре, я подумала, что проще всего расспросить о нем Алексея Федоровича, для солидности попросив его объяснить, как понимает Шопенгауэр закон достаточного основания. Конечно, Лосеву не составило бы труда рассказать мне о Шопенгауэре и его книге «Мир как воля и представление», о которой он сам с восторгом писал в 1918 году (мне посчастливилось републиковать несколько лет назад эту не входившую ни в один его список печатных работ небольшую статью). Но, видимо, он мой замысел сразу раскусил. Не забуду его насмешливую улыбку и брошенную фразу: «А нельзя ли как-нибудь без Шопенгауэра?..» Эта фраза, с одной стороны, значила, что если хочешь уж писать о Шопенгаузере, то изволь для начала сама все досконально изучить. Но главное – она навсегда научила меня избегать в своих работах откровенного дилетантизма. И когда порой мне хотелось вдруг пуститься в какие-то рискованные сопоставления и не слишком продуманные параллели, я повторяла ее сама себе: «А нельзя ли как-нибудь без Шопенгауэра?..» Это не было обидно, это был урок, за который я признательна по сей день.

Кстати, девочкой я не видела ничего необычного в том, как живет, работает, пишет книги Алексей Федорович. Его день был четкий: в час дня приходил секретарь, Лосев до пяти вечера диктовал, и мне казалось, что это абсолютно正常ально, что в этом нет никакого труда. Потом уже, когда Алексея Федоровича не стало, я сама занялась научной работой и многое поняла. Попробуйте закрыть глаза и представить, что вы не можете взять ни одну книжку в руки, не можете перечитать свой текст, что вы полностью зависите от окружающих вас людей, и если нет секретаря – значит у вас потеряна день... Но ребенком я считала, что иначе просто быть не может, что это нормальное времяпрепровождение, что у каждого есть свои увлечения, и вот у Алексея Федоровича такое: сидеть и диктовать... Отработав целый день, он потом еще вечером встречался с гостями. Где-то в девять часов на Арбат приходили гости, и беседы бывали до полуночи. Никто не думал о том, что Алексею Федоровичу надо на следующий день снова диктовать, а он, естественно, про это не говорил. Что я любила в нем и все реже встречаю вокруг себя – это удивительный интерес к чужой личности, к чужой мысли, мнению. Часто встречаются крупные учёные, замкнутые в мире своих идей. Эти идеи мо-

гут быть замечательные, прекрасные, их авторы могут с большим энтузиазмом говорить о том, чем они занимаются. Но стоит их «рядовому» собеседнику, допустим, студенту, начать повествовать о своих изысканиях или попросить прочесть свой текст, как они зачастую тут же гаснут – весь интерес исчезает. Алексей Федорович просто зажигался, когда видел, что человеку что-либо интересно, он с большим энтузиазмом начинал в это вникать. Недаром он с готовностью публиковался в журнале «Студенческий меридиан», к чему многие сноубы – а сноубы были и в советское время – относились презрительно. Но для Лосева важна была не просто его собственная мысль, а, вообще, жизнь в мысли, и не важно, кто эту мысль продумал, кто ее воплощает. Если это действительно мысль, она заслуживает максимума внимания, максимума энтузиазма и максимума поддержки – независимо от того, кто ее носитель.

– *И с таким же вдохновением Алексей Федорович восстанавливал идеи из других эпох?*

– Да, как он сам об этом писал в 30-е годы, он умел, как бы мы теперь сказали, артистично вживляться в чужую мысль, в чужую эпоху, что требовало, конечно, досконального знания эпохи и той самой мысли. Поэтому, как иронизировал Алексей Федорович, те люди, которые приходили к нему на лекцию, допустим, о Шеллинге, думали, что он шеллингианец, а те, кто приходил

На даче в поселке Отдых. Сидят М.Ф. Овсянников и А.Ф. Лосев. За ними стоят: А.А. Тахо-Годи, М.А. Тахо-Годи и Елена Тахо-Годи. Лето 1974 года. Фото В.В. Соколова

к нему на лекцию о Канте, думали, что он кантианец, на лекции о Гегеле он казался гегельянцем. А ведь это совершенно несхожие системы. Он говорил, что он ни то, ни другое, ни третье: он – Лосев. Но ему чрезвычайно было интересно понять, как, из чего вырастает мысль. А для того, чтобы понять ее, надо было вжиться. И не важно, была это эпоха Возрождения или античность. Для Лосева важен был стиль. Очень важно было понять стиль эпохи, стиль мысли отдельного человека или целого культурного или философского направления.

– Похоже, он просто наслаждался тем, как у человека рождается идея, как она развивается. При мерно как музыкой наслаждаются.

– Да, недаром он был и музыкантом. У него был абсолютный музыкальный слух и, можно сказать, абсолютный интеллектуальный слух. Поэтому надо представить себе, какие внутренние страдания доставляло Алексею Федоровичу то падение культуры, то отсутствие мысли, с которым он столкнулся после революции 1917 года. Эта какофония вместо мысли окружала его на протяжении практически всего его жизненного пути, с 1917 до 1988 года. Поэтому он особо и ценил среди мрака безмыслия собеседников, не только способных ему сочувствовать и понимать, о чем он мыслит, но и просто имеющих желание думать. Может быть, из-за этого люди, которые сталкивались с Алексеем

века прошли через дом Лосева – и Асмус, и Аверинцев, и Бибихин, и Гайденко...

– И на Арбат, и на дачу почти ежедневно кто-нибудь приходил или приезжал. Причем на дачу – зачастую без каких-то предварительных договоренностей. Раздавался на аллее лай собак, кто-то стучал в дверь веранды, и тогда выяснялось, что приехали гости. Тогда же не существовало ни мобильных телефонов, ни других возможностей оперативно договориться. Разве что почта работала хорошо – можно было, допустим, послать открытку. Но все равно согласовать приезд на дачу было довольно сложно, поэтому люди приезжали сами, иногда их никто не ждал. Арсению Владимировичу Гулыге – специалисту по немецкой философии – даже пришлось перелезать через забор: калитка была заперта. Можно перечислить много известных имен. Из-за этого может показаться, что к Лосеву приходили только люди избранные, но ведь к Алексею Федоровичу обращались люди и совершенно неизвестные ни тогда, ни теперь. Они писали ему письма в огромном количестве. Просто читатели, которые прочли его книги, что-то в них нашли свое, совершенно разные люди. Например, у нас в библиотеке висит портрет Алексея Федоровича, присланный из тюрьмы. Мы ничего не знаем о его авторе, кроме фамилии. От него сохранилось единственное письмо, сопровождавшее этот портрет, где он заверял, что пусть никто не боится, он никог

«Для Алексея Федоровича важна была не просто его собственная мысль, а, вообще, жизнь в мысли, и не важно, кто эту мысль продумал, кто ее воплощает. Если это действительно мысль, она заслуживает максимума внимания, максимума энтузиазма и максимума поддержки – независимо от того, кто ее носитель».

Федоровичем, иногда кардинально меняли потом свой путь. Наверное, один из самых ярких таких примеров – это журналистка Наталья Мишина из газеты «Правда». Она брала интервью у Алексея Федоровича уже в 80-е годы, и в разговоре ей пришла мысль задать вопрос о Боге. Казалось бы, корреспондент из газеты «Правда»! И что получилось? В конце концов уже после падения Советского Союза она стала монахиней. Такой совершенно невероятный путь: от корреспондента газеты «Правда» до монахини Павлы.

– В расхожем представлении Лосев был затворник. Но как теперь выясняется, в круг его общения входили десятки, если не сотни людей. Практически все известные российские мыслители XX

да больше не потревожит, что он заключенный и так проникся судьбой Лосева, его книгами, что ему как-то хочется отозваться на смерть Алексея Федоровича, и вот он нарисовал портрет Алексея Федоровича, никогда его не видя. Когда делалась наша мемориальная экспозиция, мы сочли, что такому портрету самое место в музее.

Или иного рода пример. Михаил Ниссенбаум – он еще 18-летним мальчиком написал Лосеву письмо из Нижнего Тагила – приехал в Москву, к бабушке, работал маляром и дворником, чтобы одновременно и стаж был, и можно было учиться и общаться с Лосевым. Теперь он живет в Москве, пишет романы, выпустил учебник латинского языка, курс которого прослушивал у Алексея Федоровича.

– В круге общения – философы, филологи. А из поэтов-современников Лосев признавал кого-нибудь? Или это все для него тоже была какофония и он читал лишь классику?

– Когда Алексея Федоровича начинали спрашивать об отношении к современной ему литературе, к таким ярким явлениям, как, например, Михаил Булгаков, он говорил, что не может об этом судить как специалист, потому что литература тоже нуждается в продумывании до конца. А времени жизни оставалось мало, поэтому нельзя себе позволить такую роскошь – такие отвлечения. К сожалению, мы очень мало знаем об отношениях Алексея Федоровича с его современниками эпохи Серебряного века, потому что его переписка 1910–1920-х годов исчезла после его ареста в апреле 1930 года за выпады в адрес совет-

стернака, который был с Лосевым знаком. Они учились на одном факультете, только Борис Леонидович был немножко старше. Когда Пастернак уезжал учиться в Германию, он оставил Лосеву «в наследство» и свою комнату, и своего ученика – Вальтера Филиппа. Это имя можно найти на одном из гимназических учебников, хранящемся в лосевской книжной коллекции «Дома А.Ф. Лосева».

– *А в советское время они общались?*

– Мы не знаем, были ли личные встречи с Борисом Леонидовичем, но известно, что были общие знакомые. Ученица Алексея Федоровича и дочь его друга философа Матвея Кагана, Юдифь Матвеевна, когда отправлялась к Пастернаку, желая с ним сблизиться, брала такое своего рода письмо-

«У каждого человека одно дело – сердце, а другое – голос разума. Алексей Федорович считал себя философом разума, называл себя в первую очередь служителем ума. Он говорил, что душа – иногда он даже использовал словосочетание «жалкая душонка» – боится и только ум дисциплинирует и наводит порядок».

ской власти в его «Диалектике мифа». Тогда, как записано в протоколе, были изъяты две корзины писем. Эти письма так до сих пор не обнаружены, может быть, они действительно сожжены и уже не существуют, а может быть, все-таки томятся где-то в глубинах архивов. Но мы знаем, что Алексей Федорович был знаком с Вячеславом Ивановым, который был одним из любимых его поэтов. Когда Алексей Федорович впервые пришел в религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева по рекомендации своего учителя – философа и психолога Георгия Ивановича Челпанова, – то первый доклад, который он там услышал, был доклад Вячеслава Иванова «О границах искусства». Это был ноябрь 1913 года. Доклад и заседание произвели на Лосева огромное впечатление. И в конце жизни он вспоминал об этом заседании и о выступлении Вячеслава Иванова. Позже Вячеслав Иванов читал его дипломное сочинение об Эсхиле, потому что он был не только поэтом-символистом, но и очень серьезным филологом-классиком. В 1918 году Алексей Федорович вместе с ним и отцом Сергием Булгаковым задумывали издание религиозно-философской национальной серии под названием «Духовная Русь». Есть письмо Алексея Федоровича к Иванову по этому поводу.

Если говорить о поэтах эпохи юности Алексея Федоровича, нельзя не вспомнить Бориса Па-

рекомендацию от Алексея Федоровича. Это было в конце 40-х – начале 50-х годов.

Среди знакомых с Лосевым поэтов Серебряного века нужно назвать Георгия Чулкова, с которым Алексей Федорович общался и жене которого после смерти Георгия Ивановича помогал финансово. Он помогал многим, несмотря на то, что его материальное положение было более чем шатким, он сам долгое время не имел постоянной работы. А недавно, благодаря Монике Спивак, заведующей музеем Андрея Белого, я опубликовала отклик Андрея Белого на книгу Лосева 1930 года «Очерки античного символизма и мифологии». Белый писал, что, если бы эта книга вышла в Европе, всем сразу бы стало понятно, что она – более мощное явление, чем потрясший современников «Закат Европы» Шпенглера. Лосев как философ, с точки зрения Белого, гораздо интереснее своих старших современников – Бердяева или Булгакова, потому что у него живая мысль, а не голое абстрактное философствование. Этот любопытный отзыв долгое время хранился в глубинах Лубянки и дошел к нам оттуда.

– *Как я понимаю, труды Алексея Федоровича требуют очень серьезной переоценки. Сейчас известно, что он был глубоко верующим человеком и что занятия античностью – это был, скорее, такой подцензурный способ заниматься философией и*

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЕЛЕНЫ ТАХО-ГОДИ

В гостях
на Арбате:
исследователь
наследия
Леонида
Чижевского
Л.В. Голованов,
А.Ф. Лосев,
А.А. Тахо-Годи.
1970-е годы

даже богословием. Что-то обойдено умолчанием, какие-то термины использовались как метафоры. То есть известные труды Лосева требуют нового прочтения...

– Конечно, нельзя сказать, что Лосев занимался античностью исключительно потому, что ему невозможно было ничем другим заниматься. На самом деле античность была ему интересна как колыбель, как некая философская база для тех дальнейших религиозно-богословских исканий, которые начались в христианском мире еще в античную эпоху. Но читать работы Алексея Федоровича 60-х, 70-х, 80-х годов буквально, не сознавая, что в них он зачастую переформулирует свои прежние взгляды в новых терминах, – по меньшей мере наивно. Попробуйте там, где Лосев говорит о будущем коллективизме, заменить «коллективизм» словом «соборность», и лосевская мысль сразу станет понятней. Такой «иносказательный» характер его произведений этих лет более очевиден в вещах литературного плана, а не сугубо научных. Например, в его странном на первый взгляд автоинтервью под названием «Невесомость». В 70-е годы ему предложили дать интервью для газеты «Культура», а он подал им эту «Невесомость», где говорит не без юродства о философии как об акробатике, о себе как о космонавте, для которого полная невесомость – главная цель. Не знаю, поняли ли редакторы, о чем тут рассуждает Лосев, но они точно почувствовали, что

это не «свое», и отвергли. Сейчас, читая этот текст, не знаешь даже, чему поражаться – лосевской наивности или его дерзости, ведь «невесомость» для Лосева тут не что иное, как бессмертие души. Попутно говорит он и о том, что всегда боролся за свои идеи и что иногда его за эти идеи сажали в погреб, то есть с вызовом намекает на события вполне реальные – на свой арест 1930 года.

– *Не готовится ли переиздание работ Лосева с обширным комментарием, где объясняются все эти подтексты, метафоры, игры с цензурой и т.д.?*

– Это огромная работа. Пока ни у кого не нашлось мужества и энтузиазма взяться за академическое издание трудов Алексея Федоровича. Мы рады и тому, что издаются книги, ждавшие своего выхода многие десятилетия. Например, на излете 2012 года – книга помечена 2013 годом – вышли «Диалектические основы математики», ее Алексей Федорович начал писать еще в лагере, когда появилась первая возможность взять в руки карандаш и бумагу. При жизни автора книга не была опубликована. Этот огромный том открывает нам Лосевоматематика. В малом собрании сочинений Лосева, издававшемся с 1993 по 2003 год, «Диалектические основы» появились фрагментарно, так что можно говорить о том, что лосевская философия математики впервые достойно издана только сейчас. Труд по подготовке тома проделал Виктор Петро-

вич Троицкий. Он же в 2001 году готовил вместе с Азой Алибековной Тахо-Годи издание «Диалектики мифа». Это лучшее издание на сегодня этой самой знаменитой лосевской книги, переведенной теперь на английский, немецкий, испанский и даже японский языки, – наиболее академическое, с комментариями, примечаниями. Именно ею мы всегда рекомендуем пользоваться тем, кто обращается к лосевскому творчеству.

– Аза Алибековна Тахо-Годи, спутница жизни Алексея Федоровича, если судить по ее книге воспоминаний, пришла к убеждению, что в результате страшных испытаний, через которые прошли они, все устроилось к лучшему, все скорби пошли на пользу. Алексей Федорович разделял это убеждение?

– Вы знаете, у каждого человека одно дело – сердце, а другое – голос разума. Алексей Федорович считал себя философом разума, называл себя в первую очередь служителем ума. Он говорил, что душа – иногда он даже использовал словосочетание «жалкая душонка» – боится и только ум дисциплинирует и наводит порядок. Вряд ли Алексей Федорович, пережив все то, что он пережил, был как человек, как живая душа счастлив тем обстоятельством, что на его долю выпали такие испытания. Недаром мои опубликованные под названием «Гиган» воспоминания об Алексее Федоровиче кончаются его словами о том, что жизнь погибла. Жизнь погибла. Это было потрясением для меня – совершенно молодой тогда девушки. Я считала в тот момент жизнь на Арбате абсолютно благополучной, а все, что переживали близкие в 30-е годы, – далеким, трудно представимым прошлым. Но одно дело – твердое убеждение ума Алексея Федоровича как верующего человека в том, что лучше страдания со смыслом, чем бессмысленное счастье. А совсем другое – ощущения человека творческого, человека думающего. Вряд ли кто-то, кроме самого Лосева, адекватно представлял, что могло быть реально сделано – не только продумано, но и воплощено на бумаге, – если бы не было столько препон на его пути. Он еще в 30-е годы считал, что все его знаменитые теперь книги 20-х годов – лишь предисловие к большой работе. Лосев не забывал, как и какими методами ему запретили эту работу продолжать, мог говорить о своих идеях только эзоповым языком. Ведь не в 30-е, а в 80-е хотели уничтожить его первую книгу о Владимире Соловьеве – под нож не пустили, но запретили к продаже в крупных городах. Так что недаром в 70-е годы, после публикации очередного тома «Истории античной эстетики» – книги, казалось бы, столь далекой от современности, – Лосев признавался, что чувствует себя Мандельштамом. То есть человеком, который выкрикнул правду среди полной тишины и страха и которого ждет, в лучшем случае, Воронеж, а в худшем – расстрел в лагере. И это ведь не от того, что Лосев был такой пугливый. Это был неистребимый уже никакими силами опыт жизни людей, переживших помимо революций и войн со-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЕЛЕНЫ ТАХО-ГОДИ

ветский строй, советские лагеря. В книге Галины Беловой, с которой мы начали разговор, есть рассказ и о другом человеке – о замечательном знатоке древнерусской архитектуры и искусства Георгии Карловиче Вагнере. Он сидел в лагерях в общей сложности почти 25 лет. Галина Даниловна вспоминает, как уже в 80-е годы он признался ей, что до сих пор все время готов к аресту. И это не был человек психически ненормальный, не способный после лагеря вернуться к обычной жизни. Он как раз в это время издавал книгу о древней Руси совместно с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Но это то, что современному поколению практически невозможно понять: мы сейчас не можем представить себе ни немецкие, ни советские концлагеря во всем их бесчеловечном ужасе. Издалека нам уже не так страшно.

– Какие главные мероприятия планирует «Дом А.Ф. Лосева» в этот юбилейный год?

– Прежде всего это 14-е Лосевские чтения, которые на этот раз будут посвящены непосредственно творчеству Алексея Федоровича. Эти международные научные конференции стали проходить вскоре после кончины Алексея Федоровича, они посвящались

А.Ф. Лосев.
Начало 1980-х
годов

Рабочий стол
А.Ф. Лосева

«Алексею Федоровичу чрезвычайно было интересно понять, как, из чего вырастает мысль. А для того, чтобы понять ее, надо было вжиться. И не важно, была это эпоха Возрождения или античность. Для Лосева важен был стиль. Очень важно было понять стиль эпохи, стиль мысли отдельного человека или целого культурного или философского направления».

как Лосеву, так и тем фигурам русской культуры, которые были для него знаковыми: Достоевскому, Соловьеву, Иванову. Или, например, мы проводили Лосевские чтения, приуроченные к столетию знаменитого сборника «Вехи», который Алексей Федорович очень ценил и о котором вспоминает в единственном документальном фильме, снятом режиссером Виктором Косаковским в 1986–1988 годах. Помимо этой научной конференции библиотека во главе с директором «Дома А.Ф. Лосева» Валентиной Васильевной Ильиной проводит все-

российский «Лосевский конкурс» для молодых исследователей – в первую очередь для специалистов-философов. Это могут быть и студенты, и аспиранты – люди, которым нет еще 30 лет. Участвующие в конкурсе должны предоставить работу об Алексее Федоровиче. Конкурс называется «Творчество А.Ф. Лосева – взгляд из XXI века». Алексей Федорович писал, что чувствует себя сосланным в XX век. Будем надеяться, что в XXI столетии наконец-то раскроется подлинный масштаб Лосева – и как личности, и как мыслителя.

ПО СЛЕДАМ ВАВИЛОВА

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ГЕНЕТИК, СЕЛЕКЦИОНЕР, ГЕОГРАФ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ В 1927 ГОДУ ОТПРАВИЛСЯ В ЭКСПЕДИЦИЮ В ДАЛЕКУЮ АБИССИНИЮ, ГДЕ СОБРАЛ УНИКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЦЫ СЕМЯН СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР. 85 ЛЕТ СПУСТЯ, В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 2012 ГОДА, УЧЕНЫЕ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ НИИ В ОБЛАСТИ ГЕНЕТИКИ И РАСТЕНИЕВОДСТВА ПРОШЛИ ПО МАРШРУТУ ВАВИЛОВА. ОБ ЭТОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «РУССКОМУ МИРУ.RU» РАССКАЗЫВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА, ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ ИМ. Н.И. ВАВИЛОВА АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КУДРЯВЦЕВ.

— И

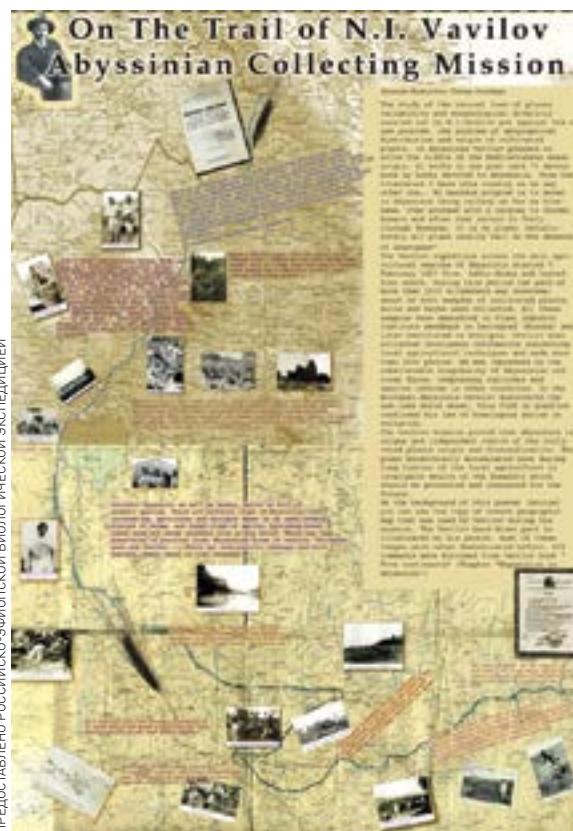
ДЕЯ ЭКСПЕДИЦИИ ВОЗНИКЛА лет семь назад, — рассказывает Александр Михайлович. — В начале 2000-х я работал в Эфиопии в итальянском проекте по развитию территорий. Занимался изучением селекционных сортов пшеницы. А когда вернулся в Россию, выступил на Вавиловских чтениях с докладом о том, что генетическое разнообразие эфиопской пшеницы стремительно исчезает. Вавилов же считал Эфиопию центром происхождения злаковых, из своей экспедиции он привез богатейшую коллекцию. Директор Института проблем экологии и эволюции академик Дмитрий Сергеевич Павлов предложил пройти по маршруту Вавилова, собирая образцы пшеницы именно в тех точках, где делались находки в 1927 году. Затем, используя современные лабораторные методы и генетический анализ, сравнить полученный материал с образцами 1927 года. Таким образом, будет ясно, что происходит с разнообразием сортов пшеницы.

— И организация экспедиции растянулась на целых семь лет?

— Понимаете, в Эфиопии, чтобы что-то делать, нужно обязательно сотрудничать с местными учеными. А директор эфиопского Института биоразнообразия и консервации — ключевой организации в наших исследованиях — был ориентирован на работу с немцами и с Россией сотрудничать не хотел. В 2011 году институт возглавил новый директор, который нашу идею поддержал. Хотя и это оказалось возможным только благодаря активному участию Андрея Анатольевича Даркова, который постоянно работает в Аддис-Абебе и возглавляет там от российской стороны Совместную российско-эфиопскую биологическую экспедицию. Собственно, в рамках и при финансировании этой организации и состоялось наше путешествие.

— Каким образом вы реконструировали путь Вавилова и определили конкретные места находок разных сортов пшеницы?

— У нас сохранилась копия карты маршрута экспедиции 1927 года. В книге Вавилова «Пять континентов» описано абиссинское путешествие, имеются отчеты по итогам экспедиции, а главное — сохранился подробный дневник Вавилова. Один из членов нашей экспедиции, сотрудник ВИР (Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова. — Прим. ред.) Евгений Валерье-

Постер с картой путешествия Н.И. Вавилова, приглашающий на лекцию об экспедиции в университетах Эфиопии

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Александр
Михайлович
Кудрявцев
в своем рабочем
кабинете
в Москве

вич Зуев, проделал кропотливую работу – свел воедино все источники и определил точки сбора образцов. Надо сказать, дневник 1927 года – это интереснейшая книга, повествующая не только о научных открытиях, но и о жизни Эфиопии тех лет, приключениях русского ученого в Африке. К сожалению, мы имеем лишь часть дневника. Когда Вавилова реабилитировали в 1955 году, то появился общественно-политический интерес написать о нем как о жертве сталинского режима. Журналисты бросились разбирать архивы. Одному из них достался Абиссинский дневник. Впоследствии этот журналист эмигрировал в США и забрал с собой архивы. Дневник Вавилова до сих пор хранится в Америке

у вдовы того журналиста. Возможно, нам удастся вернуть материалы в Россию. Но сейчас дневник представляет и аукционную ценность, поэтому может быть продан. Тем не менее хранитель Мемориального кабинета-музея Н.И. Вавилова нашего института Татьяна Борисовна Авруцкая каким-то образом нашла фотокопию первой части дневника, сделанную перед тем, как он попал к журналисту. Прочесть сохранившиеся записи тоже оказалось делом нелегким. У Вавилова очень сложный почерк, текст насыщен сокращениями и терминами. Некоторые слова удалось идентифицировать только на месте, во время нашей экспедиции. Мы планируем издать расшифрованную часть дневника, проиллюстрировав его фотографиями из архива Вавилова. Будут включены в издание и материалы о нашей экспедиции.

– Как выглядит в Эфиопии исследовательский караван XXI века?

– Караван, конечно, состоял из джипов. Мы преодолели в общей сложности более 5 тысяч километров. В целом современные дороги совпадают с маршрутом Вавилова, но в некоторых местах проехать невозможно – там и сейчас ослиная тропа. Приходилось делать радиальные вылазки к тем точкам, где были найдены образцы в 1927 году. В состав экспедиции входили пять специалистов из научных институтов Москвы, Петербурга, Новосибирска, а также эфиопский специалист по

Первая страница
Абиссинского
дневника
Н.И. Вавилова

ПРЕДОСТАВЛЕНО КАБИНЕТОМ-МУЗЕЕМ Н.И. ВАВИЛОВА ИОГЕН РАН (ХРАНИТЕЛЬ АВРУЦКАЯ Т.Б.)

имени Мулегета из Института биоразнообразия. Полевых лагерей мы не разбивали. Сейчас вдоль основных дорог Эфиопия довольно плотно населена. Поэтому мы останавливались в гостиницах. Хотя иногда гостиницами, в европейском понимании, их назвать сложно. Порой лучше бы и в поле ночевать.

На некоторых участках пути к нам присоединялись сотрудники Российского культурного центра в Аддис-Абебе, которые организовали лекции о нашей экспедиции в трех университетах страны.

– *Наверное, путешествие великого русского ученого стало большим открытием для слушателей?*

– Совсем нет. Эфиопы знают о Вавилове, причем не только ученые. Прежде всего потому, что Вавилов показал Эфиопию как центр происхождения культурных растений, и об этом с удовольствием рассказывают в школах.

– *Для вас, понятно, Эфиопия не в диковинку, а какое впечатление произвела страна на тех членов экспедиции, которые оказались там впервые?*

– Эфиопия производит поразительное впечатление. С нами же была еще и киносъемочная группа, которая готовит документальный фильм о Вавилове. Они хотели включить в него и рассказ о нашей поездке. И говорили: мы все сделаем кра-

сиво – постановочные сцены, крокодилов нари- суем. А когда сами увидели эту неповторимую самобытную жизнь Эфиопии, пришли в изумление. Никаких постановок не понадобилось. Отсняли 15 часов. Говорят, понадобится год, чтобы все это разобрать, смонтировать, сделать полноценный фильм об экспедиции. Уже сейчас продюсеры утверждают, что материал достоин показа на ведущих федеральных каналах.

Эфиопы во многом сохранили самобытную культуру, многие в национальной одежде ходят, жнут хлеб серпами, пашут на волах даже не плугом, а таким деревянным копьем. В пять утра люди в белых одеждах собираются со всей округи в храм, поют псалмы. А в десять часов многотысячные толпы – белые облака – движутся в обратном направлении, по домам. Меня, по крайней мере, все это завораживало. Эфиопы – это особая раса, очень красивые люди, общительные, любознательные и в то же время, по африканским меркам, не очень навязчивые. Конечно, где бы мы ни появлялись, нас окружала масса народу. Но так, чтобы хватать за руки, тянуть куда-то, – никогда. А пейзажи – просто потрясающие! Едем по высокогорному плато, выше напоминающему наши кубанские поля, степи… И вдруг – плато обрывается. Перед нами чаша глубиной в километр и шириной 20 километров. А в этой чаше – поля, до-

дорога на север к Симеонским горам

ДМИТРИЙ ЩЕПОТИН

Фермер из окрестностей Аксума передает А.М. Кудрявцеву снопик местной пшеницы со своего поля

мики, Нил течет – словно из космоса смотришь сверху. Чистый воздух, температура около 25 градусов – очень комфортно.

– *Как относились сельское население к вашим исследованиям, вам помогали? И вообще, как вы с ними общались?*

– Общался Мулегета. Выглядело это, надо сказать, занимательно. Приезжаем в деревню, Мулегета подзывает первого попавшегося человека. Тот подошел, поклонился. Впечатление такое, что король всей Эфиопии приехал. Мулегета говорит что-то командным голосом, парень бежит в деревню, приводит фермеров, мы сажаем их к себе в машину и едем к посевам. Деревенские полдня ходят с нами, рассказывают, показывают, помогают собирать. В конце Мулегета говорит: им нужно заплатить. Мы даем по нашим меркам мизерные деньги, но люди просто счастливы – от общения и дневного заработка в 100 рублей.

Между прочим, посевы традиционной, фиолетового цвета, пшеницы приходилось действительно искать. На больших полях вдоль дороги росли современные сорта. В этом, конечно, есть политический аспект. Многие фермеры говорили, что у них разнарядка: Министерство сельского хозяйства приказывает сеять только современные сорта. Смысл в том, чтобы создать рынок сбыта ми-

неральных удобрений – без этого современная пшеница не растет. Старые же сорта не требуют никаких удобрений, правда, урожайность у них в полтора раза ниже.

Где растет традиционная пшеница, знают только фермеры. Рассказывают, что там-то под большим деревом есть маленькое поле фиолетовой пшеницы. Выращивается она чаще всего для религиозных целей. Хлеб для евхаристии эфиопы пекут только из фиолетовой пшеницы. В районе Аксума мы вообще не нашли таких сортов. Обратились в региональное отделение Министерства сельского хозяйства. Там нам рассказали, что сейчас проходит съезд фермеров. Едем туда. Глава объединения фермеров отправляет нас к священнику. Батюшка ведет нас в глухую деревню, где знакомит с неким одногодом фермером, который показывает свое крохотное поле – 5 на 5 метров – с эфиопской пшеницей.

– *Фермеры в Эфиопии чем-нибудь отличаются от людей других профессий?*

– Для нас они ничем не отличались, но Мулегета фермеров четко определял. Когда, например, мы на рынке подходили к продавцу зерна, Мулегета тут же говорил, что у него не надо покупать – это перекупщик, пойдемте вон к тому фермеру, он точно расскажет, что это за пшеница и где он ее выращивает.

ДМИТРИЙ ЩЕПОТИКИН

– Вавилов пишет о многих приключениях, сопровождавших его в пути. Подобная романтика все еще сопутствует ученым в экспедиции?

– В Эфиопии приключением является само по себе передвижение на машине. Я получил эфиопские права и сам всю экспедицию был за рулем. А там по дорогам всегда идут люди. Они иногда по краю дороги идут, иногда неожиданно ее переходят, на трассе стоит скотина. Ночью вообще ездить нельзя – люди черные, одежды грязные, все с темнотой сливаются.

Переезд через Симеонские горы в Аксум – отдельная история. Плато на высоте 2800 метров обрывается почти отвесной стеной. Дорога серпантином спускается вниз более чем на 2 километра, до высоты 500 метров над уровнем моря. Асфальта нет, узенькая грунтовка вьется по крутыму склону, тут же водопады. В одном месте дорогу расширяли бульдозером: бульдожники летят, разморенные солнцем рабочие нас иногда предупреждают, останавливают, чтобы мы не попали под камни, иногда не предупреждают... Потом начинают вручную откатывать здоровенные валуны, освобождая проезжую часть. И вот спустились в долину. Наверху было плюс 17 градусов, внизу плюс 40. Не успели дух перевести – дорога опять забирается на 1,5 километра вверх. И опять спуск. Так на протяжении 100 километров по прямой дорога ныряет и поднимается семь раз. Мы этот участок восемь часов ехали. Даже наш Мулегета от таких перепадов весь побледнел, добрался до кровати и отключился.

Меня же, без акклиматизации к высоте, сон одолевал за рулем. Спасала съемочная группа. Они увидят, как на поле обмолачивают пшеницу под ко-

пытами ослов, тут же останавливают наш караван. А пока они идут снимать, я посплю в машине.

Однажды мы поехали из Харара в Джиджигу – это у самой сомалийской границы. Даже невозмутимый Мулегета стал нервничать, говорит, нам обязательно нужно до темноты отсюда уехать. Едем все дальше и дальше, вот уже у дороги стоят группы сомалийцев, нажевавшихся чата, с пустыми глазами, у каждого «калашников» на плече. Мулегета выходит, пытается у них что-то спросить. Я говорю: пора назад поворачивать. А он – не бойтесь, у них патронов нет. Все запасы давно расстреляли, а поставки, слава богу, не налажены. Автомат носят мужчины так, для солидности.

– В 1927 году нашему академику пришлось оформлять договор с караванщиками. В Эфиопии до сих пор все так забюрократизировано?

– Без бумаги от эфиопских властей в стране работать нельзя. У съемочной группы полиция несколько раз спрашивала разрешение из Министерства культуры. У нас было соглашение о сотрудничестве с Институтом биоразнообразия. И конечно, Мулегета, который со всеми предельно уверенно разговаривал. Мы даже сначала решили, что он из эфиопских спецслужб, причем в чине не ниже полковника. Например, у нас был долгий переход из Гондэра в Аксум. Между городами заправок нет, нужно было найти топливо в Гондэре. На заправках этой столицы провинции солярка отсутствовала. Мулегета собирался идти в министерство просить для нас стратегический резерв. Но на последней АЗС он серьезно поговорил с работниками, те ему поклонились и заправили наши джипы на своей припрятанной колонке. Ну как может простой тех-

Члены
экспедиции
берут образцы
пшеницы
на рынке
в Бахр-Даре

Н.И. Вавилов
с последним
императором
Эфиопии, Хайле
Селассие

ПРЕДОСТАВЛЕНО КАБИНЕТОМ-МУЗЕЕМ НИКОЛАЯ ВАВИЛОВА ИОАНН РАН (ХРАНИТЕЛЬ АВРУЦКАЯ Т.Б.)

ник из биологического института такое вытворял? Но к концу путешествия мы с ним подружились. Конечно, никакой он не сотрудник спецслужб, просто очень харизматичная личность, прекрасно знает жизнь и психологию местного населения. Мулегета всю жизнь проработал в институте, а сейчас у него трагедия – 60 лет, его на пенсию отправляют. Пенсии там ничтожные. И институт заинтересован в том, чтобы его оставить, но у них в госучреждениях с пенсионным возрастом очень строго.

– *Вавилову на дороге пытались «строить пакости», чтобы потом «требовать бакшиши»...*

– Такие приемы до сих пор в ходу. Нас сразу предупредили, что могут, например, корову под колеса толкнуть. Поэтому мы ехали очень осторожно. Лишь однажды стоявший рядом на обочине паренек вдруг закричал – типа ему по ноге проехала наша машина. Но это был слишком очевидный обман. Если бы ему правда наехали на ногу, он вонил бы по-другому.

– *«Абиссиния, несомненно, родина кофейного дерева, а Харар – центр его выращивания и торговли», – писал Николай Вавилов. Что-то изменилось с тех пор?*

– Район Харара и Дыре-Дауа сейчас почти полностью засажен чатом. Кофейные плантации выкорчевали. Чат – очень прибыльный бизнес. Регулярные рейсы с чатом летают в Европу и Америку. Потребители прежде всего эмигранты. В самой же Эфиопии жевание чата для христиан запрещено, церковь может довольно серьезную епитимью наложить. Главным образом чат употребляют мусульмане.

– *В 1927 году на рынке в Гондэре деньги не принимали, царил натуральный обмен или расчет кусками соли. А нашего ученого на базаре порой воспринимали как белого колдуна, который сглазит товар, и прятали от него зерно...*

– От нас не прятали. С нами же был Мулегета, он все объяснял и успокаивал опасающихся колдовства. Деньги сейчас принимают всюду, по крайней мере, вблизи дорог. Хотя бруски соли до сих пор в Гондэре продаются.

– *Вавилов писал, что Абиссиния – страна без песен и без музыки. Какое у вас сложилось представление на этот счет?*

– Музыка, песни и танцы, в основном ритуальные, в храмах транслируются через усилители на всю округу. Во времена Вавилова микрофонов не было, поэтому он их и не слышал. А светские песни действительно встречаются редко. Пожалуй, только один раз мы увидели заведение с национальной музыкой и плясками в городе Бахр-Даре. Женщины исполняли эфиопские танцы и вытягивали из-за столов мужчин для совместных па. После танца приглашенному положено посыпать купюру в 10 бир и прилепить ее на лоб женщины. Все безумно довольны и веселы. Это заведения не для туристов – все забито эфиопами.

– *А кладбища, превращенные в «ботанические сады», видели?*

– Мы хотели найти подобные кладбища, но так просто по дороге их не встретишь. Вавилов был в другой ситуации, шел караваном, никуда особенно не торопился. Сами проводники стремились завести караван на кладбище, чтобы там всех накормили. Ведь, как рассказывает Вавилов, на постах почти непрерывно шли поминки. И не потому, что люди каждый день умирали, а такой обычай у эфиопов – после смерти совершать поминальную трапезу 40 дней у могилы.

– *Вавилов нашел в Абиссинии «трудный клубок российских обывателей». Встречались ли вам соотечественники?*

– Соотечественников мы не встречали. Тем не менее Эфиопия русского человека притягивает, туда хочется вернуться. Видимо, это связано с древними православными корнями, православным мировосприятием, которое, попав на разную этническую почву, сформировало схожие культуры. Может быть, мы с эфиопами ближе по духу, чем даже с европейцами. В церкви Святого Габриэля в Кулуби настоятель нас принимал как родных, так и сказал: вы наши братья, будьте как дома. В храмах достаточно много икон греческого письма, встречаются иконы из России.

В пути русских мы не встречали, а вот русского-ворящие эфиопы попадались довольно часто. Заслушав русскую речь, люди подходили, здоровались, с упоением рассказывали, как они учились в России. Но, с другой стороны, необразованное

население порой понятия не имеет, что такое Россия и где она находится.

— *Вавилова спрашивали о Ленине, об устройстве в СССР. Что сейчас интересует эфиопов в России?*

— Теперь спрашивают о Путине. Но в целом для них сейчас Россия не так близка, как раньше. Старшее поколение, которое помнит времена тесных связей между нашими странами, вспоминает, как хорошо жилось при русских в Эфиопии, техника была, стройки, ездили учиться в Россию, русские специалисты работали повсеместно — врачи, учителя, инженеры. Молодежь мало что об этом знает. Все же эфиопы охотно идут на контакты с Россией и не очень охотно на контакты с Западом. Когда мы организовывали нашу экспедицию, мои коллеги-итальянцы предложили сделать проект международным, пригласить европейских ученых. Эфиопы отказались, сказали, что с русскими они будут взаимодействовать, а с итальянцами — не будут. Свою роль в этом сыграло биопиратство. С конца 90-х в Европе стало возможным патентовать биологические объекты. Так, голландцы взяли и запатентовали эфиопский эндемик и национальный злак — тэфф. Теперь на территории Европы голландцы обладают авторскими правами на любые продукты, содержащие тэфф.

Многие интересуются православием в России. В одном монастыре на острове озера Тана нам встретился монах, прекрасно говорящий на английском. Он расспрашивал, как устроена монашеская жизнь в России, делился опытом монашеской жизни в Эфиопии, говорил, что хотел бы съездить в Троице-Сергиеву лавру. У меня после этой беседы сложилось впечатление, что монашеский уклад в России и Эфиопии очень похож. Это трудно передать формально. Что-то на уровне осмыслиения бытия, настроя человека, того, как работает мозг. Я бывал в русских монастырях, жил на Соловках — некоторое представление об этом имею. Просто есть ощущение, что и там, и здесь люди мыслят примерно одинаково.

— *Какое значение имеет абиссинская экспедиция для России?*

— Вавилов привез из Абиссинии 400 образцов пшеницы. Сейчас в коллекции ВИР сохранилось порядка 150. Создание хлеба — многоступенчатый процесс. Задача Вавилова и наша задача — сохранить и изучить сорта пшеницы. Сначала выявляются перспективные формы, а потом уже селекционер берет все это в скрещивание и создает новый сорт, который идет в производство. Такая работа позволила в XX веке создать сорта, по большому счету накормившие человечество. Например, в России с XVI века и до начала XX века средняя урожайность составляла 3 центнера с гектара — полтора центнера сеяли и три собирали. С созданием современных сортов урожайность в среднем по стране достигла 20 центнеров с гектара. А на Кубани в среднем — 50 центнеров. Почти вдвадцать раз

Монах Абауеледе
Сенбет
из монастыря
Кибра на
озере Тана
изучает опыт
монашеской
жизни в России

АЛЕКСАНДР КУДРЯВЦЕВ

увеличилась урожайность. Прорывным в этом отношении был сорт Безостая-1, созданный с использованием африканского материала. С эфиопскими пшеницами пока мало работали. Сложность прежде всего в том, что все эти сорта — короткого дня. У нас световые сутки летом длинные, а там круглый год короткие — 12 часов день, 12 часов ночь. Но в фиолетовой пшенице масса необычных признаков, необычных генов, которые могут быть очень полезны и которые можно использовать. Например, эфиопские сорта обладают уникальной устойчивостью к болезням, они просто не болеют. Кроме того, у них большой колос, крупное зерно. С этим нужно работать. А у нас селекция и семеноводство как было разрушено, так до сих пор в плачевном состоянии пребывает, только-только начинает восстанавливаться.

В целом же ситуация такая: сейчас везде в мире идет стремительный процесс исчезновения сельскохозяйственного разнообразия. Все движется к выровненной однородной продукции. Это и в потребительском отношении негативно — уже все настолько однообразно, что и вкусовых отличий нет. А главное — идет глобальное изменение климата, и все это однообразие в других климатических условиях не сможет существовать. Так, кстати, случалось и в Эфиопии. Страшный голод 1980-х годов, унесший жизни более 400 тысяч человек, был связан не только с засухой, но во многом и с тем, что пандемия болезней погу-

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

У стенда, посвященного экспедиции, в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова

была огромные посевы новых сортов пшеницы. Внедренные европейские сорта вымирали и два года подряд никакого урожая не давали. И сейчас видно – посевы селекционных сортов болеют. Поля нужно опрыскивать. А это дополнительные расходы, да и набор генов устойчивости у современных сортов ограничен. Тогда как в Эфиопии великое множество патогенов, и никто не знает, в какой момент вспыхнет раса какого-нибудь гриба. Так может произойти и в мировом масштабе. Поэтому мы должны сохранить стратегический резерв биоразнообразия, на основе которого можно будет создать новые сорта, приспособленные к новым условиям.

– Какую долю составляют образцы Вавилова в Фонде семян культурных растений ВИР, который, как говорят, оценивается в 1 триллион долларов?

– Конечно, это не рыночная цена. Такую оценку дала ЮНЕСКО, показав тем самым, какую пользу в общечеловеческом масштабе принесло использование этого фонда – самого богатого в мире. Общее количество образцов коллекции – несколько сотен тысяч. Вавилов начинал создавать этот фонд, всего привезенных им образцов было около 30 тысяч. Но многое погибло во время сталинских чисток института. Например, афганскую коллекцию Вавилова просто выбросили во двор под дожди. Во время войны некому было особо следить за хранилищами, где-то крысы поели, где-то потолок про-

тек – образцы стенили. Но все-таки фонд в блокаду не съели, понимали, какая это ценность.

– Сейчас уже можно подвести итоги вашей экспедиции?

– Исследование образцов у нас намечено на 2013–2014 годы. Материал был заложен в Эфиопии в генбанк. Мы привезли лишь малую выборку материала для изучения молекулярно-биологическими методами. Сейчас ВИР ведет переговоры, возможно, материал будет передан для исследований в поле в России. Такие условия ставились изначально, что мы не можем использовать образцы для диапозитирования в генбанке, для селекции и т.п. Эфиопы считают биологическое разнообразие своим национальным богатством и очень строго его контролируют. Они понимают, в отличие от нас, что биоресурсы – достояние, может быть, даже более важное, чем нефть и газ, это то, чем потом будут питаться миллионы людей. В ходе экспедиции мы собрали 60 образцов пшеницы, и даже это оказалось нелегко. Однако еще предстоит выяснить, насколько они разнообразны. Если Вавилов привез из Эфиопии более сотни разновидностей, то мы нашли предположительно около 20. Эфиопские пшеницы исчезают на глазах, у нас буквально последний шанс их собрать. Самое интересное, что эти старые сорта пшеницы можно найти только в тех точках, которые указал Вавилов, в других местах их нет.

«НЕТ СИЛЫ, СПОСОБНОЙ ИХ ОСТАНОВИТЬ»

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНТОНА БЕРКАСОВА

НА МУРМАНСКОМ ШОССЕ ВСЕГДА МНОГО МАШИН: ПЕРЕЕЗЖАЯ ЧЕРЕЗ НЕВУ ПО ЛАДОЖСКОМУ МОСТУ, МНОГИЕ – И ДАЛЬНОБОЙЩИКИ, И ОБЛАСТНЫЕ ЖИТЕЛИ, И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДАЧНИКИ – НЕ РАЗ ВИДЕЛИ УКАЗАТЕЛЬ «МУЗЕЙ-ДИОРАМА «ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА». ДОСТАТОЧНО СВЕРНУТЬ С ШОССЕ И ВЪЕХАТЬ ПО УКАЗАННОЙ ДОРОГЕ ПОД МОСТ, ЧТОБЫ СОВЕРШИТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ В ХОЛОДНЫЙ ЯНВАРЬ 1943 ГОДА И ОКАЗТЬСЯ НА ПЕРЕДОВОЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА, ГДЕ СВИСТЯТ СНАРЯДЫ, ГРОХОЧУТ ОРУДИЯ И НАШИ ВОИНЫ ПЫТАЮТСЯ РАЗОРВАТЬ ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО ВОКРУГ СВОЕГО ГОРОДА.

ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА», длившаяся с 12 по 30 января 1943 года, занимает почетное место в истории Великой Отечественной войны, ведь именно благодаря ей блокада Ленинграда была прорвана. Не удивительно, что в юбилейные

дни 70-летия прорыва блокады в музее-диораме не было отбоя от посетителей – приезжали школьники, ветераны, блокадники, обычные туристы. От увиденного захватывает дух: заснеженный, изрытый траншеями берег Невы, бегущие по льду советские солдаты, подбитые са-

молеты, пожары, переправляющиеся по ледовой дороге танки. Даже третьеклассники из петербургской школы, приехавшие на экскурсию, впечатлены и фотографируют открывшийся им вид на телефоны: «Ух ты, классно, все как настоящее!»

Впрочем, в головах у современных детей некоторая каша из дат и сведений про войну и блокаду. На вопрос экскурсовода Виктории Самуиловны о дате начала Великой Отечественной войны следуют самые неожиданные ответы:

- 27 марта!
- Нет, 27 января!
- Я точно знаю – в четыре часа утра!
- А знаете, что такое блокада? – спрашивает Виктория Самуиловна.
- Когда нельзя никому выйти и нечего есть... – тихо отвечает один из школьников.
- Зато была «Дорога жизни» через озеро, и по ней привозили детям на Новый год мандарины!

За полчаса экскурсии школьникам рассказывают о том, как проходила операция «Искра». Как Волховский и Ленинградский фронты встречными ударами выбивали противника из Шлиссельбургско-Синявинского выступа, который немцы называли «бутылочным горлом». При взгляде на панораму выступа, глубина которого составляла всего 16 километров, ожи-

вают сухие слова из учебников: «атака», «контратака», «артподготовка», «форсирование Невы». Каждый метр этой земли был пропитан кровью советских солдат, ведь фашисты хорошо укрепили самый узкий участок фронта. Неслучайно левый берег Невы был назван «ледовым Измаилом» – неприступной крепостью, которую тем не менее надо было штурмовать.

Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда» расположена в левобережном устое Ладожского моста через Неву

БАЛЕТ «МАЛЮТКИ»

Диорама уникальна тем, что изображает не кульминационный момент боя, а все семь дней сражения. Полотно состоит из множества мини-эпизодов, маленьких историй о большом героизме. Так, присмотревшись, можно увидеть на левом берегу Невы три танка. Это иллюстрация к подвигу лейтенанта Дмитрия Осатюка и механика-водителя старшины Ивана Макаренкова, которые на легком танке Т-60 «Малютка» спасли пехоту, заманив в ловушку два тяжелых немецких танка.

– Силы были не равны, даже один такой немецкий танк мог легко разделаться с «Малюткой», – рассказывает экскурсовод. – Тогда лейтенант сказал водителю: «Иван, танцуй!» И маленький танк, выписывая вензеля и кидаясь из стороны в сторону, увел фашистские танки за собой.

Есть на полотне и изображение подвига рядового красно-

армейца Дмитрия Молодцова, заслонившего грудью амбразуру вражеского дота, не дав, таким образом, расстрелять своих товарищей. Горящий пикирующий самолет – это подвиг летчиков-штурмовиков И. Пантелеева и П. Сологубова, бросивших свой подбитый самолет прямо в гущу вражеской автоколонны. Командир одного из полков С.Н. Щеглов писал о героизме войск: «Падали убитые, а раненые, те, кто не мог стоять на ногах, ползком, напрягая последние силы, старались помочь товарищам. Казалось, вся боль Ленинграда, вся его ненависть к врагу клоочет в сердцах этих героев, и нет такой силы, которая могла бы их остановить».

...18 января, преодолев последний километр, солдаты Ленинградского и Волховского фронтов встретились в Рабочем поселке №5. Блокада была прорвана. Вдоль южного берега Ладоги был пробит коридор шириной 8–11 километров, где за 18 дней проложили через Неву железную дорогу, названную

Круглый год посетители музея приносят цветы в память о тех, кто геройски погиб, прорывая кольцо блокады

На барельефе можно рассмотреть карту – где были Ленинградский и Волховский фронты, где Ладога и где «бутилочное горло» немецкой обороны

«Дорогой Победы». Первый же поезд привез голодающим детям блокадного Ленинграда сливочное масло – в подарок от жителей Челябинска.

– Первая победа под Ленинградом далась очень нелегко, – рассказывает старший научный сотрудник музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда» Татьяна Коптелова. – Точных цифры потерь мы, вероятно, не узнаем никогда. По официальным источникам общие потери наших войск с 12 по 30 января составили 115 тысяч человек, потери вермахта за этот период – приблизительно 19 тысяч солдат и офицеров. Цифры впечатляющие. Сегодня многие посетители музея настроены критически – последние годы принято говорить об ошибках командования, о том, что таких жертв можно было избежать. Но, на мой взгляд, в той ситуации по-другому нельзя было поступить. Ведь прорывать надо было, нельзя было сидеть и ждать, когда город умрет в блокаде. Никто не застрахован от ошибок, особенно в тех условиях, но никакими ошибками руководства не умалять героизма простых жителей Ленинграда, мужества и доблести солдат, его защищавших.

«ВОТ-ВОТ НА ГОЛОВУ СНАРЯД УПАДЕТ!»

Долгое время в деревне Марьино, где проводилась операция «Искра», ничто не напоминало о проходивших здесь сражениях – только две «военные» липы хранили следы от вражеских снарядов. Лишь в 80-х годах после постройки Ладожского моста там, где в 1943 году действовала дерево-ледовая танковая переправа, было решено

В выставочном зале музея выставка работ военных художников. Фронтовой быт, карандашные портреты – увековечены те самые «неизвестные» солдаты, воевавшие за Родину

Агитационные плакаты, распространявшиеся в тылу врага

создать первую ленинградскую диораму.

– Я работаю в музее со дня его основания, поэтому своими глазами видела, как диорама создавалась, – говорит Татьяна Коптелова. – Это уникальное произведение искусства. Во-первых, на нашей диораме отображены основные события семи дней боев, и такого временного отрезка мы не найдем на известных советских диорамах, где, как правило, изображен решающий день или кульминационный момент сражения. Во-вторых, это единственная в стране диорама, которую создали ленинградские художники. Подобные батальные произведения, как правило, создавались московской Студией военных художников им. Грекова, но ленинградцам Москва уступила право изобразить прорыв блокады самим, тем более что художники – авторы диорамы были участниками Великой Отечественной, а один из мастеров, Николай Михайлович Кутузов, вообще в составе 136-й дивизии форсировал Неву в районе деревни Марьино. Он был артиллерийским разведчиком и зарисовывал передний край немецкой обороны до наступления.

Еще одна интересная деталь, характеризующая диораму: ее макет выполнен профессиональными макетчиками. Они создали объемную часть диорамы – изрытый воронками берег Невы, огневые точки, траншеи...

– Обычно макет делают также художники, но для создания нашего предметного плана были приглашены специалисты-макетчики, которые выполнили свою часть так профессионально, что грань между картиной и макетом практически не воспринимается, – говорит Татьяна Коптелова. – Из-за этого возникает эффект присутствия на передовой, из-за которого некоторые впечатлительные посетители говорят, что у них ноги подкашиваются на смотровой площадке. Даже в летний день чувствуется январская стужа.

Иностранцы вообще мне говорили, что у них кружится голова и кажется, что сейчас снаряд на голову упадет – настолько реальны их ощущения.

Сотрудники музея до сих пор вспоминают, в каких спорах рождалась диорама.

– Целый год до открытия музея проводились общественные просмотры, – вспоминает Татьяна Коптелова. – Приезжали ветераны Ленинградского и Волховского фронтов, критиковали детали, спорили с художниками, а зачастую и между собой. Мы их тогда шутливо называли «седые пантеры» – они никому спуску не давали! Кое-что пришлось переделать, например в первоначальном варианте на берегу реки был изображен наблюдательный пункт, где в полный рост стояли высшие офицеры. Увидев их, ветераны руками замахали, мол, такого быть не могло, чтобы войсковые командиры находились так близко от передовой! Пришлось наблюдательный пункт поменять на огневую точку. Один из художников, Борис Васильевич Котик, крупным планом, согласно батальнym канонам, изобразил кавалерийского коня. Но ветераны запротестовали: в 1943 году на Ленинградском фронте лошадей уже почти не использовали. Так что вместо коня форсировать Неву собирается танк KV.

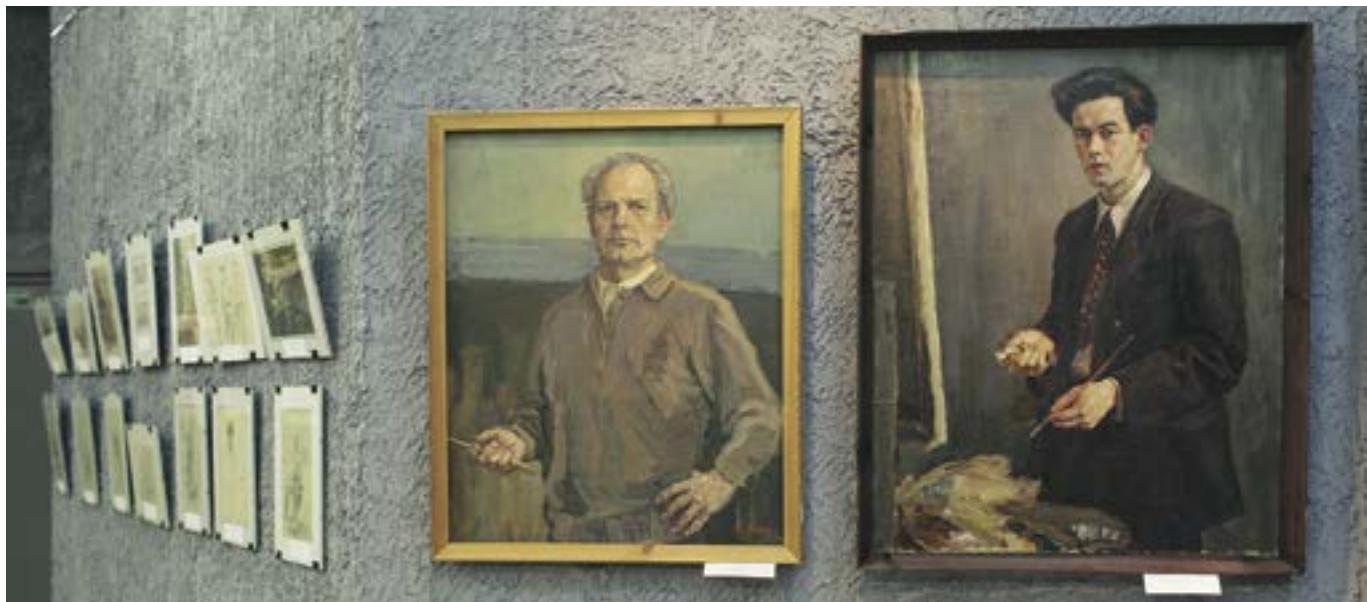
Еще несколько лет назад эти танки были погребены на дне Невы

ВЕЧНАЯ СТОЯНКА НА МЕСТЕ БИТВЫ

Когда диорама открылась в 1985 году, посетителей было очень много – от простых ленинградцев до членов ЦК. Музей был областной изюминкой вплоть до 90-х годов.

– В начале 90-х про наш музей немного подзабыли, – рассказывают сотрудники. – Со временем ситуация начала выправляться. В январе, в канун очередной годовщины прорыва и полного снятия блокады, народу всегда много. С мая наблюдается традиционный сезонный наплыв посетителей. Сегодня интерес к своей истории у людей снова возник, правда, теперь рассказывать о войне нужно по-другому. Если в советское время тема войны была неразрывно связана с идеологией, то сейчас в отношении ее сталкиваются концепции и мнения – подчас спорные, и наша задача – рассказать о событиях тех лет так, чтобы у чело-

века появилось желание самостоятельно докапываться до истины. Привлекает туристов не только сама диорама – перед зданием музея выстроились советские танки, участвовавшие в боях за Ленинград. Шесть отважных бойцов, погибших в сражении за Родину и вернувшихся на место вечной стоянки у мемориала спустя шестьдесят лет, – тяжелые танки KV-1 и KV-1С, легкие Т-26 и БТ-5 и малый плавающий танк-«амфибия» Т-38. – Когда диорама открылась, мы и не думали, что здесь у нас будет такая экспозиция, – говорит Татьяна Коптелова. – Хотя мы знали, что в Неве есть затонувшие боевые машины. Первый танк, KV-1, подняли из воды в 2003 году ребята из группы «Поиск». Он участвовал в первых попытках прорыва блокады на «Невском пятаке», там и затонул. Представляете, почти шестьдесят лет спустя ходовая часть боевой машины была

в рабочем состоянии: гусеницы медленно проворачивались, когда танк вытаскивали на берег. Потом подняли второй танк – Т-26. Он был сильно поврежден, башня и вовсе утрачена. Некоторые даже сомневались – а надо ли расходовать столько сил и средств на искореженное «корыто»?

Малый плавающий танк Т-38 был поднят из Невы в 2005 году тоже в районе «Невского пятака». Еще одного «бойца», КВ-1С, вытащили из болота на линии обороны Волховского фронта.

– Танк находился в ужасном состоянии, – рассказывает Татьяна Коптелова. – Его взорвали – то ли немцы, то ли наши. Потом после войны порезали автогеном охотники за металлом... Восстанавливали танк целый год. Их выпустили так мало, что нам нечего было его доукомплектовать, так он и стоит в экспозиции без одной гусеницы.

В музее не случайно гордятся своей танковой экспозицией – совсем небольшой по меркам крупных мировых музеев военной техники.

– В США, во Франции и в Англии есть огромные танковые музеи, – говорит Татьяна Коптелова. – Но там танки собраны со всего света и не имеют отношения к тому месту, где находятся. А у нас боевые машины, которые воевали на этой земле, она их и хранила все эти годы.

Портреты
ленинградских
художников,
создавших
диораму

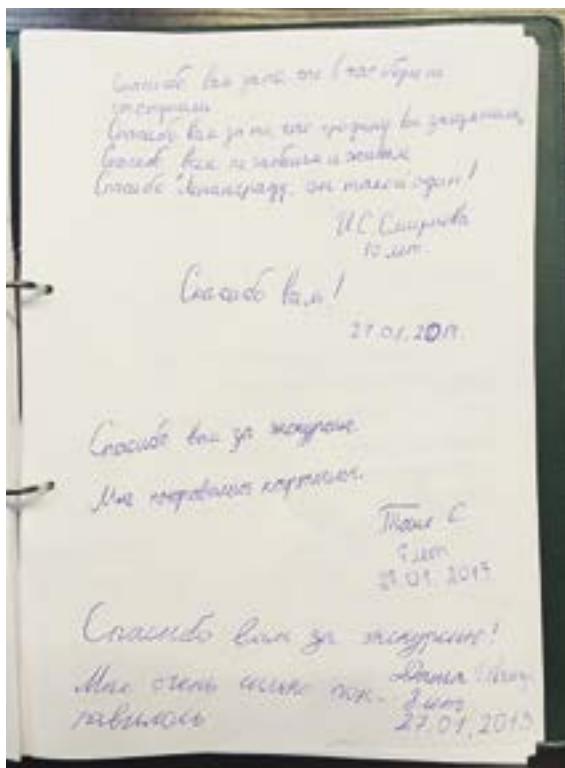
Книга отзывов.
«Спасибо, что
напоминаете
о том, о чем
нельзя забывать»

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ В 3D

Великая Отечественная война осталась в XX столетии, сейчас уже вовсю набирает обороты XXI век. Как сохранить память о доблестных страницах истории? – этот вопрос задают себе сотрудники музея каждый день.

– У нас есть мысль, как привлечь в музей молодежь, – рассказывает директор музея-заповедника Денис Пылев. – Сделать цифровую дио-

раму в 3D в отдельном здании. Все-таки молодежь уже привыкла воспринимать современный мир в трехмерном изображении... Одно дело, когда тебе экскурсовод рассказывает с указкой, а другое дело – ты стоишь на краю, вокруг тебя грохот и шум, снаряды летают в сантиметре от головы... Восприятие событий будет другое. Правда, это палка о двух концах – можно увлечься спецэффектами и забыть про историческую достоверность. Такие музеи, как наш, которые хранят память о подвиге, о славе русского оружия, нужны. Ведь историческая память формирует наше будущее, а люди, которые не знают своих истоков и силы генетики, заложенной в них предыдущими поколениями, изначально становятся поколением рабов. Музеи, рассказывающие о Суворове, о наших царях, инженерах, о наших великих подвигах и победах, дают некий вектор человеку, чтобы тот понимал, куда надо двигаться. Иногда ведешь экскурсию у школьников, они не слушают, глаза потухшие, интереса никакого. И хочется как-то разбудить этого маленького ребенка, показать, какая у него великая история, ведь, возможно, именно его дед или прадед на этой земле своими действиями повернули ход истории. ●

27 января на Пискаревском мемориальном кладбище многолюдно. Жители блокадного Ленинграда приходят сюда каждый год – помянуть тех, кто не дожил до Победы

ДМИТРИЙ ФУФАЕВ

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ БЛОКАДОЙ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

КАЖДЫЙ ГОД К ОЧЕРЕДНОЙ ГОДОВЩИНЕ ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ СОБИРАЮТСЯ ТЕ, КТО ПЕРЕЖИЛ ТЕ СТРАШНЫЕ ДНИ. ТЕ, КТО ПОМНИТ. ТЕ, КТО НОСИТ НА ГРУДИ ЗНАК «ЖИТЕЛЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА». ЛЮДИ, ЖИВУЩИЕ В САМЫХ ДАЛЬНИХ УГОЛКАХ ПЛАНЕТЫ – ОТ БАРНАУЛА ДО ЧИКАГО, – 27 ЯНВАРЯ ПРИЕЗЖАЮТ НА ПИСКАРЕВСКОЕ МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ И ВОЗЛАГАЮТ ВЕНКИ НА МОГИЛЫ ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ НАВСЕГДА.

СЪЕЗД МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЛОКАДНИКОВ ГОРОДА-ГЕРОЯ ЛЕНИНГРАДА прошел в Санкт-Петербурге уже в 22-й раз. В этом году на съезд прибыли 136 участников из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Многие

приезжают не первый раз, поэтому съезд становится не только официальным мероприятием с круглым столом в Смольном, торжественной церемонией возложения венков на могилы погибших в блокаду и посещением праздничного концерта, но и общением старых друзей, которым есть что вспомнить.

Большинство приехавших блокадников – председатели региональных обществ «Жители блокадного Ленинграда», поэтому каждый может рассказать о жизни блокадников своего региона. Всю информацию собирает президент Международной ассоциации блокадников Валентина Ивановна Леоненко – «железная леди», как зовут ее сами блокадники. Трудно представить, что эта хрупкая, седовласая, немолодая уже женщина двадцать лет управляет огромной организацией, объединяя блокадников и помогая им по всему миру.

– Она – прирожденный оратор, в свои 88 лет имеет уникальную память, все и всех помнит, – говорят блокадники. – Всегда старается помочь, будь то поиск пропавших в войну, материальная помощь ветеранам, установление памятников, организация встреч. Благодаря ее усилиям в Петербурге появилась больница для блокадников.

ДМИТРИЙ ФУДАЕВ

Валентина Ивановна всю войну проработала в ленинградском госпитале, под бомбежками пешком каждый день ходила на работу, один раз даже спасла больницу от пожара, успев отшвырнуть упавшую перед ней в подвальную нишу зажигательную бомбу. Не удивительно, что такой человек и сейчас героически тянет огромную машину Международной ассоциации блокадников. – Вы посмотрите, с кем мы работаем! С бывшими детьми блокадного Ленинграда, детдомовцами, воспитанием которых никто специально не занимался, они росли как трава, – говорит Валентина Леоненко. – А ведь они выросли, стали учеными, заслуженными, настоящими ленинградцами.

МАЛЫШИ НЕ ДОЖИЛИ ДО ПОБЕДЫ

Когда блокадники собираются вместе, лейтмотивом звучит горькая мысль: нас становится все меньше и меньше.

– У нас осталось 14 человек, а раньше было 52, – говорит Валентина Пригода из Никополя на Украине.
– У нас в Нарве 142 блокадника, а пять лет назад было больше трехсот, люди уходят, – включаются в разговор эстонцы.
– В Кингисеппе еще недавно был 461 человек, – вздыхает председатель общества из Ленобласти.
– В Барнауле осталось всего 192 блокадника, – добавляет Светлана Ерыгина, председатель Алтайской краевой обществен-

Приехавших в Санкт-Петербург блокадников встречают и в Смольном дворце, и в Законодательном собрании

ной организации. – Во всем крае – 356 человек.

Для Алтайского края прошедший год был юбилейным – пять лет, как ленинградцы, живущие там, стали членами Международной ассоциации блокадников. Светлана Михайловна Ерыгина с гордостью рассказывает про памятник детям блокады, установленный в этом году в деревне Боровлянка. Деньги на памятник собирали всем миром.

– В 1942 году в Барнаул пришел эшелон, где было 4 тысячи детдомовских ленинградцев. Их расселили по всему краю, – рассказывает Светлана Ерыгина. – В село Боровлянка были направлены 30-й ленинградский детский дом и Дом малютки. Ровно семьдесят лет назад маленькие, истощенные, больные дети были эвакуированы, 88 человек. Сибиряки делали все, что могли, но не спасли... Эти детишки были там похоронены, но только недавно поисковая группа восстановила их имена по архивным данным. Сначала мы установили крест на кладбище, а потом опубликовали призыв «Зажгите свечи в нашу память!» в местных газетах и на телевидении и собрали средства на установку памятника.

Памятник собирались открывать 23 октября 2012 года, а за две недели до этой даты Светлана Михайловна позвонила женщина по имени Ирина.

– Она рассказала, что разыскивает своего дядю – ее отец до самой своей смерти не мог найти младшего брата, пропавшего в блокаду. Когда старшего брата эвакуировали, младшему было 3 года. Я посоветовала написать запрос в Красный Крест, записала имя мальчика «Назаренко Игорь», обещала помочь. Уже в конце разговора Ирина упомянула, что, возможно, Игоря забрали в Дом малютки. Тогда я взяла со стола список детишек, похороненных в Боровлянке, чьи имена высечены на памятнике. Пробежала его глазами и увидела: пятым номером записан Назаренко Игорь, умер 14 октября 1942 года. Старший

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

брат так и не узнал, что его младший брат похоронен в Алтайском крае. Ирина приехала на открытие памятника и возложила цветы к могиле своего дяди. Самой Светлане Михайловне к началу войны тоже было только 3 года. Эвакуировали ее с мамой только в марте 1942-го, по «Дороге жизни», через Ладожское озеро.

— Мама рассказывала, как ехали по тонкому льду озера и у нее на глазах машина с детьми и женщинами пошла под лед. Я этого не помню. Мы пережили самую лютую блокадную зиму 1941/42 года, моя сестренка умерла, не выдержав голода. Меня еле спасли. Мама говорит, я сидела в кроватке трехгодовалая и поднимала головенку: «Бомба, бух! Бомба, бух!»

ШКОЛЬНИКАМ БОЯТСЯ РАССКАЗЫВАТЬ О ВОЙНЕ

Рудольф Альфредович Рот приехал на съезд блокадников из эстонской Нарвы. Он тоже пережил блокаду четырехлетним мальчиком и помнит только адрес: Детская линия Васильевского острова и даты: 27 января 1942 года умерла бабушка, 29 января — умерла мама, 31-го — отец.

— Как меня в детдом забрали, как эвакуировали — не помню. Может быть, к счастью, — говорит блокадник. — Старшие сестры нашли меня уже после войны. Рассказали, что родители заложили все свое имущество управдому, надеясь, что тот раздобыдет продукты. Но он их обманул.

Жизнь мотала Рудольфа Рота по многим городам и странам — эвакуацию он провел в Армении, двадцатилетним приехал в Нарву, где и остался жить. Сейчас он — председатель Нарвского отделения Международной ассоциации блокадников. В Эстонии отношение к ветеранским организациям Второй мировой войны неважное, хотя, как замечает блокадник, в последнее время тон немного смягчился.

— К счастью, с республиканскими властями нам соприкасаться не приходится, а с городскими

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рудольф Альфредович Рот из Нарвы: «Нам не разрешают рассказывать эстонским школьникам о блокаде»

у нас общий язык найден, в этом году даже приходили к нам на празднование 70-летия прорыва блокады Ленинграда и мэр, и председатель Законодательного собрания. У нас был праздничник в одном из залов дворца культуры. 27 января мы хотели организовать встречу с молодежью и школьниками, рассказать им про блокаду, показать фотографии. Но, к сожалению, директора школ и вообще отдел культуры опасаются, как бы такое мероприятие не отразилось негативно на них самих — не очень-то Эстония приемлет герояку Отечественной войны. Естественно, ни о каких льготах и компенсациях «эстонским» жителям блокадного Ленинграда речи не идет.

— Если блокадник — гражданин России, то он получает «ДЕМО» — дополнительное ежемесячное материальное обеспечение, 500 рублей в месяц, — объясняет Рудольф Альфредович. — Если же у человека эстонский паспорт, то он получает обычную трудовую пенсию без всяких надбавок. Кстати, если эстонец участвовал в добровольческой армии или в эсэсовских дивизиях, то он считается ветераном войны и получает пособие. Такая вот государственная политика. Людмила Павловна Соболева, председатель блокадного обще-

ства из Таллина, объясняет нехитрую «пенсионную» математику в Эстонии:

— Средняя пенсия — 300 евро, — говорит она. — Вроде бы немало, но ведь нет никаких льгот, и на оплату ЖКХ уходит половина всех денег. Каждый поход к врачу стоит 5 евро, а ведь блокадники — люди пожилые и к врачу ходят часто. Денег на жизнь остается настолько мало, что я уже привыкла видеть слезы на глазах наших блокадников, когда по праздникам мы им дарим продуктовые пакеты — для них эти продукты являются серьезным подспорьем. Правда, иногда нам помогают российские власти или спонсоры, вот недавно прислали 500 тысяч рублей на ходунки, инвалидные коляски, трости.

«КЛАДБИЩЕНСКАЯ» ЛЬГОТА

Когда разговор заходит о льготах, то Галина Алексеевна Волкова, блокадница, живущая в Чикаго, всегда смеется.

— Вы знаете, когда я вступила в Чикагскую ассоциацию ветеранов Второй мировой войны, то мне там пообещали единственную льготу: мол, если вы умрете, то вам без хлопот и быстро предоставят место на кладбище. Это так трогательно! Прямо анекдот какой-то, плохой анекдот. Осталось только помереть, чтобы воспользоваться вашей единственной льготой!

Галина Алексеевна прожила в Ленинграде все 900 дней блокады, не выезжая. Когда началась война, ей было 12 лет, и потому она все помнит. То, что они с мамой выжили, она до сих пор считает настоящим чудом.

— В жизни бывают чудеса, — говорит она. — Мама на моих глазах умирала, я бы за ней пошла следом. Мы все были дистрофиками. Но манин родной брат был начальником складов в Бологое. И ему как-то удалось найти машину, которая шла в Питер, они лесами пробирались и прорвались через блокаду. Брат попросил водителя: «У меня там две сестры умирают, если про-

рвешься, спаси их». И тот прорвался. И передал нам большой ящик продуктов. Там была крупа, вяленая рыба, сахар... Мы остались живы. Причем не набросились сразу, мы сделали жиценкий супчик из кашки и растянули его надолго-надолго. Галине Алексеевне есть что рассказать о ленинградских зимах 1942–1943 годов. Как она дежурила на крышах и чердаках с другими детьми, засыпая песком зажигательные бомбы. Как ее и других подростков отправляли в госпиталь помогать раненым. Всю жизнь Галина Алексеевна проработала учителем английского языка. Ее ученики часто просили свою учительницу рассказать о блокадных днях, но обычно она сразу начинает плакать.

– Не могу, нервы не выдерживают, – объясняет Галина Волкова. – Это очень тяжело. Например, как-то я стояла утром в очереди за хлебом и видела лошадку, упавшую от голода – она везла что-то и упала. На нее набросился народ с ножами, резали ее на куски. Представляете этот ужас? Потом, если возьмешь хлеб, нужно его спрятать за пазуху. Один раз я шла, а ко мне в подворотне подошел мужчина с безумным взглядом и гово-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рит: «Давай хлеб!» Я испугалась и бросилась бежать – тогда у меня еще были силы. С тех пор хлеб прятала всегда и маму научила. Когда Галина Алексеевна рассказывала свои воспоминания ученикам, они не могли поверить – неужели это все было? Были и негероические подробности блокадного быта.

– У нас же канализация не работала, все было закрыто и досками забиты двери, – через силу вспоминает блокадница. – Людям нужно было выносить все

Галина Алексеевна Волкова из Чикаго:
«Единственная наша льгота – хорошее место на кладбище»

в ведрах. А выносить нет сил. Они доски отрывали и сливали нечистоты. А мы с мамой жили на первом этаже, и все это море вываливалось на нас, приходилось вдвоем разгребать. Думаете, я могу такое забыть?! Это был просто ужас. Мама ходила по лестницам и плакала, просила: «Не спускайте, мы с дочкой не можем за вами это все прибрать!»

Галина Волкова – одна из 99 чикагских блокадников. Правда, 44 из них являются инвалидами, а 15 не выходят из дома.

– Наше общество – отделение при Ассоциации ветеранов Второй мировой войны, и я там являюсь заместителем председателя, – рассказывает Галина Алексеевна. – К сожалению, блокадники очень разобщены, живут в пригородах, собрать их вместе – непосильная задача. Многие тоскуют по родине, просят, чтобы после смерти урну с их прахом отправили сюда и здесь похоронили. В Чикаго у меня дети и孙ки, но каждый январь я приезжаю в Петербург, не могу бросить родной город. Кстати, я тоже хочу быть похороненной рядом со своими родителями, нет желания пользоваться американской «кладбищенской» льготой...❶

Участники съезда у музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда». «С каждым годом нас все меньше...»

ВАЛЕНКИ ЗА СТАЛИНГРАД

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

СРЕДИ МНОЖЕСТВА НАГРАД НИЖЕГОРОДКИ ВАЛЕНТИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ КНЯЗЕВОЙ МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА» – САМАЯ ДЛЯ НЕЕ ДОРОГАЯ. В 1942 ГОДУ ОНА НА ТЕПЛОХОДЕ «НИКОЛАЙ БУЛГАНИН» ЭВАКУИРОВАЛА ДЕТЕЙ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА. ТОГДА ЕЙ БЫЛО 16 ЛЕТ.

Н

ИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩА-

ло, что эта хрупкая и невысокая женщина станет штурманом и более полувека проработает в пароходстве, из них 26 лет – проектировав курс кораблей. Она родилась вдали от больших рек – в городке Меленки, в семье человека самой что ни на есть сухопутной профессии – землеустроителя. Отец по должности занимался распределением земельных участков, мать хозяйствала дома и растила четырех дочек. И мечты у Вали вначале были вполне девчачьи: грезила балетом, занималась в детстве акробатикой...

– Я и не помню, как появилась у меня мысль стать капитаном, – признается сейчас Валентина Алексеевна. – Наверное, когда мы с мамой в 1939-м переехали жить к старшей сестре, Вере, в Доскино под Нижним Новгородом (в то время – Горьким. – Прим. авт.) и я впервые Оку и Волгу увидела. Но тогда мечта стать судоводителем казалась несбыточной, ведь до войны девушек в речное училище не принимали. И я после семилетки поступила в 1941 году в торгово-экономический техникум.

Знала бы Валя тогда, что бороздить Волгу вдоль и поперек ей все-таки суждено, – но какой ценой сбудется эта мечта! Когда разразилась война и юношей стали массово призывать в армию, запрет на прием девушек в речное училище был снят. Узнав об этом, Валя, не раздумывая, забрала свои документы и отправилась учиться на судоводителя в Горьковский речной техникум. Ее зачислили в 11-ю группу судоводительского отделения и поселили в общежитии на территории Нижегородской ярмарки – саму ярмарку, гремевшую своими торгами в XIX веке на весь мир, в 1930 году упразднили как «социально враждебное явление», а часть ее корпусов использовали для жилья. В один из таких бараков с печным отоплением и расселили курсанток техникума.

– Дрова были на вес золота, топили печку всем, что находили на территории, – вспоминает Валентина Алексеевна. – На второй год учебы нас, девчат, переселили уже в учебный корпус, выделив комнату на первом этаже. Тут мы жили с октября по апрель, а остальное время были на судах. Занятия шли своим ходом, хотя война давала о себе знать: во время воздушных налетов немецких самолетов на Горький курсантам приходилось вставать среди ночи и дежурить на крышах и чердаках. Порой посыпали рыть окопы, работать на лесоразработках – заготавливать дрова. Жизнь была тяжелой, но преподаватели любили и как могли жалели своих учеников – по сути, еще детей. А те отвечали им сильной привязанностью. Удивительно, но Валентина Алексеевна до сих пор помнит имена многих педагогов.

– Иван Сергеевич Мореходов, который вел судовождение, был нам как хороший отец – мы бежали к нему с любыми вопросами, касались ли они учебы, работы или личного. Андрей Иосифович Яковлев преподавал спецлоцию, подкрепляя теорию реальными историями, происшедшими с судоводителями на Волге. Экономику речного транспорта давал очень требовательный Михаил Николаевич Михеев. А «англичанка» Татьяна Петровна Балычева

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ВАЛЕНТИНЫ КНЯЗЕВОЙ

Выпускница Горьковского речного училища 1945 года Валентина Князева (тогда – Кузьмичева)

была старше нас всего на семь–восемь лет, и мы воспринимали ее как старшую сестру. Она писала стихи, их иногда печатали, а одно мы потом часто цитировали, ведь оно было про нас:

Кто видел девушку, бывало,
На пароходе у штурвала?
Теперь же женский труд в почете –
Всегда, везде вы нас найдете!

СТАЛИНГРАД ВМЕСТО ПРАКТИКИ

После первого года обучения студенты 11-й группы ждали традиционную коллективную практику – готовились, разучивали песни, но в связи с военным временем в апреле 1942 года их всех распределили по разным судам. Пришлось практиковаться под пулями и бомбами, обходя мины.

Памятный знак «Участнику Великой Отечественной войны от благодарных нижегородцев», который областное правительство разработало специально к юбилею Сталинградской битвы. Его получил каждый из 161 защитника Сталинграда, которые ныне живут в Нижегородской области

– Мне и моей подруге Лиде Бочуговой дали направление на зимовавший в Затоне им. Карла Маркса пароход «Николай Булганин», – рассказывает Валентина Алексеевна. – Вся команда состояла из 18 человек, капитан – Василий Никифорович Долинин. И вот в июне мы получаем приказ следовать вниз до Куйбышева (сегодня – Самара. – Прим. авт.). В пути подбуксировали еще четыре баржи, груженные пиломатериалами, военным обмундированием и прочим. А в Куйбышеве нам дали приказ следовать до Сталинграда. В Саратове пароход был вооружен пулеметами и, конечно, сели военные – и наш караван отправился дальше по Волге. В районе Балыкляя нас встретил дежурный катер «Каховка» и передал приказ: караван поставить в кильватер, в сторону села Луговая Пролейка, замаскироваться, членам команды всем ночевать на берегу. Нашему пароходу встать к горному берегу Яр в районе Балыкляя без сигналов, без всяких огней, команде всем без исключения выйти на ночь на берег. Помню, какая была прекрасная погода, небо чистое, звездное. Но ровно в десять вечера эту идиллию разрушил гул самолета, и в это время с острова Балыкляйский стали подаваться сигнальные ракеты, направленные на караван, – стреляли, видимо, вражеские диверсанты. Через каждые двадцать минут гул повторялся, и нас бомбили – так повторялось восемь раз. Одну баржу все-таки взорвали: позже от капитана мы узнали, что она была груженена боеприпасами и обмундированием. Переночевав, на рассвете на нашем пароходе мы подошли к оставленному каравану. Члены экипажа с баржи были живы, только одного ранено в ногу. Там нас встретили военные с берега и сообщили, что в деревню за 2 километра от взрыва улетели обрывки якорной цепи и осколки – вот там были и убитые, и раненые. Из оставшихся судов на буксир мы взяли три баржи с пиломатериалами

АНТОН БЕРКАСОВ

алами, с военными походными кухнями и продолжали рейс до Сталинграда. Судовой ход был заминирован, сопровождали нас бакенщики, в основном проходили воложками – небольшими рукавами Волги.

В Сталинграде члены экипажа «Булганина» трудились на береговых работах, разбирали завалы, убирали убитых, работали и на переправах. А практикантом досталась «наметка» – тростить оборванные тросы, оцинкованные и пеньковые. Валентина Алексеевна вспоминает, что было трудно, но получалось. Но самое трудное было впереди.

– В августе 1942 года в районе Красноармейска и Сталинграда мы забуксировали три баржи, – продолжает рассказ ветеран. – Одна с эвакуированными детьми, вторая – со скотом, третья – с партийным архивом. Днем шли, а ночью стояли. Мне с одногруппницей Лидой доверили ухаживать за эвакуированными детьми. На палубе были стопами уложены ватные матрасы, накрытые брезентом. Дважды падали бомбы, но, к счастью, не взрывались – как нам объяснили, из-за того, что падали на мягкое. Резали скотину, чтобы накормить детей, было пять дойных коров, варили бульоны, маленьких поили молочком. Самое тяжелое сейчас – это вспоминать эти детские лица с глазами взрослых людей. И слово «мама», которое звучало там так часто, а маму мы им заменить не могли...

«Николай Булганин» благополучно довел караван до Камского Устья, и дальше детей повезли по камскому направлению. А у 16-летних практиканток снова началась учеба. Валентина Алексеевна признается, что тот тяжелый путь из Сталинграда с осиротевшими детьми, Волга в огнях взрывов, тонущие люди – все до сих пор перед глазами. И только один эпизод тех воспоминаний заставляет ее слегка улыбнуться.

– За работу под Сталинградом меня тогда премировали – валенками. А так туфельки хотелось...

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ВАЛЕНТИНА КНЯЗЕВОЙ

«Барышня»
у штурвала –
Валентина
Князева
на теплоходе
«Валерian
Куйбышев».
12 августа 1944
года

«БАРЫШНЯ» У ШТУРВАЛА

Следующую летнюю практику, в 1943 году, молоденькая Валя отработала штурманом на баксирном пароходе «Эльтон». Его капитан Анатолий Петрович Жохов, увидев пришедшую к нему худенькую девчонку, погладил усы и суворо сказал: «У меня пароход, а не детский сад. Кто вас прислал, пароходство?» А Валя стояла и мысленно молила: «Капитан, возьмите меня на работу, мне идти некуда».

Жохов все-таки оказался не так строг – с ним она проработала четыре навигации. Звал он своего штурмана исключительно «барышня», но в деле ей очень доверял.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ВАЛЕНТИНА КНЯЗЕВОЙ

На старинном
колесном
пароходе
«Виктор
Хользунов»

– Я старалась как могла четко выполнять все его поручения, – говорит Валентина Алексеевна. – Однажды мы встали на якорь – топливо кончилось. Капитан вызвал меня и строго сказал: «В шлюпку и на берег, иди пешком до Ильинки, это примерно 10 километров. Только по заплеску иди!» – то есть по самой кромке воды. Где разутая, где обутая, где по камушкам, где песочком, но до Ильинки я дошла. Топливо нам подвезли. Капитан то ли удивился, то ли похвалил меня: «Девчонка, а все сделала!», но барышней не перестал называть и после этого. А в ноябре в районе посреди Оки шли сплошным льдом, не осилили, встали. Капитан дал распоряжение: «Барышня, собирайся, пойдешь на берег, пусть принимают меры, а то зазимуем». Собралась, вышла из каюты и вижу – Жохов сам спускается по трапу на лед. Он только сказал: «Иди за мной». Все-таки берег меня...

Валентина Алексеевна вспоминает, что в 1944 году курсантам стало жить заметно легче: техникум был реорганизован в Горьковское речное училище и, видимо, передан в другое ведомство. Учащимся выдали новую форму, бушлаты, стали выделять сухой паек, а потом – и горячее питание в столовой. Выпускной отпраздновали в апреле 1945 года.

– Учебу в нашей группе начинали 32 человека, а училище окончила лишь половина: девять девчонок и семь юношей, – с предельной точностью вспоминает Валентина Алексеевна. – К работе судоводителя из нашей группы приступили 12 человек, а четверо стали трудиться в управлении пароходства. Сама Валентина Алексеевна тоже отправилась плавать – из более чем полувека, что она прослужила в пароходстве, 26 лет ее стажа – штурманского. Любимая работа свела ее и с любимым человеком: с будущим мужем, Евгением Князевым, выпускником того же речного училища. Расписывались с приключениями: подали заявление, а в назначенный через месяц день оба не смогли прийти в ЗАГС! Исключительно

АНТОН БЕРКАСОВ

из-за работы – Валя в то время была в Астрахани, а Женя – в Рыбинске (в то время – город Щербаков. – Прим. авт.). Встретившись в Горьком после рейсов, тут же отправились в городок Бор, что недалеко, на другом берегу Волги, – там можно было зарегистрировать брак в тот же день. Потом супруги долго работали вместе: он – капитан, она – штурман. Вторым домом для них стал трехпалубный теплоход «Дружба» (позднее переименованный в «Капитана Рачкова») – здесь среди плавсостава выросли и их сын и дочь, здесь в кают-компании стояло лимонное дерево, по слухам купленное на Волге, – в квартиру оно переселялось тогда только на зиму. До сих пор оно плодоносит, но теперь уже у Валентины Алексеевны на кухне. И напоминает о муже, который ушел из жизни тридцать лет назад.

– Весной будем пить чай вот с этим лимончиком, – показывает она. – Правнук прибежит (один из шестерых. – Прим. авт.), и срежем!

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ

Валентина Алексеевна любит заниматься не только с родными внучатами – до сих пор с удовольствием ходит на встречи со школьниками и курсантами-речниками, рассказывает о военных годах, делится опытом. Возможно, именно благодаря своей активной общественной работе Валентина Князева была избрана представителем от Нижегородской области и 1 февраля этого года отмечала 70-летие Сталинградской битвы на торжественном приеме в Георгиевском зале Кремля.

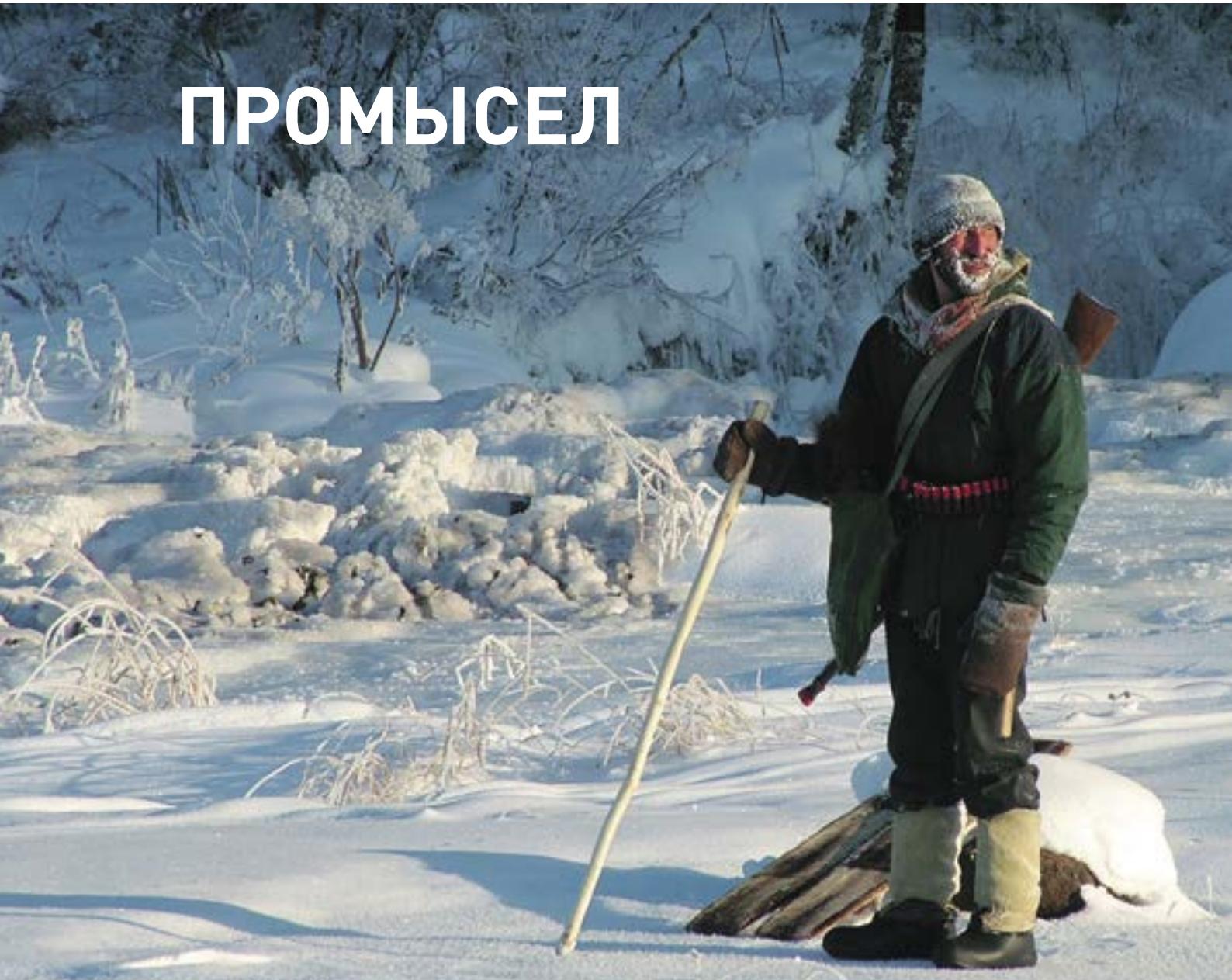
– Молодежь сейчас принято ругать, – говорит ветеран. – Но так было во все времена. Могу сказать, что слушают школьники очень внимательно, особенно если больше рассказывать не о том, как здорово наше поколение воевало, а предлагать поразмыслить, что бы они сами сделали в той или иной ситуации. Вот, например, рассказываю такой случай: на «Николае Булганине» у нас служил руле-

Из всех наград Валентины Алексеевны Князевой медаль «За оборону Сталинграда» – самая для нее дорогая

вым Сима Уставщикова, было ему тогда 18 лет. Когда на подходе к Сталинграду немцы затопили одну из барж в нашем караване, то все мы знали, что на нем было обмундирование для наших солдат. И вот этот Симка, отчаянный парень, просит у капитана разрешения нырнуть за кирзовыми сапогами, что остались на этой барже. А нужно сказать, что даже просто купаться рядом с топлым судном – дело очень опасное, течение легко затянет даже самого опытного пловца, выплыть сложно. Но Симка очень упрашивал, не было у него сапог, и капитан согласился. Привязали парню ножик к руке – сапоги-то ведь на барже в связках были; привязали веревку к самому Симке – для страховки, он нырнул... Рисковал, можно сказать, жизнью, а уж покалечиться легко мог. Но он достал сапоги! И тут подходит военный: отдал сапоги, это собственность армии!.. Вот я и спрашиваю ребят: как бы вы поступили на месте Симы? Отдали бы сапоги или нет? Тут обычно начинается целая дискуссия, и всем очень интересно узнать, как же на самом деле закончилась история. А было так: капитан Василий Никифорович Долинин и механик Александр Николаевич Харитонов отстояли парня. «Вон она, баржа, – сказал Долинин военному, – надо тебе – ныряй, вытаскивай! А парня – не тронь», – и Симку так за себя, за себя отодвигает. И военные потом действительно ныряли и вытаскивали это затонувшее обмундирование, мы видели. Вот такие истории ребята слушают с большим интересом!

Единственное, о чем Валентина Алексеевна всегда просит организаторов подобных встреч, – это не приглашать в зал первоклассников. И не потому, что малыши галдят или плохо слушают. А потому, что, глядя на них, она снова видит перед собой пароход «Булганин» и тех детей военного времени, которых ей довелось спасать из осажденного Сталинграда. ●

ПРОМЫСЕЛ

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ [ФОТО АВТОРА]

КАКОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ И ГЛУБОКОЕ СЛОВО. КАКОЙ В НЕМ ОБЪЕМ, СКОЛЬКО СМЫСЛОВ. ЭТО И ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ, И ИСПОЛНЕННЫЙ СОЗИДАЮЩЕГО НАЧАЛА НАРОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В САМОМ ШИРОКОМ РУССКОМ СМЫСЛЕ, И, НЕ МЕНЕЕ ИСКОННЫЙ, ПРОМЫСЕЛ НА МОРЕ ИЛИ В ТАЙГЕ. НАПРИМЕР, СИБИРСКИЙ ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ, КОТОРЫЙ, НЕСОМНЕННО, ВБИРАЕТ В СЕБЯ ВСЕ ИПОСТАСИ ЭТОГО УДИВИТЕЛЬНОГО СЛОВА.

Речь пойдет о промысле соболя в сердце Сибири – в енисейской тайге. Как любое дело, заирающее человека целиком, этот промысел гораздо шире и глубже, чем просто охота. Он требует и жизненной одержимости, и досконального знания предмета, умения своими руками создать огромный мир – от охотничьего снаряжения до целых комплексов деревянных ловушек, от таежных изб до шитых и долбленах лодок. Это не профессия, а образ жизни со своими законами. При нынешнем усилившемся прессе цивилизации промысел требует особенного упорства. Уходя корнями в многовековую глубь, промысел – одна из наиболее ценных традиций Русского мира, а слово промысловиков как носителей уклада, возможно, скоро будет достойно охраны – подобно снежному барсу или леопарду. Но все же удивительно вынослива русская земля, раз с таким постоянством рождает людей увлеченных и крепких!

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Соболь, как известно, издавна много значил в русской жизни. Еще в Киевской Руси пушнина служила и деньгами, и внешней валютой, и средством обмена на драгоценные металлы. Пушниной платились дань и жалованье, ею одаривали иностранных гостей в виде знака особой царской благосклонности. В бюджете Московского государства в середине XVII века пушной промысел обеспечивал пятую часть доходов, пушнина составляла значительную долю экспорта. По расчетам исследователей, среднегодовая добыча соболя в середине XVII столетия равнялась 145 тысячам шкурок. В 1621–1690 годах в Сибири было добыто 7,248 миллиона соболей. На гербе Сибири, что красуется на жалованной грамоте 1690 года, два пронзенных скрещивающимися стрелами соболя держат зубами «корону сибирского царства». Одной из главных задач основания Мангазеи было взятие в государевы руки потока пушнины с востока Сибири: на него уже зарились иностранные купцы.

К концу XVII века численность соболя сократилась. С XVIII века начали внедряться различные способы регулирования промысла, и в Енисейском крае было восстановлено поголовье соболя, что дало возможность разрешить здесь промысел без ограничений. Однако затем запасы пушного зверя исчерпались: в первое десятилетие XX века ежегодная добыча в Сибири составляла 20 тысяч шкурок, а на момент Октябрьской революции – только 8 тысяч.

Советское государство уделяло большое внимание охотниччьему хозяйству и пушной отрасли. Экспорт приносил в казну иностранную валюту. К 80-м годам, благодаря плановому регулированию добычи, искусственно расселению и прочим мерам, были почти восстановлены и ареалы (427 из 448 миллионов гектаров), и поголовье сибирского соболя (500–600 тысяч штук).

В 1948 году специальным постановлением Совета Министров России была предусмотрена целая система мероприятий, включающая расселение зверька, способы его учета в угодьях, методику прогнозирования пиков численности, охрану и упорядочение использования природных запасов. Ведь из-за пресловутого «хищнического перепропысала» в начале XX века ареалы обитания соболя «скались» до отдельных очагов в Сибири и на Дальнем Востоке. Советские охотоведы, энтузиасты и преданные делу люди, отлавливали соболей и расселяли их по тайге. Об этой работе на Дальнем Востоке рассказывается в книге В.С. Сысоева «За черным соболем», автор много лет занимался акклиматизацией и расселением промысловых животных. Благодаря ему, на огромных пространствах Дальнего Востока вновь

появились соболь, бобр, норка, ондатра... Сам Всеволод Петрович Сысоев, родившийся в Харькове в 1911 году, зачитывался книгами путешественников и натуралистов и мечтал о таежной жизни (так же как и добрая половина современных промысловиков – как все похоже, слава богу!). Соболь стал восстанавливаться на большей части Сибири. По рассказам старых енисейских охотников, соболя в послевоенные годы еще никто не знал. Охотились на белку и колонка. Бригадами по четыре человека уходили в тайгу на несколько недель. Собаки тащили нарту с продуктами, палаткой и печкой. Ставили табор. Один оставался кашеварить, остальные уходили белковать. Место опромышляли, снимались и шли на новое. Дневной переход так и назывался – «палатка». «Деда, а сколь километров до Дубческого Зимовья?» – «А парень, однако, пять палаток». Постепенно стал появляться соболь – охотники с удивлением встречали незнакомого зверька («Сам под вид кошки, только с рыжá и на ногах низковастый»). Численность его росла. В 70-е и 80-е годы стал возрождаться промысел соболя. То была пора бурного развития Севера, освоения сибирской тайги, продолжения государственной политики, заложенной еще в царское время. Организовывались госпромхозы и коопзверпромхозы, шел набор охотников через главный охотничий журнал страны, «Охота и охотничье хозяйство». Енисейское охотничье сообщество пополнялось охотниками из других районов страны. Шел обмен опытом. Охотники и охотоведы ехали в тайгу, подобно Сысоеву, начитавшись книг о тайге, напитавшись таежной романтикой. У государства была монополия на продукцию пушной отрасли. Всех соболей охотники должны были сдавать согласно «лимиту». Сверхлимитную пушнину продавали налево – сложился ее «черный рынок». Пушнина пользовалась большим спросом. Пара соболей на воротник – прекрасный подарок жене «нужного» человека. «Черный рынок» был головной болью государства, но давал дополнительный заработок охотникам. Помимо соболей, конечно, охотились и на белку, и на горностая, и на других пушных животных. Угодьями распоряжался госпромхоз. Участок был штатным рабочим местом и закреплялся за охотником. Если охотник не устраивал, его могли уволить и взять другого. Случалось такое нечасто. В основном охотники работали годами, и их «прикипелость» к участку ценилась и поддерживалась. Из соображений безопасности требовалось промышлять вдвоем, но все стремились ходить в одиночку, быть полным хзяином всего участка: и заработок больше, и вольней-спокойней. Но такое удавалось не всем. Близкие друзья или родственники промышляли «в одну котомку»: выручка делилась пополам независимо от добычи каждого. В большинстве госпромхозов охотники работали круглый год на поселковых хзработах, и будто в награду их отпускали в тайгу на промысел. Хзработы воспринимались как помеха, «барщина»... Охотники ворчали и с нетерпением ждали осени, связывая с ней долгожданную свободу – право заниматься любимым делом. Тем не менее к хозяйственным обязанностям охотники относились ответственно и ценились начальством как сила сознательная и организованная. Самое поразительное то, что, несмотря на многолетнюю паузу в соболиной охоте, уже в 80-х годах было полное ощущение непрерывности этой традиции. И это несмотря на нестабильность и переменчивость соболиной «картины» последнюю сотню лет.

ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ ТАЙГОЙ

Когда я попал на охоту в 1986 году, было ощущение, что наши старшие товарищи, такие как Геннадий Соловьев, мало того что всю жизнь добывали соболя, но и опыт получили из первых рук от старших соболятников. Объяснить это можно только тем, что, несмотря на смену объектов добычи, сама охотничья жизнь и не прерывалась. Промысел не останавливался, а просто переключался, к примеру, на расплодившуюся в отсутствие соболя белку.

Условное благополучие промысловиков продлилось всего пару десятилетий – до начала 90-х, когда произошел развал государственного охотничьего хозяйства. Госпромхозы фактически прекратили существование, и охотники оказались предоставлены самим себе. Надо отдать должное руководству нашего Туруханского района, которое обеспечило выход охотников на «свободу» вместе со своими участками.

Охотники всегда были недовольны недостатком свободы, тем, что их заставляют «пахать на хозработах за копейки» и что у них «не хватает» времени на стройку избушек и домашнее хозяйство. Поэтому выход на свободу сопровождался определенной эйфорией. Продлилась она недолго. Оказалось, государственная система имела много плюсов, значение которых, как водится, было оценено годы спустя. За охотников никто теперь не отвечал, их права и интересы не отстаивал, не обеспечивал вертолетной заброской, бесплатной техникой, горючим и капканами. Пушину они теперь пристраивали сами, вступая в торт с ушлыми барыгами. Был и эмоциональный момент: охотники из героев-добытчиков превратились в никому не нужное сословие, что на фоне телевизионного призыва всем ломануться в дельцы и шоу-звезды было крайне досадно.

Вскоре приняли закон «О животном мире», внесший в отношения между государством и охотником формальную, что ли, ноту. По закону охотник, ощащающий себя хозяином и ответчиком за тайгу, становился лишь одним из пользователей природных ресурсов: фактически за ним сохранялось только право добывать соболей в определенные месяцы. Оно и прежде вроде бы так и было. Но существовал очень значимый нюанс: заинтересованность государства в промысловом процессе. Оно было на стороне охотника. Охотник, к примеру, мог требовать ограничения присутствия посторонних на участке, и правда всегда была за ним.

В 2009 году появился закон «Об охоте и о сохранении охотничих ресурсов», но и за ним человек, живущий тайгой, особо не просматривался.

Пора сказать о самом главном: промысловик – это не профессия. Это и образ жизни, и склад характера. Промысловые охотники – целое сословие, порой напоминающее казачество. Такое же своюнравное, вольнолюбивое и такое же уязвимое, неожиданно ранимое. Казачество защищало рубежи государства, было последней человеческой про-

слойкой между основным населением и врагом. А охотники – последняя, прижатая к дикой тайге людская прослойка. Именно они осваивают и держат каждый свой кусок дикой тайги, служат пульсом природных комплексов. Им бы полномочий хотя бы чуток... За прошедшие годы был упразднен институт общественных инспекторов, потом его восстановили, но, чтобы составить протокол на нарушителя, охотнику надо связаться с районным инспектором и дождаться его. А находится тот в нескольких сотнях верст. И, как правило, инспекция не имеет ни запаса топлива для срочных рейдов, ни нужной техники, чтобы добраться по горной реке к месту конфликта с нарушителем. Нарушители же приезжают на самом современном водном транспорте, и это развлекательное «шараханье по

тайге» становится все более модным. Пришельцы могут организовать на охотучастке рыболовный туризм, могут оставить помойку на берегу. Могут открыть пальбу по всему живому. Естественно, это беспокоит охотников: ведь охотничий участок кормит целую семью, его передают по наследству. А главное – он является частью души, смыслом жизни, и промысловики держатся за него как за свою малую родину, со всей страстью.

По закону «О животном мире» хозяином угодий (то есть охотпользователем) может стать юридическое или физическое лицо, выигравшее конкурс. Для этого надо подготовить пакет документов – задача практически непосильная для рядового промысловика. Во-первых, он почти все время в тайге, во-вторых, на конкурс надо добираться за тысячу верст в Красноярск, а в-третьих, охотник не умеет готовить бумаги и писать экологические обоснования. Естественно, охотпользователями становились люди другого, более «высокого», что ли, круга. Охотники оказывались под их началом – так же как в госпромхозе, но без социальных и экономических гарантий и в полной зависимости от настроений и устремлений хозяев. Зато теперь во время

промысла соболя любой приезжий, купив у охотпользователя лицензию на глухаря или лося, имел право добыть их на участке промысловика. А по последней версии закона «О животном мире» порядок получения лицензий на пользование объектами животного мира теперь не конкурсный, а аукционный – хозяин тот, «кто больше даст».

Во второй половине 90-х значительная часть территории оказалась в руках различных организаций. Возмущенные охотники зашумели, но вскоре поняли, что не так все и однозначно. В Туруханском районе при местной администрации было организовано некоммерческое партнерство, выигравшее конкурс и ставшее охотпользователем. Участки охотников оказались под началом этой организации. Ничего страшного не произошло, вдбавок территории была защищена от притязаний посторонних. Были в начале трения и конфликты, но в итоге все устоялось. Партнерство гарантировало неприкосновенность границ участков и обеспечивало охотников лицензиями на соболя, белку, глухаря. Все остальное охотник делал сам. Всевал с незваными гостями, сдавал пушину, закупал все необходимое для промысла, дивился ценам на боеприпасы

и топливо и нет-нет да и вспоминал советские времена, когда «охотник – человек был!».

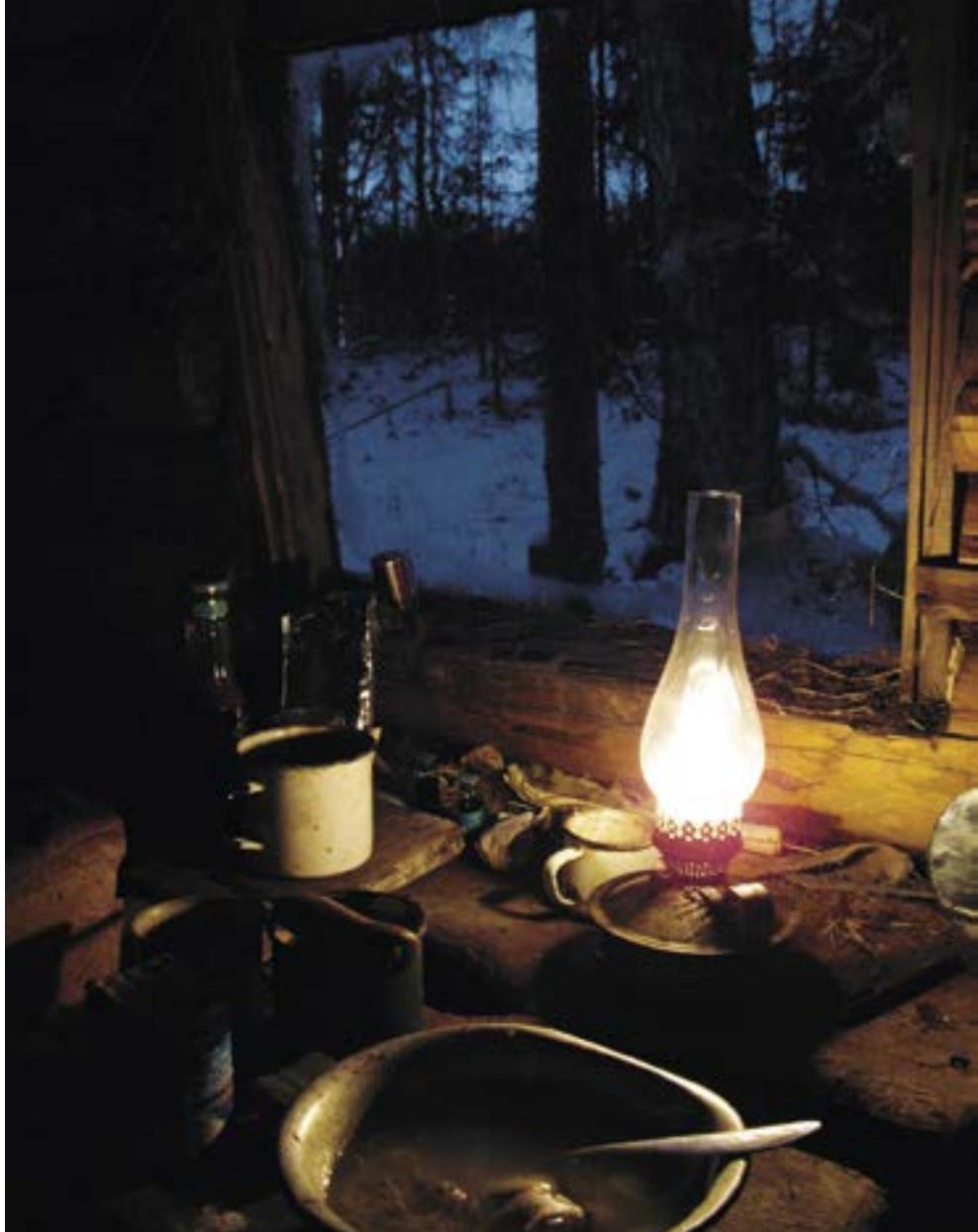
Удивительно, что советская закваска колLECTIVизма куда-то девалась. Охотники оказались не способны ни к консолидации, ни к борьбе за свои права. Распятые на перекрестьях таежных забот, они не спешили изучать законодательную базу, привыкнув, что за них это делали. Они и не скрывали, что нужен организатор, болеющий за их интересы. Роль эту обычно выполнял охотовед. Надо знать и характер промысловиков. Он крайне противоречив. Промысловику свойственно обостренное чувство товарищества, способность прийти на выручку, резкое деление на «свой» и «не свой», привычка считать себя «белой костью» в списке профессий. На другом полюсе – взорванный на героическом одиночестве крайний индивидуализм и неспособность ни на миллиметр выйти из накатанной колеи. И при этом им «вечно чего-то надо», как с раздражением говорят чиновники. Каждый год охотников ждут новые нервотрепки. Назначена новая арендная плата за пользование угодьями, которая может сделать промысел нерентабельным. Боль-

шие опасения вызывает ратификация Россией соглашения о так называемых «гуманных капканах». Согласно ему, все охотники обязаны перейти на новые капканы, мгновенно убивающие добычу. «Перевооружение» накладно и трудоемко, и государство, как считают охотники, должно бы компенсировать эти усилия: «Не мы подписывали это соглашение, почему мы должны нести убытки? Нам это на хрен не надо. И так полно проблем». Изменилось действительно многое: полностью исчез «черный рынок», дававший дополнительный заработка, соболь перестал работать как гостище или умасливающая подачка, как подарок на шапку и воротник. И сам потребитель нешибко клюет на соболя: в магазинах полно клеточной импортной норки.

Примечательно, что последние годы у руля охотничьей отрасли зачастую стояли люди, для которых она связывалась не с промыслом, а с трофеиной охотой. Одним из ведущих в главке одно время был владелец как раз такой фирмы. Мне приходилось присутствовать на собраниях охотничьего общества в столице. Для большинства присутствующих Сибирь с ее проблемами промысловиков – другая планета. Довелось мне даже выступить перед столичной аудиторией в защиту промысловиков. Кто-то в ответ сказал: «Тут вот, господа, очень эмоционально прозвучало, что сословие промысловиков находится под угрозой... Ну не знаю даже... если мы так будем печалиться по каждому поводу... у нас вот еще ветераны войны есть – тоже исчезающее сословие...»

Однако вернемся к нынешним временам. Численность соболя то стояла на мере, то повышалась, а стоимость шкурок на мировом рынке, вопреки стараниям и прогнозам «зеленых братьев зверушек», гуляла вниз-вверх и, следуя за причудами моды, падать не спешила. Скорее, напротив. В феврале 2012 года достигнут исторический максимум продаж шкурок соболя. По данным аукционной компании «Союзпушнина», выставлено и продано почти 280 тысяч шкурок. Правда, львиная доля продаж пришлась на очень дорогое баргузинского соболя, цена на которого подскочила неимоверно – топ-лот баргузина составил 3800 долларов за шкурку! Енисейский его собрат выглядел значительно скромнее. Январский аукцион 2013 года побил рекорды года предыдущего. Цена енисейского соболя выросла на 95 процентов по сравнению с 2010 годом. Аукционы не дают в прямой доступ цены на проданные шкурки, но, судя по тому, что предлагали приемщики на месте в енисейских поселках (5–6 тысяч рублей за самых светлых и, соответственно, дешевых соболей), она составляла нынче не менее 150 долларов за шкурку.

Правда, соболя в этом году было меньше, чем обычно, что подпортило настроение представителям промыслового братства.

ПУТИКИ И КУЛЁМКИ

К братству этому мне посчастливилось приобщиться в 80-х годах – в период расцвета госпромхозов. В таежных районах – все без исключения охотники и рыбаки, но именно в промысловики идут немногие: те, кто может находиться в тайге долгие недели, кому это интересно и не скучно от самого себя (несомненно, для этого нужен крепкий жизненный стержень). Частью это местные жители, а частью приезжие – обычно крестьянского склада, крепкие думающие мужики из других районов Сибири либо из средней полосы России и даже с Украины (в нашем селе таких больше половины). Они попадали на промысел по мечте: кто – начитавшись книг о природе и сибирском промысле, кто – воодушевившись общественным настроем на освоение востока страны. Повторюсь, в 70–80-х годах в приоритетах была установка на трудовой подвиг, на освоение и заселение наших необъятных просторов.

По такому зову и я попал в таежную стихию. Образы тайги и промысловых людей захватили меня со школьных лет – благодаря прозе Астафьева, Бианки, Федосеева, Сысоева. Подобные книги выпускались в ту пору огромными тиражами. Приехав в Сибирь поначалу только в экспедицию, я быстро понял, что дело этим не закончится. И что ни одна профессия не дает такого близкого прикосновения к тайге, как промысловая охота.

Мотивы ухода в охотники могут быть разными: одних тянет любовь к героическому труду на фоне прекрасной природы, других – заработка в голом виде, третьих – думаю, многих – желание быть хозяином и кормиль-

цем. Объединяет всех этих людей способность жить в тайге долгое время. Семьи охотники оставляют надолго, и их жены заслуживают отдельной истории.

Охотник – это традиционная мужская профессия, требующая воли, сильного душевного строя. По-хорошему, каждый мужик должен поработать охотником. Охотник неприхотлив, терпелив, умеет найти выход в любом переплете, он рукаст и смекалист. Когда группа подгулявших охотников сталкивается с какой-то неполадкой или поломкой, начинается буквально соревнование, кто лучше, быстрей и оригинальней справится с трудностью.

А вообще, труд тяжелый. Он складывается из подготовки и самой охоты. Подготовкой можно заниматься в любое время, но, конечно, не в разгар жары и комарья. Те, у кого угодья доступны с реки, заезжают весной по большой воде – позже таежные реки мелеют. Кто не может добраться водой, заезжают на снегоходах еще в конце зимы, завозят продукты, бензин, занимаются подготовительными работами: дровами, рубкой новых избушек, уходом за путниками, изготовлением кулёмок и установкой капканов. Путниками называют ряд ловушек. Прокладывается он так: охотник двигается по тайге, делая топором затески на деревьях. Зимой их залепит снегом, поэтому они должны быть хорошо заметны. Тёс бывает односторонний и двусторонний. На путнике устанавливаются ловушки, на расстоянии, ну... примерно от 50 до 200 метров. Оно зависит от особенностей тайги и поведения соболя – где его ожидают, ловушки ставятся чаще.

Таежный дом охотника – это избушка. Чтобы освоить новый кусок тайги, нужно срубить там избушку (или по-сибирски – «зимовьё»). Избушки обычно делятся на проходные и базовые. Базовая – большая, с баней, запасами, здесь много снаряжения и оборудования. Проходные – маленькие и порой неказистые – охотники не любят тратить на них много времени. Часто они наспех срублены в труднодоступном месте. Избушки оборудованы железными печками разных конструкций, среди которых особенно популярны так называемые «экономки». Особая дверца-крышка исключает подсос воздуха – печка, набитая дровами разной сухости, может потихоньку топиться (по-сибирски – «шайтъ») чуть не до утра, давая ровное сдержанное

тепло. Избушки, особенно проходные, быстро высыпают в мороз, и угром, чтобы растопить печку «не-экономку», надо, трясясь от холода, вылезать из спальника. Иногда в мороз приходится подтоплять среди ночи.

Забот у промысловика полон рот. Если после охотсезона оставить в избушке продукты, туда повадится медведь. Он будет разорять избушки, наводить «порядок», и охотник рискует осенью прийти в раскучченное зимовьё. Поэтому для хранения продуктов устраивают лабаза (вообще, охотники говорят «лабаз», с ударением на первый слог. – Прим. авт.). Раньше делали лабаза на «ногах»: что-то вроде терема на торце высокого опиленного дерева. Медведи норовили добраться и туда или сгребть ствол, поэтому перешли на железные бочки из-под бензина. Они крепко закрыты крышками на болтах и привязаны тросом к дереву.

На связь охотник выходит по радиостанции – у каждого свой позывной. Осенью в тайге стоит целый гвалт. Кажется, орет-гудит на разные голоса огромный улей. «Сопка шейсят шесть, ответь Погорелому! На связи, Скалистый! Как делишки-соболишки? Да хрено-вастенько, Суриндакон! Знаем твое «хрено-вастенько», надавил поди уж пятьдесят! Ну, надавил-надавил... Ясненько, а что там у нас Налимный поделывает? Да ты чо, не слыхал, он тут с лабаза навернулся, короче, ребро сломал, хорошо вертак с Пульванондры в Подкаменную шел, дак забрали его. Щасично вроде, одыбался! Обратно в тайгу мылится! Я-я-ясненько... А как косолапые нынче, не шалят у вас? Да сильно-то нет. Правда, там у Голмакора шатун вылез, дак прибрали его. Он, правда, у Генки двух собак порвал... А у Топкого росомаха пять соболей с путника схряпал! От падина!» Поговорив с товарищами и с домом, радио не выключают, и она бормочет до самой ночи. Охотник всегда «на подслухе» – он обязан знать, что творится в таежном царстве, вдруг кого «продублировать» надо или помочь нужна.

Избушки обычно стоят на расстоянии 10–12 километров друг от друга. Это примерно дневной переход охотника с работой. Избушки соединены путниками. Путники могутходить и по сторонам от избушки. Такие называются «туники». Дорог в турханской тайге нет – только реки. По ним охотники заезжают на участок, перемещаются по нему. Те, кто не может добраться по реке, стараются попасть в тайгу пешком задолго до начала промысла – в первой половине сентября. Месяц уйдет у них на пеший обход участка и наладку ловушек. Особенно много возни с кулёмками – традиционными деревянными самоловами, детали их ломаются, падают, попробуй-ка потом откопай их из-под снега. Зато кулёмку можно срубить в любом месте – были бы в кучке три деревца. И не надо на себе капканы тащить. Когда охота откроется, охотник пойдет по участку и будет настораживать капканы и кулёмки, не тратя времени на приведение их в порядок. Мужики большие острословы и любители зычного оборота, и в эту горячую пору по рации то и дело слышно: «Капканья взвёл!» Или: «Ну, все – я ощетинился!» Закрывать путники называется, в свою очередь, «запускать» (может, по аналогии с запуском коровы, которую прекращают доить перед отелом, и она перестает работать как производитель молока? – Прим. авт.).

СВОИМИ РУКАМИ

«Речные» охотники забрасываются на лодках в конце сентября. В некоторых поселках принято заезжать на снегоходах в начале октября. У каждого своя тактика и стратегия, свои варианты установки капканов, устройства избушек и лабазов, своя политика освоения участка. Даже в каждом поселке свои правила и особенности промысла. Если участки охотников из разных поселков граничат, то впритык соприкасаются разные практики.

Участки моего товарища и мой расположены по реке, и мы заезжали в двадцатых числах сентября на деревянных лодках, или попросту «деревяшках». О деревяшке стоит сказать отдельно. Это длинная, шитая из кедровых досок лодка. На нее ставится мотор с самодельным ограждением, оберегающим винт от камней, которыми изобилуют порожистые таежные речки. Обычно такие лодки заказывают специалистам – на Енисее это старообрядцы. За счет длины деревяшка имеет маленькую осадку, мотор закреплен так, чтобы винт был едва погружен в воду – лишь бы не про-

хватывал воздух. В такую лодку можно загрузить несколько центнеров груза. Идет она примерно 12–15 километров в час, но главное здесь не скорость, а возможность преодолеть порожистые участки и довезти в целости груз. Такая лодка – главный транспорт охотника в течение всего сезона открытой воды. На ней завозят и продукты, и горючее, и снегоход, на котором потом зимой выезжают. Лодку вытаскивают на берег специальным воротом или же лебедкой. Раскидав продукты по избушкам, мы уже на пустых деревяшках занимались добычей рыбы на еду себе, а главное – собакам, подготовкой избушек и птиков. Старались добыть птицы на приваду – глухаря и рябчика. Порубленная на кусочки и подквашенная птица считается лучшей приманкой для соболя. Она стоит в ведре за печкой и жутко воняет. Соболя начинают добывать, только когда он оденется в зимний мех, или, как говорят, «выйдет». Согласно датам открытия охоты, это 15–20 октября. До Нового года ловушки проверяют два или три раза. Охотник выезжает домой на Новый год, а после заезжает еще на месяц или больше и

«запускает» капканы. Пушину можно сдать в любом крупном поселке – сюда несколько раз за сезон приезжают различные приемщики.

Однако вернемся к началу промысла. Во время «взвода капканьев» снег еще не глубокий, и собака может спокойно догнать соболя. Зато через две недели она будет еле брести, пропахивая траншею и высунув язык. То, что происходит до этого, называется ружейной охотой с лайкой – самая интересная часть промысла. Она дает результаты только в отдельные годы – когда много соболя и мало снега, в такие сезоны добывают с собакой 30 и более соболей. Обычно эта цифра намного ниже. Хорошо, если собака загнала соболя на дерево, где его видно. А случается, соболь уходит в каменные россыпи – курумники, где его не взять. В прежние времена ходили с так называемым обмётом: специальной сеткой, которой окружали место ухода соболя «в запуск», охотник разводил костер и кротал ночь, ожидая, когда зверек покинет укрытие, о чем сообщал колокольчик, привязанный к сетке. Снова это

слово «запуск», но совсем с другим смыслом! Соболь ушел «в запуск» – значит унырнул в укрытие. Скрывается соболь и в корни, и в дупла – приходится прорубать деревья, выкапывать зверька из подземелей и лежащих «на полу» колод. Выкапывают соболя, поджигая бересту.

Собак (речь идет исключительно о лайках) ценят тех, что берут соболя «накоротке», «гоняют» только свежие следы. Охотники стараются не отвлекаться на соболей, потому что это мешает настороживать ловушки, которыми добывается львиная доля пушинны. Отход на расстояние от путика грозит потерей времени и сил. Приветствуется работа по глухарю – привада нужна всегда. Примечательно, что это настроения последнего десятилетия – когда соболя было меньше, ценились именно лайки-соболятницы.

Насторожить участок – самая трудная часть работы. Ходить в октябре трудно, для лыж еще мало снега, а «брюдком» тяжело, валко. Да и лыжи на случай снегопада приходится тащить с собой. Насторожившись, охотник возвращается на базу, устраивает себе выходной с помывкой в бане, стопочкой и дистанционным чоканьем с товарищами, а потом пускается в обход проверять путики. Сейчас все больше промысловиков стараются проверять путики на снегоходах. Это облегчает труд, но и заставляет готовить дороги, прорубать или пропиливать бензопилой коридор в таежной чаще.

От первого обхода, снимающего сливки популяции, ждут многого, он по-своему показательный. Со второго круга начинаются будни, во время которых, как далекое прошлое, вспоминается азартное начало охоты, вваливание в избушку в темноте с полной понятой (специальным станком для переноски груза), с сердцем, переполненным несусветной таежной красотой. Обработав пушину, уходишь в сон за полночь, а в глазах догорают: переправа из елок через ручей в ледяном крошеве, в снежном мороке синие сопки, камнем рухнувший глухарь, картины бесконечного трудового дня... Ближе к середине зимы этот день все короче, морозы лютей и по темноте стараются не шариться – только разве на снегоходе.

Промысел – это образ жизни, судьба. Охотник должен быть мастером на все руки: строителем, механиком, рыбаком, виртуозным пилотом снегохода и лодки, он должен уметь срубить кулёмку, изготовить камусные лыжи, долбленую лодку-«ветку» и еще несколько десятков наименований разного оборудования и предметов (камус, или камос, – это шкура с ног лося или оленя. Ею обклеивают лыжи, чтобы они не катились назад. – Прим. авт.). Привычка делать все самому дает огромную силу. Жизнь в тайге тем и притягательна, что мир здесь сведен до размеров, когда в нем еще можно навести порядок своими руками. ●

Красноярский край, поселок Бахта

ОКЛИКАЮЩИЕ ВЕСНУ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

...ДЕРЖУ ЖАВОРОНКА НА ЛАДОНИ, РАССМАТРИВАЮ И НЕ МОГУ НАЛЮБОВАТЬСЯ. КРЫЛЬЯ РАСКРЫТЫ, ХВОСТ РАСПУШЕН, СМОТРИТ ОН ПРЯМО ПЕРЕД СОБОЙ И, КАЖЕТСЯ, ГОТОВ ВОТ-ВОТ УПОРХНУТЬ. НО ЖАВОРОНОК СИДИТ НА ЛАДОНИ И ДАЖЕ НЕ ШЕЛОХНЕТСЯ...

ГЛАЗА У НЕГО ИЗ ИЗЮМА, спинка выкрашена яичным желтком, хвост подкрашен морковью, а сам жаворонок вылеплен из теста и запечен на противне в печке. Но тепло от него в ладони – как от живого. Вез я этого жаворонка домой, словно настоящую птичку. Постоянно заглядывал в сумку: не помялись ли крыльшки, цел ли хвост? И заботливо оберегал сумку от соседей в автобусе. В общем, вел себя по-детски. И вот, в который раз с тех пор, как жаворонок поселился у меня дома, я, словно ребенок, не могу удержаться от желания вновь положить его себе на ладонь, чтобы почувствовать его приятную тяжесть и ощутить

странные и необыкновенное тепло. Пусть за окном земля укутана сугробами, а подоконник оккупирован льдом, жаворонок на ладони не дает забыть: весна уже близко!

...Первые признаки приближающейся весны я заметил по кормушке для птиц, что висит в яблоневом саду Свято-Варсонофиевского женского монастыря. Кормушка была пуста, значит, морозы закончились, и птицы не нуждаются больше в подкормке, которую для них приносили из монастырской трапезной. Чаще всего кормушку заполняют крошками девочки, живущие при монастыре. Но сегодня им не до синиц и воробьев. Девочки с азартом каталась на коньках, превратив в

импровизированный каток участок обледенелой дороги перед монастырскими воротами. Это был один из последних зимних дней, и дети словно прощались с зимой, с возможностью встать на коньки и разогнаться на льду. А вечером в монастырской трапезной девочки собираются, чтобы печь жаворонков. Завтра по народному календарю последний день зимы – Сороки, или Жаворонки. По русской традиции накануне пекут жаворонков и затем выносят их в поле – призывают или, как говорили раньше, окликают весну...

Свято-Варсонофиевский женский монастырь, что в мордовском селе Покровские Селищи, приютил детей, оставшихся без родительского попечения. Этих девочек после Дома малютки ждал детский дом инвалидов: усыновлять детей с многочисленными заболеваниями желающих немного. Органы опеки обратились с предложением в монастырь. И монастырь детей, от которых отвернулись родители, принял. Официально опека оформлена на игумению – мать Леониду.

В монастырских стенах действуют детский сад и школа. Регулярно у ворот монастыря появляются большие коробки с подарками от благодетелей. Под Новый год во дворе обители обязательно наряжается пушистая елка. Имена дарителей,

СОРОКИ, ИЛИ ЖАВОРОНКИ

День народного календаря – 22 марта (9 марта по старому стилю), – приуроченный к церковному дню памяти сорока Севастийских мучеников. Люди верили, что в этот день из теплых стран возвращаются первые жаворонки, которые приносят с собой весну. На Украине и в Белоруссии считали, что они прилетают из Ирия [Вырия] – так славяне называли рай. На Сороки и на пятой неделе Великого поста пекут из теста жаворонков. Когда жаворонки готовы, несколько птичек сажают на подоконник. Печеных жаворонков раздавали детям, которые бежали закликать, или окликать, настоящих жаворонков, а с ними и весну. Жаворонков насаживали на прутья, забирались на заборы или сараи, подбрасывали печенье и кричали: «Солнышко-ведрышко, выгляни в окошко. Солнышко, нарядись! Красное, покажись! Пошли нам, Господи, теплого лета, урожайного года и побольше света!» После окликания весны печеных жаворонков съедали, а их головки отдавали материам со словами: «Как жаворонок высоко летал, так чтобы и лен твой высокий был. Какая у моего жаворонка голова, так чтобы и лен головастый был». В некоторых областях жаворонков отдавали первому встречному или посвящали Богу.

как правило, остаются неизвестными. Но в монастыре знают о них главное: это добрые и милосердные люди.

Паломницы, периодически бывающие в монастыре, не верят своим глазам. Каких-то семьдесят лет назад эти детки не могли ходить, не могли говорить. А теперь они ничем не отличаются от обычной сельской ребятни. Да еще посмотреть нужно, кто более воспитан и лучше овладел ремеслами. Девочки в монастыре учатся шитью, рисованию и вокалу. Специально для них из музыкальной школы в райцентре монастырь привозит два раза в неделю преподавателя...

«Причастие и молитва способны творить чудеса», – объясняет эти перемены инокиня Елизавета, машет рукой и зовет детей заканчивать катание. Впереди еще несколько уроков в классе. А вечером после ужина – выпечка жаворонков в монастырской трапезной.

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТЕЛИ!

Мне поручили ответственное и непростое задание – раскатывать тесто для жаворонков. Тесто в трапезную доставила инокиня Феодора, которая несет послушание на кухне. Между прочим, тесто сделано из муки, произведенной самим монастырем, – у обители большое собственное хозяйство.

Усердно взяя скалкой по тесту на большой разделочной доске, я прислушиваюсь к словам инокини Елизаветы. Внимательно слушают ее и девочки, собравшиеся вокруг длинного стола. Для них, кстати, эта просторная, с высоким потолком трапезная – не просто столовая. Летом и осенью они помогают монахиням перебирать ягоды и грибы, которые вместе с ними же и собирают. Заняты девочки и на сборе яблок, вишни, смородины. «В то лето научились резать яблоки на компот и на сушку!» – гордо сообщила мне маленькая Катя. К праздникам девочки помогают пекать торты и делать салаты.

Но сегодня случай особый. На выпечку жаворонков старшие девочки привели даже крох из детского сада. Лица под плащами разные. Но у всех одинаковое выражение – внимательное! Что-то рассказать о сорока Севастийских мучениках, в день памяти которых пекутся жаворонки, может каждая. Инокиня Елизавета едва успевает поправлять и дополнять желающих просветить меня. Девочки наперебой рассказывают о сорока воинах-христианах, которых их военачальник наказал за веру в Христа. В сильный мороз воинов раздели и под стражей оставили стоять на льду озера всю ночь. Один из стражников увидел, что над головой каждого мученика появился светлый венец, и решил присоединиться к мученикам. По народному календарю в день гибели сорока мучеников заканчивается зима и начинается весна. В этот день пекли из разного теста жаворонков с распростертыми крыльишками. Все знают, что жаворонок, высоко взлетая в небо, вдруг внезап-

но падает вниз. «Как будто душа взлетает высоко к Богу, а потом смиряется, – задумчиво говорит инокиня Елизавета. Потом улыбается: – Так сколько жаворонков мы должны сегодня испечь?» «Сорок!» – хором отвечают дети и, толкаясь, облепляют длинный стол. Работа закипела. Я не успеваю раскатывать тесто, из которого дети лепят птичек. Глаза у жаворонков – из изюма, зерен гороха и перца. Вскоре рядами жаворонков усеян один противень,

второй... Инокиня Феодора уносит их на кухню, а оттуда приносит показать детям жаворонков, которых слепила она сама. Конечно, ее жаворонки воспринимаются как образец. Но и те, что вылепили дети, тоже хороши! Сначала из теста делают колбаску, потом сворачивают ее узелком, вытягивают из него головку. Хвостик режут лаптичкой. Шум и гам в трапезной стоят невообразимые! Оно и понятно: не у всех жаворонки сразу получаются. У кого-то крыльиш-

ки и хвостик срослись. У кого-то головка слишком маленькая. А у кого-то хвостик птички выглядит как... ромашка. Того и гляди тесто станет соленым от слез! Июнкиня Елизавета успокаивает: «Давайте с вами «Богородицу» пропоем, и все у нас получится!» И правда, с этого момента работа в трапезной идет как по маслу. Каждая из девочек тянет готовую птичку в сложенных корзиночкой ладошках июнкине Елизавете. Новый жаворонок готов!

Первую партию выпеченных жаворонков встречает оглушительный крик: «Жаворонки прилетели!» «Я самого большого испекла!» «Нет! Самого большого мать Феодора испекла!» «Маме! Маме отнесу!» – громко кричит девочка Мария. Своей родной мамы у нее, как и у других девочек, нет. «Мамами девочки называют некоторых из монахинь», – поясняет июнкиня Елизавета.

Когда в монастырь привезли первую группу девочек из Дома малютки, стало ясно, что каждая из них нуждается в индивидуальном уходе. По благословению духовника обители отца Алексия монахини разбирали девочек прямо на монастырском дворе и уносили малышек к себе в кельи. Этих-то монахинь выросшие девочки и называют своими мамами. Им они несут свои рисунки, читают выученное сти-

хотоврение или молитву, поют разученную песню. Им они передаривают гостинцы, полученные от паломников... В том, что девочка Мария прижимает к груди готовых жаворонков и громче всех кричит, что отнесет их «маме», для июнки Елизаветы нет ничего удивительного. История Марии и ее воспитательницы, матери Иоанны, в монастыре самая известная...

НОВАЯ ЖИЗНЬ

...Марию привезли сюда так же, как и других, – в очередной группе девочек из Дома малютки. Только никто ее брать не хотел: по здоровью малышка была в ужасном состоянии, да и кричала она так, что монахини тут же окрестили ее «трубой иерихонской». Но в итоге попала Мария в руки матушки Анны. Монахиня Анна несла послушания на скотном дворе и в пекарне. Поэтому в дневное время ухаживать за девочкой отец Алексий благословил 89-летнюю монахиню Иоанну. А такую монахиню, как она, еще поискать надо: в годы войны бесстрашная женщина была разведчицей у украинских партизан. История ее жизни известна чуть ли не всему монастырю. Поделилась ею она и с нами, когда мы ее навестили вместе с Мариией. Пока мы беседовали, мать Иоанна часто обнималась со своей воспитанницей, которая держала ее за руку и напоминала: «А помнишь, ты рассказывала!» Матушке Иоанне есть что вспомнить.

Самые страшные годы в ее жизни – оккупация немцами Украины. Пять раз девушка сбегала из групп, отправляемых для работы в Германию. Первый раз спрыгнула прямо с поезда. Ее схватили дома, пообещали повесить. Она снова совершила побег: оконные рамы в здании, где ее держали, расшатались от взрывов бомб: высадить окно не составило труда. Вместе с Любой (так в миру звали матушку Иоанну) держали и других парней и девушек, однако бежать помимо нее решились только двое. Что с ними стало позже, она так никогда и не узнала. Люба сигналила со второго этажа и бежала, пока хватало сил. До дома она добралась босой, в разодранном платье и с глубокими ранами на спине. Мать спрятала ее на сеновале. Через день друг отца (отец был в партизанах. – Прим. авт.), спрятав Любу на дне телеги, отвез ее в хозяйство, организованное для поставки продуктов немецким солдатам. Сам он работал там бухгалтером. Устроил

Любу работать свинаркой, поручили ей откармливать свинью для немецкого офицера. Офицер попался строгий и дотошный, сам приезжал проверять, как ухаживают за свиньей. «Бухгалтеру, который привез меня туда, я сказала: «Немцам свинья не достанется, отдадим партизанам!» – смеется матушка Иоанна. Потом вздыхает: – Как давно это было! Глупые были. Боженька нами управлял».

Раз вечером полицаи, охранявшие хозяйство, решили устроить танцы. Только завели патефон, сложили оружие на койки и расстегнули кители, как нагрянули партизаны. Хозяйство было разгромлено... А утром понаехали на машинах немцы, над лесом, где прятались партизаны, кружили самолеты и сбрасывали бомбы. Любу вызвали в комендатуру и строго допрашивали по поводу пропавшей свиньи. Переводчиком на допросе была одноклассница Любы, знаяшая, что девушка уклонялась от отправки в Германию. Надеяться на молчание подруги было опасно, да и немцы в районе стали зверствовать...

Люба послушалась совета друга отца и ушла к партизанам.

В партизанском отряде она стала и поваром, и связной. Носила в тайники пакеты, ходила в разведку. После войны работала поваром в детском саду, потом заместителем директора строительного треста по хозяйству. Директору понравился командный голос Любы и ее приверженность к порядку. Трест строил каналы в Узбекистане, там Люба и вышла замуж, жили в городе Нуреке. Был свой дом, своя машина. Все вроде хорошо, вот только ребенка не было. Муж ей попался неверующий, не хотел с женой венчаться. До ссор доходило. И однажды, после очередного скандала, Люба бросила мужа и хозяйство без сожалений. И пошла жить при храме, пекла просфоры. В конце концов настоятель храма отец Александр предложил бездомной женщине жить в его семье.

В 90-годы Узбекистан им пришлось покинуть. Отец Алекс

сандр получил назначение в один из монастырей пензенского села Наровчат. Переехала с семьей священника и Любовь. Затем отца Александра перевели на новое место, а Любовь перебралась в Свято-Варсонофиевский монастырь. К тому времени она перенесла инфаркт, сил у нее поубавилось, просфоры печь она больше не могла. Через год Любовь приняла монашеский постриг. Сначала исполняла послушание на кухне, потом ее поставили в церковную лавку, после на складе работала, картошку и морковь чистила. Второй инфаркт перенесла на ногах. Ни на что не жаловалась, послушания «полегче» не просила. Пораженный ее стойкостью, отец Алексий однажды спросил: «А не хочешь ли, матушка, побить в няньках?» Да какая из нее нянька-то? А отец Алексий продолжил: «Иди к матери Анне! Будешь за девочкой смотреть». Днем монахиня Анна в пекарне работала, вечером корову доила. Приходила поздно и забирала у матушки Иоанны девочку. Но однажды она пришла и заявила матери Иоанне, что больше не мо- жет: «У меня голова трещит, так она кричит!» Мать Иоанна испугалась. Села она рядом с девочкой, пригорюнилась. Та ее зашепотила обняла, стали обе реветь. «Старый и малый», – улыбается матушка Иоанна, вспоминая те минуты. Матушка Иоанна переставила кровать в келье, чтобы девочка могла рядом с ней спать. Полгода буквально на коленях перед ней стояла. Делала девочке массаж, растирала кремами, кормила, заставляла девочку ходить, водила на причастие. «А перепугалась по-настоящему один раз, – вспоминает матушка Иоанна. – Девочка однажды зачричала: «Мама!» Я вздрогнула. Обернулась: дверь закрыта. Вроде никто не слышит. А девочка ко мне руки тянет. И целует, и обнимает. «Доченька!» – говорю ей. А у самой сердце останавливается от чувств. Третий инфаркт того и гляди стукнет. Ну какая я мама! Я батюшке пожаловалась: «Что вы меня бросили? Никто не появился: ни вы, ни игуменья! Как ушла Анна, я одна осталась с ребенком!» Отец Алексий девочку Марию поцеловал, а матушку Иоанну обнял: «Матушка!

Это Бог тебя наградил! Ты же детей хотела? Вот тебе!» Так и осталась мать Иоанна с Марией. Она узнала, что и других монахинь их воспитанницы зовут мамами. А когда увидела, что и духовника обители девочки зовут папой, а тот в ответ ласково улыбается, перестала стесняться...

За прошедшие годы мать Иоанна рассказала Марии всю свою жизнь. Как были немцы, как возили в Германию, как убежала от мужа и жила в церквях, как попала в этот монастырь...

Мария совершенно освободилась от всех своих хворей. Теперь она на удивление всем и пляшет, и поет...

«Вот, вынянчила куклу больше себя! – говорит мать Иоанна, с гордостью показывая на свою воспитанницу. И тут же спохватывается. – Ох, Господи, Господи, прости меня!» Ей и самой чудно, что она в монастыре обрела дочь. Мать Иоанна научила девочку молиться за своих кровных родителей. Чтобы тех Бог не оставил.

Бывают случаи, когда родители, одумавшись, приезжают в монастырь и просят своих дево-

чек вернуться. Недавно отец одной из воспитанниц, отбывший срок в колонии, приехал и привез с собой старших сестер своей дочери. Они рассказали о приготовленной для нее комнате и игрушках. Но девочка отказалась, правда, предложила отцу поселиться рядом с монастырем. Все девочки сохраняют трогательную привязанность к своим «мамам». Став совершенно немощной, мать Иоанна перебралась жить в богадельню при монастыре. И туда ее воспитанница Мария бегает в день по несколько раз. Последнюю девочку из Дома мальчики в монастырь привезли так давно, что когда это было – точно уже никто не помнит. Сам монастырь таких детей специально не ищет. Но если возникнет необходимость помочь – не откажет. «То, что таких деток к нам больше не приводят, это хорошо, – говорит инокиня Елизавета. – Значит, слава Богу, ситуация понемногу меняется». Монастырь не возражает против возвращения детей в родные семьи. Это – самый лучший вариант. Но подобные случаи – редкость. Вопреки слу-

хам, монастырь не воспитывает из девочек монахинь. Получив образование, которое они после нескольких классов в монастыре продолжают в школе, девочки вольны распоряжаться своей жизнью сами.

...На следующий день девочки с печеными жаворонками выбежали на улицу окликать весну. Для них это не только смена времени года и новые впечатления. Они очень ждут лета. Ведь у них запланирована на это время поездка в Тамбовскую епархию, паломничество в Киево-Печерскую лавру и много-много других путешествий.

Девочки держали в руке по жаворонку и высоко поднимали их, тянулись к небу. У Марии были две птички. Одну из них она подарила на память мне. И я бережно принял жаворонка из ладонек, которые были меньше моей ладони в два раза. А второго жаворонка Мария побежала дарить своей маме – монахине Иоанне. Мы долго смотрели ей вслед...

Имена девочек в публикации изменены.

БРЮСОВ. БЛОК. БРЕТАНЬ

автор

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

ВЕЛИКО ИСКУШЕНИЕ НАЧАТЬ, ВСЛЕД ЗА КЛАССИКОМ, ПО-ФРАНЦУЗСКИ. ТЕМ ПАЧЕ, ЧТО ИСТОРИЯ ЭТА И ПРОИЗОШЛА, ВСЯ, ВО ФРАНЦИИ И НАЧАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ СТИХАМИ, ВЫЧИТАННЫМИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ БРОШЮРЕ: SOUVIENS-TU? DANS NOTRE BAIE ENSOMMEILLÉ // L'ONDE VERTE DORMAIT... («ТЫ ПОМНИШЬ, В НАШЕЙ БУХТЕ СОННОЙ // СПАЛА ЗЕЛЕННАЯ ВОДА...») АЛЕКСАНДР БЛОК НАПИСАЛ ИХ В 1911 ГОДУ В НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНОМ МЕСТЕЧКЕ АБЕРВРАК, НА САМОМ КРАЮ ЗЕМЛИ, В БРЕТОНСКИХ ЗЕМЛЯХ ФИНИСТЕРА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

РУПРЕХТ

Писем из Бretани написано было Блоком много. Образных, в основном – матери. Он присоединился к уехавшей раньше него на отдых в Аберврак жене, Любови Дмитриевне... и признавался, что поехал в бretонские, кельтские, армориканские земли почти что «вслед» за Брюсовым. А как попал в эти забытые уголки сам Валерий Брюсов?

Три имени важны для той, отдельной истории: Андрей Белый – Нина Петровская – Валерий Брюсов. Больше, чем «любовный треугольник». «Треугольник» разомкнулся, не возникнув, – Нина Петровская рассталась с Белым и стала возлюбленной Брюсова почти сразу после знакомства с ним. Поэт пишет о времени первых встреч: «Для меня – это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги *Stephanos* («Бе-

нок»). Кое-что вошло и в роман «Огненный ангел». Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь съзнова». Все трое воплотились в героев «Ангела»: Белый – в Генриха фон Оттергейма, Нина – в Ренату, Брюсов – в Рупрехта. Дальше вся жизнь для Нины и Брюсова проходила между встречами и не-встречами, между явью и вымыслом, между страстью и ненавистью. Несколько лет горения, несколько лет на скручивание проверяемых чувств, где каждый бросает вновь и вновь свою жизнь в пламя страсти. Страсть то загухает, то, как феникс, восстает из пепла... в ней устали оба. Все эти годы оба жили брюсовскими «мгновениями»: «Костра расторгнутая сила // Двух тел сожгла одну мечту...» Нина больше обожжена, она в самой жизни воплощается в Ренату... так и останется в ней до конца дней. А Брюсов... Написав «Ангела», напитав страницы книги живой кровью прообразов героев, остывает... Роль Рупрехта в жизни – не по нем.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Не спасается ли Брюсов от необузданных протуберанцев страсти во Франции? В 1908 году, в самый разгар огневого романа с Ниной Петровской, он отправляется с женой во Францию. Добирается до небольшого городка на берегу Атлантического океана – Сен-Жан-де-Люз, в предгорьях Пиренеев. Строки в дневниках Брюсова за эти годы скучны до необычайности. Там – места встреч, перечисление фамилий, упоминание городов, всякая ерунда, вроде «утром – кофе с вареньем»... Там – только три строки занимает описание бретонской поездки в «Летнем путешествии 1908».

Почему так?

Поиски подробностей приводят к личному архиву составителя биографии Брюсова в ЖЗЛ – Рему Леонидовичу Щербакову. О его знании жизни поэта рассказывают легенды. Некоторые тепло над ним посмеивались: «Рем знает о Брюсове все, даже когда тот ходил по малой нужде» – так до скончания изучена им жизнь Валерия Ивановича. В небольшой, уютной, такой «старомосковской» квартире одна комната отдана под кабинет, полки занимают все стены от пола до потолка. Книги ютятся в каждом закоулке: в огромном ореховом шкафу – в три ряда, над дверью в гостиную, в стеклянном шкафу, закрытом на маленький накидной крючок, как садовая калитка... Когда мы с Еленой Гавриловной, вдовой Рема, открываем этот огромный стеклянный шкаф, заполненный архаичными каталожными ящиками, становится понятно, что здесь действительно собрана вся жизнь Брюсова. Достаточно быстро находим интересующее нас время. Вот – те самые строки, на пожелтевших картонках. Четким почерком выписаны конкретные детали. «Железная дорога.

Тулуза. Ночь. Вид на Лурд. Крушение вскоре после Лурда. Два часа в поле. Ночью приезжаем в St. Jean de Luz. Наши комнаты, кухня, балкон, цветы, наши завтраки и обеды, купанье, поездки в Биарриц. Моя поездка в Брест. Обедаю в Бордо. Утром в Бресте. Встреча с Ниной <Петровской>. Ссора. Встреча в кафе. Ночью она заболевает. Дни ее болезни. Шесть дней. Прощание. Путь назад. Вечер в Кемпера. Собор в Кемпера. Вторая ночь в Бордо. Возвращение в St. Jean de Luz. Мирная жизнь». Дневник поэта – канва, истинная ткань жизни соткана в стихе. Лишь несколько слов о встрече с Петровской, о тех мучительных моментах свиданий, что всякий раз подвергали сердце поэта пыткам откровений. Любовь для него превращается в перегоревшую страсть. Он измучен «воскресениями», «огненными крещениями», стремится опять стать самим собой. Освежающе и благотворно действует на него мощь и молчаливость собора Кемпера, во тьме возникшего, «вонзая в небо две иглы»... Острыми шипами шпилей распорота страдающая душа поэта, которая стала истекать густой влагой тоски. Он почувствовал, как из сущности его прорастает другое существо, всегда, со тьмы времен, существовавшее в нем. Преклонившийся перед собором «бродяга безымянный» – не мятущийся пушкинский «самозванец», он – не в сиюминутном существовании. Его образы – из дальних веков... Как ученик после созерцания Изиды, поэт, страдающий перед кемперским собором, рождается вновь. И это рождение воспринимает как «музыку сфер», звучащую по всему пространству, как идущее вместе с этой музыкой Мировое Слово, творческое Мировое Слово...

По странному совпадению, для Александра Блока то лето 1908 года тоже полно страданий и объяснений с Любовью Дмитриевной, полно писем «на изломе», ее – с юга России, его – из дома.

К моменту поездки в Аберврак все изменится, оба пройдут через череду испытаний, потерь. И здесь тоже разомкнется, на этот раз уже настоящий, «треугольник»: Андрей Белый – Любовь Дмитриевна – Блок... В Бретани Блок шел по следам Брюсова, он искал следов событий, следов реальных предметов... забыв на время, что истинное таинство свершается невидимо, что только душа поэта восторгается в откровении. Он так и напишет в письме матери: «Стихотворение Брюсова «К собору Кемпера» могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не «безгласен». Все его очарование – в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов; очень уютные гробницы, много утвари, гербов, статуй, сводиков, лавочек и пр. Башни его не очень давно перестроены, готика – прекрасная, но не великая, и даже в замысле искривления алтаря нет величия, хотя много смелости – талантливо, но не гениально». Для Блока собор Кемпера «безгласен» не был... но Блок и голоса его не услышал.

К собору Кемпера

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный
Во тьме ты вырос предо мной.
Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете
Как властелин окрестной мглы.
Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле – ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!
Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величьем обличен!
И вот – бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1/14 сентября 1908

Quimper

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

БЕРЕГ ОКЕАНА

Не приходилось ли вам читать монолог Гамлета в датском замке Кронборг? Не появлялось ли желания раскрыть том с «Борисом Годуновым» в кремлевских палатах? Драма «Роза и Крест» пронизана присутствием бретонских воспоминаний...

Я стою высоко, на холме, над заливом Аберврак, прислонившись к беленой стене старого семафора. Далеко внизу, по пляжу, немного боком и борясь с напором ветра, прогуливается праздная компания туристов.

Здесь слышен голос океана. Звук его соткан из вздохов волн, жалобных голосов куличков на галечной отмели. В замшелой ограде, словно зуб, выпал камень, ветер то посвистывает в этой дыре, то шепелявит. Этот мерный шум режет снежной чайки крик. «Действие второе. Сцена первая. Берег океана»... Страницы пьесы рвутся из рук, они – белы как снег, они – почти пернаты, как чайки. Поднимашь глаза – вот он, тот самый берег. Ветер заплещет в плотные жгуты медовый аромат вересковых пустошей и терпкий резкий запах сохнувших на песке водорослей. Постепенно подступают сумерки и наползает с моря туман.

Бертран (на коне)

Куда я заехал? Снег слепит глаза, ветер свистит в уши! Безумец! Все равно – вперед, усталый конь!

Скрывается за камнем.

В своих записках и советах к неосуществленной постановке «Розы и Креста» в Художественном театре Блок настаивает на том, что исторический контекст не важен для пьесы, что «первые планы, чертежи драмы, в тот период творчества, когда художник собирается в один нервный клубок, не позволяет себе разбрасываться, – все это было, так сказать, внеисторично. История и эпоха пришли на помощь только во второй период, когда художник позволяет себе осматриваться, вспоминать, замечать, когда он «распускает» себя».

Известно, что заглавие драмы – «Роза и Крест» – было результатом очень долгих сомнений и колебаний для поэта. Да и сам Блок записал в дневнике 21 ноября 1912 года: «...я не имею достаточной духовной силы для того, чтобы разобраться в спутанных «для красы» только, только художественно, символах Розы и Креста». Многие литераторы и философы – Жирмунский, Мурьянов, Небольсин – погружаются в символизм, историю средневековых ритуалов, изучают и разгадывают тайны христианских символов, чтобы, как старатели-алхимики, добыть малые крупицы знания и понимания пьесы. Как сказано в статье М. Мурьянова: «Мы полагаем, что розенкрайцерский план блоковского символа существует объективно и был ясно осознан самим художником, даже если он заявил: я не имею права говорить о мистической Розе». Эти исследования – знаменательные и увлекательные – для тиши кабинетов и библиотек... А нам – простор синих далей и живой голос океана!

Гээтан

Так мимо монастырского сада – к колодцу, от колодца – в гору, до первых домов Ландеда...

Рыбак

Кто же не знает Ландеда! Мы все туда на праздник ходим...

Гээтан

Поверни, не доходя до церкви, налево, полем, там скоро и будет Трауменек.

Стоит последовать указаниям сказочного героя... Все правда – в полутора километрах от берега, почти у края дороги, на просторном поле, обнаруживается сумрачная часовня.

В прежние времена замок-крепость с круглыми башнями среди непроходимых лесов мог спасти и от вражеского наступления, и от дикого зверя. В прошлом веке разрушающиеся стены растащили на постройки, колодец пришел в негодность, осталась лишь часовня. Рядом – гранитный придорожный крест – без украшений, без Христа. Это все, что осталось от усадьбы, послужившей Блоку прообразом Трауменека. Поэт слегка изменил название – в бретонское слово примешал немецкое *traum* – сон, мечта... На самом деле название ее – Часовня Троменек, или Часовня Святого Лаврентия. Их много по всей Бретани – таких одиноких часовен, которые тщетно сохраняют жители окружающих сел. Блок пишет по-французски на открытке с изображением замка: «Часовня замка Троменек. Она заключает гробницу одного сеньера де Карман и построена графом де Троменек во исполнение принятой им дуэли» и прибавляет на лицевой стороне: «Неподалеку от замка Троменек. Очевидно, оба выскочили оттуда пьяны (Карман был у него в гостях) и дрались до тех пор, пока не убили друг друга».

Рыбак (убегая)

Спаси, господи! Эти рыцари вечно дерутся!

Собственно, так и было: у ворот в бретонский поселок Ландеда много лет после окончания в Бретани Религиозных войн, в 1600 году, случилась настоящая человеческая трагедия. У тогдашнего владельца Троменека, католика Вильгельма Симона, были свои представления о правилах ведения войны. Он не внял призывам местной власти о прекращении насилия и пошаливал с горсткой соратников на землях Леонской епархии. О том прознал сосед, мелкопоместный дворянин Франсуа Де Кермаван, союзник леонского епископа. Явившись в поместье Вильгельма, Франсуа вызвал того на дуэль. Ясно, что епископ, о чьих интересах так пекся Де Кермаван, не был в курсе столь неугодного Богу и церкви поведения. Возмездие не заставило себя ждать: Вильгельм Симон, убивший на дуэли своего соперника, был отлучен от церкви – предельно суровое наказание для ревностного католика! Вильгельм бросается во дворец епископа и вымаливает прощение, но он обязан выплатить большую сумму денег семье Де Кермава-

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

на и построить над могилой жертвы часовню. И если заглянуть сегодня через разбитое окошко в ледяную тьму часовни, то можно различить позеленелый надгробный камень с лежащим рыцарем... «Благородный Вильгельм Симон, сеньор Троменека, воздвиг сей могильный камень. Прости его, Господи».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. В АББАТСТВЕ АНГЕЛОВ

Корней Чуковский пишет в книге «Александр Блок как человек и поэт»: «После женитьбы жизнь Блока потекла почти без событий. Как многие представители дворянского периода нашей словесности, как Боткин, Тургенев, Майков, Блок часто бывал за границей – на немецких и французских курортах, в Испании, скитался по ита-

льянским и нидерландским музеям – посещал Европу, как образованный русский барин, как человек сороковых годов».

Но поездка в Бретань – особенная. «Это время с 1908 по 1915 год было мрачной полосой его жизни, – продолжает Чуковский. – Религиозная натура, которой для того, чтобы жить, нужно было набожно любить и набожно верить, – он вдруг окончательно понял, что любить ему нечего и верить не во что. Прекрасная Дама ушла. А без нее пустота. «Ты отошла, и я в пустыне» – таково с той поры его постоянное чувство».

Во многих стихах того периода улавливается это состояние поэта. Он существует как в пласте сползающего со склона снега, где все вдруг пришло в движение, весь мир окружающий сполза-

ет вместе с ним в пропасть. Но как самый малый камешек может вызвать камнепад, так и – обратным действием – самая малость может остановить головокружительное верчение и разрушение мира. «Ты возвращаешься домой // И тяжелит ресницы иней, – // Тогда – остановись на миг // Послушать тишину ночную». И это малое усилие душевное все может успокоить и расставить по местам. «Ты все благословишь тогда, // Поняв, что жизнь – безмерно боле, // Чем quantum satis Бранда воли, // А мир прекрасен как всегда».

По совету врачей, прописавших морские купания, отправляется Блок за границу в 1911 году. Он едет на Атлантику и первые впечатления от Франции почти восторженны. Он путешествует один, в жару, стремится поскорее добраться до Аберврака, где ждет его Любовь Дмитриевна, и даже долгие переезды, неудобство вагонов, суета и спешка пересадок не меняют его настроения. Вот наконец, проехав по всей Европе, достигает самой крайней ее оконечности – Британи: «Третьего дня – выехал из Парижа, было до 30°, все изнемогали в вагоне, у меня уже начало путаться в голове; так было до вечера. Вдруг поезд пролетел два коротких туннеля, и все изменилось, как в сказке: суровая страна со скалами, колючим кустарником и папорот-

ником и густым туманом. Это – влияние океана – уже за час до Бреста. В Бресте – рейд полон военных кораблей. Я подумал – и вдруг решил ехать на автомобиле, а не ночевать в гостинице. 36 километров мы промчались в час. Очень таинственно: ночь наступает, туман все гуще, и большой автомобиль с фонарем несется по белым шоссе, так что все шарахаются в стороны. И черные силуэты церквей. – Наконец появились маяки, и мы, проблуждая некоторое время в тумане, нашли гостиницу и въехали во двор. Люба только что засыпала».

Именно это письмо заставило меня отправиться в места, где столько открылось и Брюсову, и Блоку. Где живут люди, до сих пор считающие себя кельтами. Где узкие фьорды глубоко прорезают гранитные берега. Где туман порой так плотен, что в молочном пространстве ревуны заставляют сжиматься сердце от смутного беспокойства. Где берег зовут Берегом Легенд не для красивого слова, а потому что здесь все еще живы старинные предания.

Мне повезло – самолет приземлился в Бресте на закате, и поездка в Аберврак, сто лет спустя, была повторением блоковской. Ночь наступала, деревья как белые призраки внезапно выходили к краю дороги, освещенные фарами, и так же внезапно отступали во мрак. И светящиеся миражи церквей. Лишь вдалеке маяки беззвучно сметали лучом своим звездные крошки с небес... Все было как прежде...

Гаэтан

Слышишь, стоны?

Сирена вероломная поет...

Бертран

Я слышу только волн печальный голос.

Не медли, друг! Через туман – вперед!

На следующий день меня ждал в Абервраке Рене Ле Верж, поэт и художник, местная знаменитость. Бретонец Рене знает почти все о пребывании Блока в Абервраке. Он знает даже то, чего не знал Блок. Мы садимся в припортовом кафе, заказываем «рюмочку чая», и Рене с удовольствием читает мне строки из блоковского письма: «Мы живем в доме XVII века, который был церковью. Рядом с моей комнатой прячут обломки кораблей. Здесь самое красивое – дворик нашего отеля со старой смоковницей, с воротами в сад, где груша посажена еще монахами, и со св. Марком на столбе – без головы (ее отрубили в революции)».

Гостиница, в которой останавливались Блоки, находилась тогда в здании монастыря XVI века, который трепетно и вдохновенно называли Аббатством Ангелов – L'Abbaye des Anges. Опустевший после Великой французской революции, он несколько раз переходил из рук в руки, пока в 1900 году в нем не обустроили комнаты для путешественников. Нынешние хозяева уже несколько лет восстанавливают старейшую часть монастыря – храм, освященный в 1507 году.

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелье матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал.

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет
странным,
Закутанным в цветной туман!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ЧЕХОВСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Понемногу слаживается возбуждение от путешествия через всю Европу, дневной ритм Блока становится размеренным, вливается в обыденную жизнь небольшой бретонской деревушки. От утверждений «Аберврак – я думаю – лучшее место в Бретани» он переходит к «жизнь, разумеется, как везде, убога и жалка настолько же, насколько пышно ее можно описать и нарисовать (т.е. – вечное торжество искусства)». Все больше и больше талантливой иронии появляется в его письмах матери: «Занимательны здешние жители: в них есть чеховское, так как Бретань осталась в хвосте цивилизации <...> Например, единственный здешний доктор: всегда пьяный старик с длинной трубкой; у него зеленые глаза (как у всех приморских жителей), но на одном – багровый нарост. Он мягок, словоохотлив и глубоко несчастен внешне, но, кажется, внутренно счастлив; всегда ему кажется, что его кто-то ждет и кто-то к нему должен прийти; с утра до вечера бегает взад и вперед по набережной. Его давно уже заменил горбатый доктор из соседнего села, приезжающий в маленьком автомобиле; но он не смущается, всегда в повышенном настроении (от аперитивов), рассказывает иностранцам историю соседних замков <...> и таскает толстую книгу – жития бретонских святых; очень интересная книга – я из нее кое-что переписал. – Он просит похоронить себя в море, потому что предпочитает быть съеденным крабами и лангустами, чем земляными червями.

Другой – был когда-то архитектором и рисует в свободное время; но с горькой иронией рассказывает, что не выдержал экзамена в Ecole des beaux arts (хотя и прожил 11 лет в Париже; Париж предстоит им всем как обетованная земля – всегда и неизменно в виде «Москвы» для трех сестер) – и принужден был жениться на дочери фабриканта и заняться выработкой йода и соды. <...>

Третий – *propriétaire*, – удит рыбу, охотится и вспоминает с восторгом, как его напоили в Петербурге, где он был с эскадрой адмирала Жерве <...>

Хозяин наш – республиканец, соврет все, что ни скажет; рассказывает о природе Флориды, о своем пребывании в Америке, об уменье боксировать и о том, что герб св. Марка – собака, а не лев (последнее – с ожесточенной уверенностью). Он представляется всем смелым мореплавателем, но, кажется, он был поваром на пароходе; это бывает заметно по воскресеньям, когда он сам готовит кушанье. Супруга его – монархистка и добрая католичка, а потому уморительно ссорится с мужем».

Эти меткие наблюдения особо привлекают внимание сегодняшних исследователей местной истории. Не только потому, что они считают именно Чехова настоящим художником «загадочной русской души», но и потому, что за десятилетия мало что изменилось. Мой новый знакомый, поэт Рене, так описывает нравы в Абервраке всего лет тридцать назад: «Танцуют меньше, но пьют по-прежнему»,

и еще – «скуку теперь лечат наркотиками». Достается и нынешнему доктору: «Он не старик, поэтому не пьет, а закручивает интрижки».

А что Блок? Он купается, давая подробный отчет, сколько минут он выдержал в холодной воде, гуляет по окрестностям. Но все больше и больше скучает... «Впоследствии будет приятно вспоминать эту гиперборейскую деревушку, но теперь часто слишком заставляют страдать – скука, висящая в воздухе, и неотъемлемое качество французов (а бретонцев, кажется, по преимуществу) – невылезная грязь, прежде всего – физическая, а потом и душевная». И поэтому, «вдруг», настоящее приключение для всех – четыре миноноски вошли в бухту! К нему разом возвращается ощущение непрочности окружающей реальности. Да, мир сползает к каким-то, ему неведомым трагедиям.

Здесь, вдалеке от цивилизации, в стране ветра, туманов, распахнутого океанского простора, сходятся все предчувствия и выверяются все предположения. Блок оказался вдалеке от привычного петербургского окружения, кропотливой литературной работы, ему дарована пауза. Эта пауза взята ради любви и рядом с Любовью. «Беспокоюсь о тебе постоянно, – писал жене Блок перед отъездом в Бретань из Шахматова. – Происходит совершенно неестественная и нелепая вещь; ты ездишь и смотришь, не имея времени углубиться и найти себя; я сижу на месте и питаюсь мыслями, находя и тебя, и себя, и то, что нас обоих кроет и соединяет. Уезжай на океан, купайся, смотри на воду и думай». Забылась, затуманилась, отошла глухая боль от череды испытаний. Предчувствуются, предоносятся новые страдания. Но впечатления бесконтрольно наполняют душу поэта, чтобы прорасти светлым прославлением любви в строках его последней драмы, «Роза и Крест». И несколько недель у океана он может отдаваться своей любимой стихии – ветру. «Хочу, всегда хочу смотреть в глаза людские, и пить вино, и женщин целовать, и яростью желаний полнить вечер, когда жара мешает днем мечтать и песни петь! И слушать в мире ветер!»

Бертран

Я понял, понял, Изора:

Сердцу закон непреложный –

Радость-Страданье одно...

Радость, о, Радость-Страданье,

Боль неизведанных ран!..

«В сущности, Блок всегда был Бертраном, – напишет позже Чуковский, – но осознал это только теперь; если даже некого любить, будем любить, все равно кого и за что! Не в кого верить, но не верить нельзя! Идти некуда, но будем идти. Будем жертвовать собою во имя чего бы то ни было, потому что только жертвами освящается жизнь. Нас не запугаешь бесцельностью:

Пускай Олимпийцы завистливым оком

Глядят на борьбу непреклонных сердец,

Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,

Тот вырвал из рук их победный венец». ❶

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

СТАРИННЫЕ КУПЕЧЕСКИЕ ГОРОДА КАШИН И КАЛЯЗИН НА ВОЛГЕ НЕ ПРЕТЕНДУЮТ НА ЗВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ МЕККИ. ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА ТОРЧАЩУЮ ИЗ РЕКИ ЗНАМЕНИТУЮ КАЛЯЗИНСКУЮ КОЛОКОЛЬЮ, КОТОРУЮ ТАК ЛЮБЯТ ФОТОГРАФЫ. СЧИТАЕТСЯ, БУДТО ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ – ЭТО НЕВЕЗУЧИЕ, ЗАБЫТЫЕ СУДЬБОЙ МЕСТА, СКУЧАЮЩИЕ ВДАЛИ ОТ КРУПНЫХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ. ЗАТО ЗДЕСЬ, В КАШИНЕ И КАЛЯЗИНЕ, ОСОБЕННО ЗАМЕТНА РУССКАЯ СПОСОБНОСТЬ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ПРЕПЯТСТВИЯ И ИДТИ ВПЕРЕД НАПЕРЕКОР ВСЕМУ.

ДНЕМ КАЛЯЗИН обычно тих и безлюден. Кажется, любоваться здесь особенно нечем: архитектура – сплошная эклектика, от дореволюционных деревянных домов и купеческих особняков до сталинских коро-

бок и свежих краснокирпичных дворцов. И с первого взгляда не понятно – что это за город, откуда он вышел и куда идет?

Только если выбраться к Волге и увидеть колокольню уничтоженного Никольского собора, торчащую из воды в 200 метрах

от берега, становится ясно, что с этим городом случилось что-то страшное и непостижимое. Хотя вокруг вроде бы ничего необычного не происходит. Вот пожилой мужчина курит на понтоне, рыбак по колено в воде орудует спиннингом, маль-

В торговых рядах Кашина, как и в старину, идет торговля

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ФОТОГРАФИИ: КОНСТАНТИН КОКОШКИН

чик и девочка лет девяти «пекут блинчики» по воде...

Пожилой мужчина, представившийся Олегом, рассказывает, что в мае начнут ходить частные катера и лодки: перевозить желающих поближе рассмотреть легендарную затопленную колокольню – это местный бизнес. Я интересуюсь, чем еще занимаются 13,7 тысячи жителей Калязина. Вопреки ожиданиям никаких стонов про то, что «работы нет», не услышал. Помимо традиционных отраслей вроде деревообработки калязинский бизнес занял позиции в специфических нишах, где требуется явная креативность: например, артель из 30 рабочих находит клиентов среди воротил пар-

фюмерного бизнеса – делают витрины, оборудование для магазинов и бутиков. Еще в городе работают небольшие частные фабрики по производству льна, кружева, ароматических свечей, валенок и уксуса. А один бизнесмен решил производить кровати для восстановления после инсульта, разработанные по собственной технологии.

– Их у нас уже в больнице применяли, и люди потом на ноги вставали, – со знанием дела рассказывает Олег. – А ведь при инсультах главная проблема – выхаживание. Хозяину трудно такой товар продвигать. Зато конкурентов у него, наверное, немного.

– Предпринимательство в таком городе, как Калязин, удел

немногих, – делится владелец салона мобильной связи Игорь Дементьев. – Здесь нужно решать кучу проблем, которые в Москве никогда бы не возникли. К тому же надо примириться с тем, что у тебя провинциальный проект, под который трудно найти партнеров и инвестиции.

Ты, как хороший прыгун в высоту, должен прыгать на метр выше стандартной планки. Глядя на то, как калязинские женщины по старинке полощут белье с мостков в ледяной Волге, начинаешь яснее понимать слова Игоря Дементьева.

Да и вообще, любой разговор об успехах здесь относителен. Тем более что в последние годы Калязин появлялся в новостях на федеральных телеканалах все больше по негативным поводам: то самолет здесь разбился, то чиновника поймали на взятке, то возникли волнения на национальной почве. Но в этом и есть феномен калязинского характера: «все против нас, а мы – живы!» В прошлом Калязин, по сути, пережил примерно то же самое, что и Хиросима. Но японский город после бомбардировки стал символом нации, его воскрешали всем миром. Калязин же пробивался к свету сам, как трава сквозь трещины на асфальте.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Калязин по-прежнему производит впечатление тихого провинциального городка

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Поселение Никола на Жабне, на месте которого позже вырос Калязин, было известно летописям уже в XII веке. Дважды сельцо жгли монголы, да, впрочем, и свои его не пожалели: разорено оно было и во время княжеских усобиц. Приобретать вес поселение начало с XV века, когда рядом был построен грандиозный Троицкий Калязинский монастырь. Его еще называли Макарьевым – по имени святого Макария Калязинского, памятник которому сегодня воздевает руки к небу на берегу Волги, прямо напротив колокольни. К Макарию приходил за благословением купец Афанасий Никитин, перед тем как отправиться в дальний путь «за три моря» – в Индию. Здесь, в Троицком монастыре, побывал едва ли не каждый второй российский самодержец. В 1609 году здесь формировалось русское ополчение под командованием Михаила Скопина-Шуйского, здесь же было разбито польско-литовское войско...

В пору расцвета монастырю принадлежало 13 сел и 200 деревень, он был освобожден от повинностей и налогов. Вместе с монастырем росли и богатели местные жители. И в конце XVII века в единую Калязинскую слободу были объединены село Пирогово и Подмонастырская, или Калязинская, Никольская слобода. Постепенно городок прирастал купечеством и мастеровыми артелями. В Калязине, которому Екатерина II в 1775 году присвоила статус уездного города, отливали пушки, изготавливали порох, строили корабли, развивалось кузнечное, валяльное и кружевное дело. Дважды в год на местную ярмарку собирались деловые люди со всего Поволжья. По русской традиции после удачных сделок они щедро жертвовали на строительство храмов. Ну а та самая затопленная колокольня, что сегодня является визитной карточкой Калязина, была построена в 1800 году при Никольском соборе бывшего Николо-Жабенского монастыря.

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

Затопленная колокольня Никольского собора Николо-Жабенского монастыря

За шесть лет строители возвели пятиярусную ажурную башню высотой почти 75 метров. На колокольне было установлено 12 колоколов, из которых самый большой весил более тысячи пудов!

– Большевики в Калязине сломали большинство храмов еще до того, как возникла идея стро-

ительства Угличской ГЭС, – рассказывает Татьяна, экскурсовод из краеведческого музея Калязина. – Вообще-то сначала на Никольской колокольне собирались сделать парашютную вышку. Строительство плотины ГЭС сопровождалось созданием водохранилища, разливом Волги, и Калязин оказался в зоне затопления. Прежде чем под воду ушли две трети старого города, его рушили несколько недель. Колокольню отстоял один энтузиаст-ученый, который умолял сделать из нее маяк. Он даже добрался до Кремля, где его и поддержали. Александр Солженицын писал про Калязин: «Кто хочет увидеть единым взором, в один оконеч, нашу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калязинскую колокольню». Писатель сетовал на скопость большевиков, которые пожалели сил и средств на вторую плотину – тогда Калязин не превратился бы в «изневоленный Китеж». В 1939 году местные жители полагали, что колокольня дольше пяти лет не простоят: она ведь тоже ушла под воду на полтора проема (около 7 метров), а ледоход должен был по логике снести мягкие кирпичные стены. Но здание стоит уже 73 года. А в июне 1941 года на

Святая Анна Кашинская хранит свой любимый город и его Воскресенский собор

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

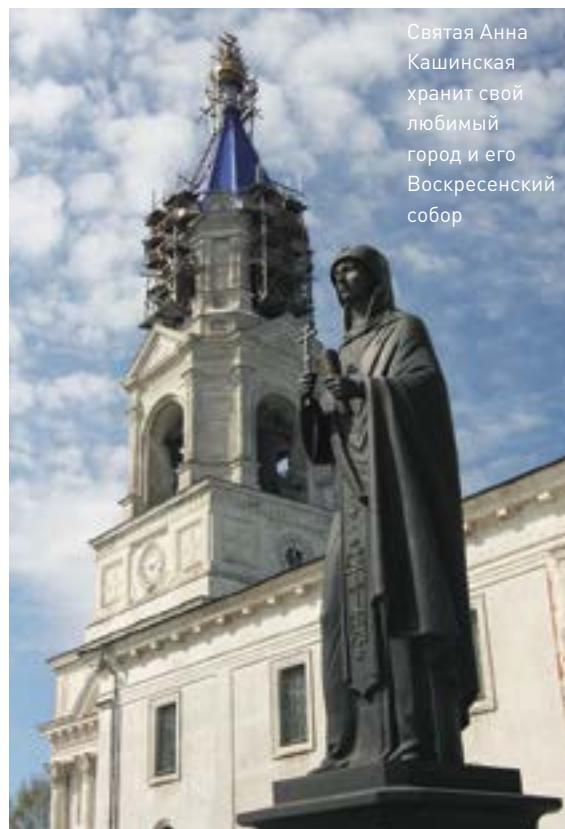

ФОТО: КОНСТАНТИН КОКОШКИН

затопленной колокольне неожиданно ударил колокол... История с колокольным боем обросла кучей легендарных подробностей, и сегодня уже почти не осталось людей, которые могли бы четко отделить в ней правду от вымысла. Нет никаких сомнений лишь в том, что перед затоплением с колокольни решили снять самый большой колокол. Его сняли с подвеса и опустили на бревна, чтобы вытолкнуть в арочный проем. Но оказалось, что гигант в него не

проходит и его нужно опускать ярусом ниже. Тут не выдержал подвес, и колокол улетел в подвал колокольни, сломав все деревянные перекрытия. Товарищи подумали, почесали затылки, да и разошлись по своим делам. А колокол затопило вместе со всем историческим центром. Потому-то набат, доносящийся из-под воды в начале июня 41-го, всполошил всю округу: старики говорили, что это к войне.

— Местные партийцы писали о набате в Калининский обком,

сохранились документы, — говорит историк Павел Серпухов. — Невозможно представить себе, что при живом Сталине местный секретарь стал бы утомлять начальство религиозной мистикой без крайней нужды. Но район был взвужден, на бат слышали даже в Кашине, то есть в 20 километрах от колокольни. Рассказывают, что впоследствии колокол был перед началом больших сражений — под Сталинградом, Ржевом, Курском. Партия отреагировала

РУССКИЙ МИР.RU / МАРТ / 2013

ФОТО: КОНСТАНТИН КОКОШКИН

ФОТО/КОНСТАНТИН КОКОШИН

только после войны: в 1946 году в Калязин пришел водолазный бот, и язык колокола закрепили. Но это не помогло.

Дальше начинается народная молва: будто бы набат бил даже зимой из-подо льда перед трагедиями в Ашхабаде и в Сарове, а в последний раз – перед вводом войск в Афганистан. В начале 50-х будто бы в Калязин прибыла серьезная научная экспедиция решать проблему с колоколом, но якобы сразу пятеро ученых начали болеть – от инсульта до... тропической лихорадки. Причем большинство выздоровели, как только экспедиция отъехала подальше от Калязина. Больше власти в местную мистику не лезли. Только в 1980 году земснаряд, углублявший волжский фарватер, намыл вокруг колокольни островок, которым теперь и пользуются местные «экскурсоводы».

И хотя документальных доказательств всех этих чудес нет, показательно, что местные жители не любят говорить о колоколе, да и о колокольне в целом. Жители штата Невада или окрестностей озера Лох-Несс замучили бы вас подробностями о якобы лично виденных ими чудесах. А калязинцы... Вообще-то они говорят, что колокольня символизирует убийство города.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Вместо эксплуатации мрачной темы затопленной колокольни в краеведческом музее раскручивают куда более оптимистичные программы: «Творения рук» (местные промыслы), «Благодатные вечера» (традиции русского романса и купеческих пикников на Волге), «Три города – три судьбы» (Кашин, Калязин, Углич). Хотя, кстати, судьба того же Кашина не менее драматична. Кашин – единственный в Тверской области город-курорт, где еще в XIX веке были открыты источники минеральной воды и построены санатории. Салтыков-Щедрин был родом из этих мест, и многие полагают, что именно с Кашина и Калязина он писал «Историю одного города». В «Современной идиллии» классик охарактеризовал Кашина как «выморочный город». Правда, отмечал качество местных вин. А Владимир Орлов в романе «Аптекарь» дает городу такую оценку: «Ныне многие древности превратились в Кашине именно в пустоту, однако иные все же стоят». По мнению автора, Кашин не похож ни на один виденный им город. В Кашине легко заблудиться: зеленоватые воды реки Кашины так петляют по городу, что кого угодно сбьют с толку. Зато если внимательно посмотреть на кар-

ту, заметишь, что русло Кашины образует форму сердца. А желающие прогуляться вдоль реки будут поражены количеством деревянных мостов и мосточек. По сравнению с Калязином торговля здесь идет активнее, веселее ремонтируются улицы, и бросается в глаза большое число детей: население города, стремительно сокращавшееся в 90-е годы, сейчас резко пошло в рост. Кашинские купцы славились своей набожностью: после них в городе осталось более 20 соборов и церквей. Конечно, большевики разрушили почти все, но сохранился Воскресенский собор и мощи святой Анны Кашинской. Сегодня памятник покровительнице города стоит перед 80-метровой махиной собора, а у подножия постамента лежат розы.

... В 1318–1339 годах в Золотой Орде казнили мужа Анны – князя Михаила Тверского, затем двух сыновей и внука. Она приняла постриг и стала игуменьей Тверского женского монастыря во имя святого Афанасия. В Кашине она прожила лишь последний год своей долгой жизни, здесь приняла схиму. При царе Алексее Михайловиче Анну канонизировали. Но десять лет спустя патриаршая комиссия выявила «несоответствия» вделах святой и даже в ее посмертном жесте с двумя вытянутыми перстами правой руки усмотрела признаки раскольничества. Последовала деканонизация. Возвращение в сонм святых состоялось только после наполеоновского нашествия...

– Многие удивляются, почему Анна пользуется такой любовью в Кашине, – рассуждает местный искусствовед Арсений Мухин. – Она очень близка местным жителям по духу: страдающая, горючая, но своеевольная и несломленная. Из наших мест удивительно мало людей уезжает, хотя до Москвы всего 180 километров. У людей сильно выражено упрямство: я здесь родился и буду жить, несмотря ни на что. Это очень русская черта, которая для возрождения Кашина может оказаться важнее инвестиций и подрядов. ●